

16+

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1

2025

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

АРМАВИР

ISSN 2618-8775

BULLETIN
OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY

№ 1

2025

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on the index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

ARMAVIR

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 1

2025

Главный редактор

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, член Русского географического общества

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики и естественно-научных дисциплин ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии и трудового воспитания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2025 г.

№ 1

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО
«Армави́рский
государственный
педагогический
университет»**

Web site:
<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail:
vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры основ российской государственности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Равочкин Никита Николаевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полеецкого»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и коррекционной педагогики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тришатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиала) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна (Армения)

Ответственный редактор

Белуосова Анна Олеговна, начальник редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алексеева Г.А.

Педагогические условия формирования коммуникативной компетенции студентов медицинского вуза в условиях контекстно-рефлексивной технологии 9

Герлах И.В., Твелова И.А., Хлудова Л.Н.

Изучение научно-исследовательского потенциала студентов педагогического вуза 16

Данильянц Э.И., Мосина О.А.

Теоретические основы формирования экономических представлений у старшеклассников 29

Зайцева Л.А., Красильникова Н.В., Ключко Ю.С.

Персонализированный подход в дистанционном наставничестве для выпускников автошкол 36

Павлов С.В.

Анализ применения Дальтон-плана в Советской России в 20-х годах XX века 44

Паленый А.В.

Технология профессиональной подготовки иностранных военных обучающихся на основе личностно-ориентированного подхода 56

Тамашина Я.Н.

Психологический аспект понятия «креативность» в контексте педагогического исследования формирования креативного мышления учащихся 63

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Безруков А.А., Безрукова Е.С.

Феномен С.Н. Глинки как факт и как фактор русской исторической и общественно-литературной мысли 75

Каспарян К.В., Колесников И.Н., Рогожина Н.Ю.

Гражданская война в России в литературном искусстве 1920-х – 1940-х гг. 84

Клоков А.Н.

Народы Северного Кавказа и Московское царство в первые десятилетия XVIII века 95

Колесников И.Н., Каспарян К.В., Рогожина Н.Ю.

Трансформация изображения Гражданской войны в России в литературных произведениях (1948–1989 гг.) 106

Коханов Д.Ф., Орчакова Л.Г.

К вопросу о периодизации развития суворовских училищ
с 1950-х годов по настоящее время 116

Матвеев В.А.

Проектирование реформы децентрализации Российской империи
в начале XX в.: замыслы и критерии 127

Середина И.В.

Традиционное хозяйство и капиталистические перспективы
автохтонного населения Северного Кавказа в середине XIX в. 139

Цечоев А.Я.

К вопросу об этногенезе и этноидентичности ингушей 149

Шнайдер В.Г.

Проблемы народного образования в Армавире в начале 1920-х гг. 157

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Корякина А.А.

О межкультурной политике в гражданском обществе 164

Папонов С.В.

Ценностные основания коммуникативности личности в сфере
повседневной социальности 171

Равочкин Н.Н., Сухов Ю.П.

Трансформация идей утопистов в современном мире:
социально-философский анализ 179

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 190

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала
«Вестник Армавирского государственного педагогического
университета»** 196

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Alekseeva G.A.</i> Pedagogical Conditions for Forming Communicative Competence of Medical University Students in Context-Reflective Technology	9
<i>Gerlakh I.V., Tvelova I.A., Khludova L.N.</i> Studying the Scientific and Research Potential of Pedagogical University Students	16
<i>Danilyants E.I., Mosina O.A.</i> Theoretical Foundations for the Formation of Economic Ideas Among High School Students	29
<i>Zaitseva L.A., Krasilnikova N.V., Klyuchko Yu.S.</i> A Personalized Approach in Distance Coaching for Car School Graduates	36
<i>Pavlov S. V.</i> Analysis of the Implementation of Dalton Plan in Soviet Russia in the 1920s	44
<i>Paleniy A.V.</i> The Technology of Professional Training of Foreign Military Trainees Based on a Personality-Oriented Approach	56
<i>Tamashina Ya.N.</i> The Psychological Aspect of the Concept of "Creativity" in the Context of Pedagogical Research on the Formation of Students' Creative Thinking	63

HISTORICAL SCIENCES

<i>Bezrukov A.A., Bezrukova Ye.S.</i> The Phenomenon of S.N. Glinka as a Fact and as a Factor of Russian Historical and Social-Literary Thought	75
<i>Kasparyan K.V., Kolesnikov I.N., Rogozhina N.Yu.</i> The Civil War in Russia in Literary Art of the 1920s – 1940s	84
<i>Klovov A.N.</i> The Peoples of the North Caucasus and the Kingdom of Moscow in the First Decades of the 18th Century	95
<i>Kolesnikov I.N., Kasparyan K.V., Rogozhina N.Yu.</i> Transformation of the Representation of the Civil War in Russia in Literary Works (1948–1989)	106

<i>Kokhanov D.F., Orchakova L.G.</i>	
On the Issue of Periodization of the Development of Suvorov Schools From the 1950s to the Present	116
<i>Matveev V.A.</i>	
Designing the Decentralization Reform of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century: Ideas and Criteria	127
<i>Seredina I.V.</i>	
Traditional Economy and Capitalist Prospects for the Autochthonic Population of the North Caucasus in the Middle of the XIX Century	139
<i>Tsechoev A.Ya.</i>	
On the Question of Ethnogenesis and Ethnic Identity of the Ingush	149
<i>Schneider V.G.</i>	
Problems of Public Education in Armavir in the Early 1920s	157
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
<i>Koriakina A.A.</i>	
On Intercultural Policy in Civil Society	164
<i>Paponov S.V.</i>	
Value Bases of Personal Communication in the Sphere of Everyday Sociality	171
<i>Ravochkin N.N., Suhov Yu.P.</i>	
Transformation of Utopian Ideas in the Modern World: Socio-Philosophical Analysis	179
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	190
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	196

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.147

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ КОНТЕКСТНО-РЕФЛЕКСИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Г.А. Алексеева

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR FORMING COMMUNICATIVE COMPETENCE OF MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS IN CONTEXT-REFLECTIVE TECHNOLOGY

G.A. Alekseeva

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития коммуникативной компетенции студентов медицинского вуза в условиях контекстно-рефлексивной технологии. Коммуникативная компетенция в образовательном пространстве медицинского вуза рассматривается как ключевой элемент профессиональной подготовки будущей профессиональной деятельности, необходимый для эффективного взаимодействия с пациентами, коллегами и сотрудниками здравоохранения. В статье обосновываются педагогические условия, способствующие успешному развитию коммуникативной компетенции, среди которых выделяются сами мотивы студентов медицинского вуза, активное использование интерактивных методов обучения, внедрение технологий виртуальной и дополненной реальности, поддержка со стороны преподавателей и наставников. Особое внимание уделяется рефлексии в контекстно-рефлексивной технологии как осмыслению студентами медицинского вуза своих профессиональных действий, их анализ и прогнозирование. Обозначена перспектива дальнейших исследований в данной области.

Abstract. The article considers the features of communicative competence of medical university students in the conditions of contextual-reflexive technology. Communicative competence in the educational space of a medical university is considered as a key element of professional training for future professional activities, which is necessary for effective interaction with patients, colleagues and healthcare providers. The article also highlights the pedagogical conditions that contribute to the successful development of communicative competence which can be considered in the article as motives of medical students, the active using of interactive teaching methods, the introduction of virtual and augmented reality technologies and support from teachers and mentors stand out. Particular attention is paid to reflection in context-reflexive technology as medical school students' understanding of their professional actions, their analysis and forecasting. The perspectives of the studies in this field are also mentioned.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, студенты медицинского вуза, контекстно-рефлексивная технология, педагогические условия.

Keywords: communicative competence, medical university students, context-reflective technology, pedagogical conditions.

Быстро развивающееся общество и система образования сегодня поднимают актуальную проблему формирования профессиональных компетенций студентов медицинских вузов в условиях новых стандартов. Внедрение новых стандартов, ориентированных на актуальные потребности здравоохранения, делает образование более целевым и практическим. Изменение требований к профессиональной подготовке медицинских специалистов подчеркивает высокую значимость потребности современного общества в высококвалифицированных профессионалах в области здравоохранения, обладающих лингво-профессиональными знаниями, владеющих способностью адекватно анализировать свою профессиональную деятельность, идентифицировать себя с другими, а также готовностью создавать ценности в себе, своей профессии и окружающей среде [1, с. 9].

Сегодня многие медицинские университеты активно изучают качества, при которых специалисты становятся востребованы на современном рынке медицинских услуг и активно анализируют модель медицинского выпускника. Согласно обновленным стандартам ФГОС 3+, приоритет отдается практико-ориентированным компетенциям. В подготовке будущих врачей общей практики акцент в образовательных программах (специалитет, ординатура, аспирантура) смещается с компетенции, обозначаемой как «знания», на компетенцию, определяемую как «практические навыки». Вопрос о новых конкурентоспособных моделях образования в XXI веке обсуждался в рамках традиционного Делового завтрака, организованного Сбербанком с участием ректоров ведущих вузов России, представителей министерств и Правительства РФ, руководителей крупнейших российских и международных компаний, а также губернаторов ключевых регионов страны [6, с. 140]. Итоги обсуждения были подведены с помощью голосования, которое позволило сформулировать конкретные выводы. Коммуникативная компетенция является одной из ключевых составляющих профессиональной подготовки будущих врачей. Таким образом, в условиях современного здравоохранения, где важную роль играет взаимодействие с пациентами, их родственниками и коллегами, способность эффективно общаться становится неотъемлемой частью медицинской практики.

В современной педагогической науке коммуникативная компетенция студентов медицинских вузов активно исследуется и обсуждается. Согласно Н.А. Лебедевой, коммуникативная компетенция является как ключевая составляющая профессиональной подготовки студентов медицинских вузов. Она подчеркивает, что коммуникативная компетенция включает умения эффективно общаться с пациентами, коллегами и другими участниками медицинского

процесса. Н.А. Лебедева акцентировала внимание на необходимости развития не только вербальных, но и невербальных навыков коммуникации, а также способности к эмпатии и пониманию потребностей пациентов. Это, по ее мнению, способствует более качественному взаимодействию и, в конечном счете, улучшает результаты медицинского обслуживания [3, с. 205]. В работах И.А. Зимней коммуникативная компетенция рассматривается как совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для успешного общения в профессиональной среде. Она подчеркивает важность этих компетенций для врачей, так как они способствуют эффективному взаимодействию с пациентами и коллегами. И.А. Зимняя выделяет несколько компонентов коммуникативной компетенции, включая вербальные и невербальные навыки, умение слушать и устанавливать контакт, а также навыки конструктивного разрешения конфликтов. И.А. Зимняя отмечает, что развитие этих компетенций должно быть интегрировано в учебные программы медицинских вузов [2, с. 17]. Т.С. Серова и Л.А. Гаспарян считают, что профессиональная коммуникационная компетенция врача охватывает выполнение ряда речевых действий, таких как аргументированный анализ, международные выступления с участием в дискуссиях и полемиках, активное написание и понимание профессионально-ориентированных текстов [4, с. 110].

Обобщая различные мнения исследователей, можно сказать, что коммуникативная компетенция представляет собой не просто компетенцию, указанную в профессиональном стандарте, а многогранный аспект и представляет особую важность в профессии врача. Коммуникативная компетенция является центральным элементом медицинской практики, предполагающей интеграцию различных компонентов, таких как вербальные и невербальные навыки в процессе общения с пациентом.

Для эффективной подготовки студентов медицинского вуза в соответствии с профессиональными стандартами необходимо обосновать применение контекстно-рефлексивной технологии в процессе формирования коммуникативной компетенции. В исследованиях ученых отмечается, что рефлексия является сложным и многоступенчатым процессом, требующим воссоздания определенного педагогического контекста, где преподаватель и студент являлись бы равноправными членами образовательного процесса. Преподаватель способствует развитию образовательного опыта студентов медицинского вуза и помогает направить их на осмысление будущей профессиональной деятельности. Однако, формирование такого типа образовательной среды возможно только при условии, что студенты осознают контекст своей мотивационной потребности сферы. Эффективность рефлексии зависит от анализа, прогнозирования, планирования и отбора эффективных профессиональных действий, где три этапа способствуют возникновению у студентов медицинского вуза представления о себе, ценностных ориентациях, целях и профессиональных способностях. Процесс также включает в себя соотнесение себя с «Я-концепцией» с требованиями будущей профессиональной деятельности. Сама рефлексия в применении контекстно-рефлексивной

технологии помогает студентам медицинского вуза осмыслить не только свои текущие достижения, осознать свои сильные и слабые стороны как специалиста, но и прогнозировать результаты, ставить и реализовывать определенные профессиональные цели.

Наше исследование было направлено на выявление эффективных педагогических условий, способствующих формированию коммуникативной компетенции у студентов 1–2-х курсов специалитета «Лечебное дело» в ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко». Главным педагогическим условием стало применение контекстно-рефлексивной технологии, которая включает в себя способность устанавливать доверительные отношения с пациентами, четко и доступно объяснять медицинскую информацию, работать в команде с коллегами и эффективно решать конфликтные ситуации. В свою очередь, контекстно-рефлексивная технология также предполагает и понимание культурных, социальных и этических аспектов общения.

В ходе нашего исследования мотивы студентов медицинского вуза к формированию коммуникативной компетенции стали следующим необходимым педагогическим условием. Мотивация – это система стимулов, которая стимулирует человека к выполнению определенных действий [5, с. 10]. Формирование мотивации у студентов медицинского вуза к развитию коммуникативной компетенции требует системного подхода, включающего образовательные, психологические и практические аспекты. В образовательном процессе необходимо акцентировать внимание роли коммуникативных навыков в процессе общения с пациентами и медицинской практики и осознание ее важности, что было реализовано в ходе проведения практических занятий, на которых объясняется роль коммуникативных навыков в медицинской практике с представлением различных диалогов из медицинской практики. Примеры из реальной клинической практики помогут студентам понять, как эффективное общение влияет на диагностику, лечение и удовлетворенность пациентов.

Важным педагогическим условием в современных условиях становится активное использование интерактивных методов обучения. Интерактивные методы, такие как симуляции, деловые игры, тренинги, разбор клинических случаев и групповые дискуссии позволяют студентам практиковать коммуникативные навыки в безопасной среде, имитирующей будущую профессиональную деятельность. Особое внимание следует уделять таким интерактивным методам как создание реальных ситуаций взаимодействия с пациентами. Воссоздание реальных ситуаций в процессе формирования коммуникативной компетенции особенно полезно для подготовки к сложным ситуациям, например, сообщению плохих новостей.

Использование современных внедренных технологий виртуальной и дополненной реальности, таких как Virtual Reality (VR как виртуальная реальность) и Augmented Reality (AR как дополненная реальность), позволяет создавать реалистичные сценарии для отработки коммуникативных навыков,

что является, безусловно, целесообразным для подготовки к профессиональной деятельности, где каждый день решаются профессиональные задачи. Вышеуказанные современные технологии позволяют студентам погрузиться в реалистичные сценарии общения с пациентами без риска для реальных людей, что способствует улучшению необходимых навыков в безопасной среде, и обеспечивая возможность активного участия и вовлеченности студентов медицинского вуза в учебный процесс.

В исследовании поддержка со стороны преподавателей и наставников и само наставничество сегодня является необходимым педагогическим условием. Наставничество играет ключевую роль в профессиональном контексте, так как именно оно позволяет передать опыт, навыки, и знания от более опытных специалистов молодым специалистам. Преподаватели медицинских вузов должны быть не только экспертами в своей области, но и образцами для подражания в плане коммуникации, обеспечивая более глубокое понимание важности общения в медицинской практике и именно поэтому необходимо создать необходимые условия для наставничества, где опытные врачи смогут поделиться своим опытом общения с пациентами.

Проведенное исследование позволило выявить, анализировать и обосновать педагогические условия, способствующие формированию коммуникативной компетенции студентов медицинского вуза в условиях контекстно-рефлексивной технологии. Результаты экспериментальной работы со студентами 1–2-х курсов по направлению «Лечебное дело» подтвердили эффективность представленных педагогических условий и их позитивное влияние на процесс профессиональной подготовки специалистов здравоохранения, что можно было заметить в повышенной мотивации самих студентов и их положительного восприятия будущей профессиональной деятельности, повышенной мотивации к выполнению сложных ситуационных задач, имитирующих взаимодействие с пациентом, развитии способности к рефлексии, анализа собственных действий и демонстрирование более зрелой профессиональной позиции. Вышеуказанные педагогические условия создают основу для подготовки студентов медицинского вуза к будущей профессиональной деятельности как специалистов, способных успешно решать сложные профессиональные задачи в условиях динамично изменяющейся образовательной среды. Полученные в ходе исследования результаты и выявленные нами эффективные педагогические условия формирования коммуникативной компетенции студентов в медицинских вузах могут обозначить ряд будущих перспективных направлений для дальнейших научных исследований.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить необходимые педагогические условия формирования коммуникативной компетенции студентов медицинского вуза в условиях контекстно-рефлексивной технологии, необходимые будущим специалистам для успешного выполнения ими будущей профессиональной деятельности в современном быстро развивающемся положении отечественной медицины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, Г. А. Разработка комплексной педагогической технологии контекстного типа подготовки студентов медицинского вуза в контексте интегрированной лингво-профессиональной деятельности / Г. А. Алексеева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского педагогического университета. – 2022. – № 4. – С. 9–15.
2. Зимняя, И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентного подхода в образовании / И. А. Зимняя. – Текст : непосредственный // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 4 (4). – С. 16–31.
3. Лебедева, Н. В. Формирование коммуникативной компетенции: Междисциплинарный контекст / Н. В. Лебедева. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского гуманитарно-педагогического университета. – 2017. – № 2 (1). – С. 202–207.
4. Серова, Т. С. Типология умений иноязычного диалогического общения будущего врача с пациентом / Т. С. Серова, Л. А. Гаспарян. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2013. – № 4 (24). – С. 104–120.
5. Шакирова, Д. М. Мотивация и стимулирование как инструменты управления трудовой деятельностью / Д. М. Шакирова, К. В. Конышов, В. В. Вагапов. – Текст : непосредственный // Наука Красноярья. – 2023. – № 4 (12). – С. 7–17.
6. Alekseeva G. A. Professional Qualities Formation of Educators in the System of Professional Development Training / A. S. Fetisov, E. P. Komarova, G. A. Alekseeva, S. K. Gural // Language and Culture. – 2019. – No. 45. – Pp. 134–141.
7. Alfehaid A. English for Future Healthcare Professionals in Saudi Arabi: A needs analysis proposal / A. Alfehaid // Journal of Teaching English to Students in Transitions Conference. – 2014. – Vol. 2. – No. 2 (2). – Pp. 275–280.

REFERENCES

1. Alekseeva G. A. Development of a comprehensive pedagogical technology for the contextual type of training of medical university students in the context of integrated linguistic-professional activities. *Vestnik Armavirskogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Armavir Pedagogical University*, 2022, no. 4, pp. 9–15. (In Russian).
2. Zimnyaya I. A. Competence and competency in the context of the competency-based approach in education. *Uchenye zapiski nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki = Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*, 2013, no. 4 (4), pp. 16–31. (In Russian).
3. Lebedeva N. V. Formation of communicative competence: Interdisciplinary context. *Vestnik Permskogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Permskii Humanitarian and Pedagogical University*, 2017, no. 2 (1), pp. 202–207. (In Russian).
4. Serova T. S., Gasparyan L.A. Typology of foreign language dialogical communication skills of the future doctor with the patient. *Yazyk i kul'tura = Language and culture*, 2013, no. 4, pp. 104–120. (In Russian).
5. Shakirova D. M., Konyzhov K. V., Vagapov V. V. Motivation and stimulation as tools for managing work activities. *Nauka Krasnoyar'ya = Science of Krasnoyarsk*, 2023, no. 4 (12), pp. 7–17. (In Russian).

6. Fetisov A. S., Alekseeva G. A., Komarova E. P. Professional Qualities Formation of Educators in the System of Professional Development Training. *Language and Culture*, 2019, no. 45, pp. 134–141.

7. Alfahaid A. English for Future Healthcare Professionals in Saudi Arabi: A needs analysis proposal. *Journal of Teaching English to Students in Transitions Conference*, 2014, no. 2 (2), pp. 275–280.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алексеева, Г. А. Педагогические условия формирования коммуникативной компетенции студентов медицинского вуза в условиях контекстно-рефлексивной технологии / Г. А. Алексеева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 9–15.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Alekseeva G. A. Pedagogical Conditions for Forming Communicative Competence of Medical University Students in Context-Reflective Technology / G. A. Alekseeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 9–15. (In Russian).

УДК 378 (045)

ИЗУЧЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

И.В. Герлах, И.А. Твелова, Л.Н. Хлудова

STUDYING THE SCIENTIFIC AND RESEARCH POTENTIAL OF PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS

I.V. Gerlakh, I.A. Tvelova, L.N. Khludova

Аннотация. В статье анализируются результаты опроса студентов Армавирского государственного педагогического университета по вопросам мотивации, организации и перспектив научно-исследовательской деятельности студентов бакалавриата и магистратуры. Представлены формы научной деятельности, в которых студенты принимают участие, перспективное видение студентами своей научной деятельности. Рассмотрены система информирования студентов о возможностях участия в научных мероприятиях, эффективные формы поддержки студенческих научных исследований. Дана оценка деятельности научного студенческого общества и Совета молодых ученых. Названы основные барьеры, препятствующие развитию научно-исследовательской деятельности студентов в вузе. Сформулированы рекомендации по оптимизации научно-исследовательской работы студентов и развитию их научно-исследовательского потенциала.

Abstract. The article analyzes the results of a survey of students of Armavir State Pedagogical University on the issues of motivation, organization and prospects of research activities of undergraduate and graduate. The forms of scientific activity in which students take part are presented, as well as the students' perspective on their scientific activities. The article considers the system of informing students about the opportunities for participation in scientific events, effective forms of support for student scientific research. An assessment of the activities of the scientific student society and the Council of Young Scientists is given. The main barriers hindering the development of research activities of students at the university are named. Recommendations for optimizing the research work of students and developing their research potential are formulated.

Ключевые слова: научно-исследовательский потенциал, научно-исследовательская работа, студенты, педагогический вуз, будущий учитель, мотивация, наука.

Keywords: research potential, research work, students, pedagogical university, future teacher, motivation, science.

Современный мир сталкивается с множеством сложных проблем. Страны, активно инвестирующие в научные исследования, становятся мировыми лидерами в области инноваций и высоких технологий, что укрепляет их позиции на международной арене. Россия обладает богатой научной традицией, и поддержка научных исследований позволяет сохранить и развивать эту культурную ценность. Создание и государственная поддержка собственных научных школ и лабораторий обеспечивает технологическую независимость страны, снижает

зависимость от зарубежных разработок и технологий. Развитие науки способствует улучшению качества образования и подготовке высококвалифицированных специалистов, необходимых для дальнейшего прогресса общества. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» ставит перед высшим образованием и научным сообществом в целом задачу обеспечения присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования.

По данным исследователя Н.М. Полянской, «на 2021 год число научных организаций, занятых научными исследованиями и разработками в Южном федеральном округе с 2006 года выросло на 37,7 %» [8]. Она отмечает, что «на фоне роста абсолютного числа научных организаций происходит сокращение численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками... в расчете на 100 тыс. жителей наименьшая обеспеченность – в регионах Северо-Кавказского, Южного и Дальневосточного округов» [8].

М.В. Косцова, А.В. Гришина, С.А. Лешкевич считают, что «современная парадигма высшего образования определяет стратегию профессионального становления, где научная составляющая студента выходит на первый план. К сожалению, современная высшая школа не создает достаточных условий по реализации студенческого научного потенциала» [4].

Ряд исследователей, таких как А.В. Гришина, М.В. Косцова, Г.А. Мун, Т.Д. Дубовицкая, И.Э. Сулейменов, О.А. Габриелян и другие, высказывают мнение о том, что «научная субъектность студента высшей школы как феномен недостаточно изучен и требует нового взгляда с точки зрения ее формирования» [4; 5].

Сегодня, по мнению автора О.О. Чертовских, необходимо «обеспечение высокого качества обучения в соответствии с актуальными требованиями и стандартами; глубокого знания предметов, развитие у студентов критического мышления, аналитических и творческих способностей; подготовка к профессиональной деятельности» [11]. На современном рынке труда имеет место высокий уровень конкуренции среди выпускников вузов, что актуализирует развитие у студентов востребованных компетенций и навыков в области межличностного взаимодействия, установления партнерских отношений, командной работы.

В процессе обучения студентов в системе высшего образования необходимо формировать у них навыки научно-исследовательской деятельности, которые будут направлены на развитие аналитического и критического мышления, умения выявлять и решать научные и профессиональные проблемы и задачи. Это становится возможным только при условии мотивированной вовлеченности студентов в научно-исследовательскую работу.

Исследователи В.А. Черешнев и А.В. Тодосийчук отмечают, что по данным, полученным Росстатом в 2020 году, особенно острой для развития

науки является кадровой проблема [10, с. 20], и предполагают, что «основные причины утечки кадров и низкого притока молодежи в науку – недостаточное финансирование научных исследований и разработок, несовершенство системы оплаты труда в науке, отсутствие ясных перспектив карьерного роста ученых. Научный труд малопривлекателен для молодежи» [10].

Современные ученые трактуют понятие «научно-исследовательская деятельность / работа студентов», основываясь на разных функциях или характеристиках НИРС. Она понимается как:

- деятельность, направленная на получение и применение новых знаний; компонент профессионального становления студентов;
- этап подготовки к исследовательской деятельности;
- процесс формирования ценностей; творческая деятельность студента-исследователя [9].

Автор И.А. Голубева считает, что данные определения не исключают друг друга и могут являться дополнением друг для друга, раскрывая все аспекты и функции студенческой науки [2].

С точки зрения психологии, потенциал человека рассматривается как «совокупность свойств индивида и личности, определяющих способность и готовность к выполнению деятельности» (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, Г.М. Зараковский, Г.Б. Степанова). Б.Д. Парыгин утверждает, что «потенциал личности состоит из эмоциональных, интеллектуальных, энергетических и волевых возможностей» [7].

Научно-исследовательский потенциал студентов педагогического вуза раскрывается через обучение основам организации научно-исследовательского труда под руководством преподавателей. Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) предусматривает ряд определенных функций, которые являются важными для предстоящей профессиональной деятельности: образовательную, организационно-ориентационную, аналитико-корректирующую, мотивационную, развивающую и воспитывающую.

Актуальность изучения научно-исследовательского потенциала студентов педагогического вуза обусловлена рядом причин:

1. *Повышение качества подготовки специалистов.* Научно-исследовательская работа студентов способствует развитию навыков самостоятельного выполнения научных исследований, внедрению их результатов в учебный процесс и практическую деятельность, улучшает качество преподавания в будущем. Студенты получают опыт работы с новыми методиками и технологиями, что позволяет внедрять инновационные подходы в образовательный процесс.

2. *Подготовка к научной карьере.* Для тех студентов, кто планирует продолжить обучение в аспирантуре или заниматься наукой профессионально, участие в исследовательской работе является важным этапом подготовки. Это помогает развить необходимые навыки для проведения самостоятельных исследований и написания научных публикаций.

3. *Формирование культуры научного мышления.* Участие в научных проектах развивает у студентов умение формулировать гипотезы, проводить эксперименты, обрабатывать результаты и делать выводы. Эти навыки необходимы не только в науке, но и в повседневной жизни, помогая принимать обоснованные решения.

4. *Создание базы для дальнейших исследований.* Исследовательская работа студентов может стать основой для более масштабных проектов и разработок в области педагогики. Это способствует развитию науки и практики образования, а также позволяет решать актуальные проблемы современного общества.

5. *Укрепление междисциплинарных связей.* Современные образовательные программы требуют интеграции различных дисциплин. Научные исследования позволяют студентам развивать навыки работы в междисциплинарной среде, что особенно важно для педагогов, работающих с детьми разного возраста и уровня подготовки.

6. *Стимулирование творческой активности.* Работа над научными проектами стимулирует творческое мышление и инициативу. Студенты учатся искать нестандартные решения проблем, что делает их более гибкими и адаптивными специалистами.

7. *Социальная значимость.* Результаты научных исследований студентов могут иметь практическое значение для общества. Например, разработка новых методик обучения детей с особыми потребностями или внедрение инновационных технологий в школьное образование.

Таким образом, изучение научно-исследовательского потенциала студентов педагогического вуза способствует их профессиональному росту, улучшению качества образования и решению актуальных социальных задач.

Изучению основных подходов к организации, методическому обеспечению и содержанию научно-исследовательской деятельности студентов посвящены труды Н.Н. Кузнецова, Н.В. Солововой, А.М. Паньковой, В.И. Загвязинского, В.И. Гинецинского, И.А. Зимней, Е.В. Бережновой, Д.Б. Богоявленской, И.Я. Лернера, А.А. Вербицкого, В.В. Краевского и др. В современных условиях она требует дальнейшего рассмотрения и исследования.

Цель исследования – изучить роль и качество организации научно-исследовательской деятельности студентов педагогического вуза в подготовке будущих учителей. Основные задачи включают изучение организации научно-исследовательской деятельности студентов педвузов.

Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования организации научно-исследовательской работы студентов и повышения качества подготовки будущих педагогов.

Н.В. Бордовская и С.Н. Костромина указывают, что понятие «исследовательский потенциал» представляет собой системную и интегральную

характеристику «внутренних и приобретенных в процессе обучения, воспитания и развития ресурсов, а именно: силы его интеллекта и личностной зрелости, информационно-когнитивной, мотивационно-ценностной и организационно-волевой сферы, необходимых и достаточных для овладения и успешного самостоятельного осуществления исследовательской деятельности» [1, с. 90]. Следовательно, научно-исследовательский потенциал студентов состоит из следующих компонентов: когнитивного, мотивационного, деятельностного, рефлексивного.

На развитие научно-исследовательского потенциала студентов влияют следующие факторы:

1) индивидуальные особенности: возраст, пол, уровень интеллекта, мотивация, интересы и склонности;

2) образовательная среда: качество образования, доступность ресурсов, организация учебного процесса, наличие научно-исследовательских лабораторий и кружков;

3) научно-исследовательская деятельность: участие в конференциях, публикация статей, выполнение курсовых и дипломных работ, участие в проектах и грантах;

4) взаимодействие с научным руководителем: поддержка, помощь в выборе направления исследования, контроль и оценка результатов.

В январе 2025 года на базе ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» нами было проведено исследование «Научно-исследовательский потенциал студентов АГПУ», в котором приняли участие 1 449 студентов разных курсов и специальностей.

В ходе исследования авторами применялся комплекс теоретических, практических и математических методов научного познания, таких как:

1) опрос с применением открытых, полужакрытых и закрытых вопросов;

2) регистрация;

3) обобщение данных;

4) статистическая обработка данных;

5) математическая обработка данных.

В опросе приняли участие 34,5 % студентов психолого-педагогического факультета, 19,3 % студентов исторического факультета, 17,9 % физико-математического факультета, 17,1 % студентов филологического факультета и 11,1 % студентов факультета технологии и физической культуры. Из них 23,7 % обучаются на 1 курсе, 22,1 % – на четвертом курсе, 20,5 % – на втором курсе, 19,9 % – на третьем курсе, 10,9 % на пятом курсе, 2,7 % респондентов обучаются в магистратуре, а 0,2 % – в аспирантуре.

В ходе обработки результатов исследования, полученные данные были сгруппированы нами по смысловому (содержательному) показателю в 3 раздела.

Личный опыт и перспективы респондентов в научно-исследовательской деятельности. Изучение научно-исследовательского потенциала студентов

АГПУ невозможно без выявления их личного опыта и видения перспектив в данной сфере. В связи с этим мы посчитали необходимым установить, в каких формах научной деятельности студенты принимали участие. Результаты опроса представлены на Рисунке 1.

В рамках учебной работы (курсовые, ВКР)	571 28.9%
Не принимал участия	566 28.6%
Участие в научно-исследовательских проектах под руководством преподавателей университета	300 15.2%
Научные конкурсы	289 14.6%
Студенческие научные кружки, лаборатории	237 12%
Свой вариант ответа	13 0.7%

Рис. 1 – Формы научной деятельности, в которых студенты принимают участие

Как показано на Рисунке 1, наиболее распространенной формой является научная деятельность в рамках учебы при написании курсовых или выпускных квалификационных работ, ее указали 28,9 % респондентов. 15,2 % опрошенных принимают участие в научно-исследовательских проектах под руководством преподавателей университета, практически такое же количество студентов (14,6 %) участвует в научных конкурсах, 12 % посещают студенческие кружки или лаборатории. При этом 28,6 % респондентов указали, что не принимают участие в научной деятельности.

Важным фактором, позволяющим оценить состояние студенческой вовлеченности в научно-исследовательскую жизнь университета, является перспективное видение респондентами своей деятельности в данной сфере. На Рисунке 2 показаны результаты ответов студентов АГПУ на вопрос «Планируете ли Вы в перспективе заниматься научной деятельностью?».

Нет, не планирую	765 51.1%
Да, планирую заниматься научной деятельностью, пока учусь в вузе	494 33%
Да, планирую поступать в аспирантуру	209 14%
Свой вариант ответа	22 1.5%
Уже обучаюсь в аспирантуре	7 0.5%

Рис. 2 – Перспективное видение студентами своей научной деятельности

Данные, представленные на Рисунке 2, показывают, что 33 % респондентов планируют заниматься научной деятельностью, пока учатся в вузе, 14,5 % планируют связать свою жизнь с наукой и поступить в аспирантуру

или уже проходят обучение в ней. 51,1 % опрошенных не планирует заниматься научной деятельностью.

Эффективность и активность в любой сфере деятельности напрямую зависит от мотивации участников. В связи с этим мы предложили студентам АГПУ ответить на вопрос «Что мотивирует Вас заниматься научно-исследовательской деятельностью?». Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов. Результаты опроса представлены на Рисунке 3.

Получение дополнительных баллов по дисциплине	491 21.8%
Интерес к научно-исследовательской деятельности	482 21.4%
Ничего не мотивирует	358 15.9%
Авторитет и личный пример научного руководителя	311 13.8%
Возможность получить грант или повышенную стипендию	301 13.4%
Перспектива карьерного роста в сфере науки и образования	300 13.3%
Свой вариант ответа	9 0.4%

**Рис. 3 – Мотивы студентов
для занятия научно-исследовательской деятельностью**

Получение дополнительных баллов по изучаемым предметам в условиях балльно-рейтингового оценивания (21,8 %) и интерес к научно-исследовательской деятельности (21,4 %) являются основными ведущими мотивами для занятия научно-исследовательской деятельностью респондентов. Примерно равное количество респондентов (более 13 %) указало такие мотивы, как авторитет и личный пример научного руководителя, возможность получить грант или повышенную стипендию, перспектива карьерного роста в сфере науки и образования. 15,9 % – не мотивированы на научно-исследовательскую деятельность.

Оценка респондентами организации НИРС в АГПУ. Важную роль в развитии научно-исследовательского потенциала студентов играет организация их научной деятельности в университете. Поэтому нами был разработан комплекс вопросов, ответы на которые позволят не только оценить, но и усовершенствовать организационные стороны изучаемой деятельности на уровне вуза.

Своевременное и полное получение информации студентами о научной жизни АГПУ и партнерских образовательных организаций оказывает существенное влияние на раскрытие их научно-исследовательского потенциала. На Рисунке 4 показаны результаты ответов на вопрос, отражающий систему информирования студентов о возможностях участия в научных мероприятиях АГПУ.

От преподавателей	1124	30.6%
От кураторов	800	21.8%
Из официальных пабликов АГПУ	530	14.4%
От однокурсников	413	11.2%
От научных руководителей	384	10.4%
Из социальных сетей	349	9.5%
Не получаю такой информации	75	2%
Свой вариант ответа	3	0.1%

Рис. 4 – Результаты ответов респондентов на вопрос «Как вы узнаете о возможностях участия в научных мероприятиях?»

Данные, представленные на Рисунке 4, показывают, что 62,8 % респондентов узнает о возможностях участия в научных мероприятиях АГПУ от преподавателей, научных руководителей или кураторов. 14,4 % студентов получают эту информацию из официальных пабликов АГПУ, 11,2 % – узнают от однокурсников, 9,5 % – из социальных сетей. 2 % опрошенных отметили, что не получают такую информацию.

Значимой нам представляется информация о том, какие формы поддержки студенческих научных исследований в АГПУ респонденты считают наиболее эффективными. В связи с этим в опросник нами был включен вопрос, позволяющий установить эти сведения. Ответ на него допускал выбор нескольких вариантов. Результаты опроса отражены на Рисунке 5.

Финансовая поддержка (повышенная стипендия, гранты)	1109	39.7%
Научно-методическая помощь со стороны преподавателей в организации исследований, написании научных работ и т.д.	556	19.9%
Доступ к лабораторному оборудованию АГПУ	433	15.5%
Деятельность научного студенческого общества АГПУ	322	11.5%
Деятельность научных кружков, лабораторий	288	10.3%
Нет эффективных форм поддержки	78	2.8%
Свой вариант ответа	8	0.3%

Рис. 5 – Формы поддержки студенческих научных исследований в АГПУ, которые респонденты считают наиболее эффективными

Данные Рисунка 5 свидетельствуют о том, что 39,7 % респондентов считают наиболее эффективной формой поддержки студенческих научных исследований в АГПУ финансовую поддержку, включающую в себя получение повышенных стипендий и грантов. 19,9 % опрошенных считают эффективной формой поддержки научно-методическую помощь со стороны преподавателей в организации исследований, написании научных работ и т. д. 15,5 % респондентов указали деятельность научных кружков, лабораторий, 11,5 % студентов

выбрали деятельность научного студенческого общества АГПУ. 2,8 % респондентов считают, что эффективных форм поддержки нет.

В университете на протяжении многих лет действуют научное студенческое общество и Совет молодых ученых. В связи с этим мы попросили респондентов дать оценку их работе. Полученные результаты показаны на Рисунке 6.

Положительно	1114 77.6%
Ничего не знаю о нем	258 18%
Неэффективно работает	63 4.4%

Рис. 6 – Оценка респондентами деятельности научного студенческого общества и Совета молодых ученых

Как показали результаты опроса, 77,6 % респондентов оценивают деятельность научного студенческого общества и Совета молодых ученых АГПУ положительно. 4,4 % опрошенных считают, что научное студенческое общество АГПУ работает неэффективно. 18 % опрошенных не осведомлены о деятельности научного студенческого общества АГПУ.

В контексте нашего исследования необходимым представляется выявление основных барьеров, которые, по мнению студентов, препятствуют развитию их научно-исследовательской деятельности в АГПУ. Результаты ответов на данный вопрос представлены на Рисунке 7.

Большая занятость в учебном процессе	678 27.4%
Недостаточность времени из-за обучения по индивидуальному плану	490 19.8%
Ничто не препятствует	337 13.6%
Большая занятость в культурно-массовых мероприятиях	328 13.3%
Недостаточная материальная поддержка научных исследований студентов	309 12.5%
Отсутствие необходимых компетенций	204 8.3%
Недостаточная поддержка со стороны научного руководителя	114 4.6%
Свой вариант ответа	10 0.4%

Рис. 7 – Основные барьеры, препятствующие развитию научно-исследовательской деятельности студентов

Среди основных барьеров, препятствующих развитию научно-исследовательской деятельности студентов в АГПУ, 27,4 % респондентов указали большую занятость в учебном процессе, 19,8 % студентов считают, что у них недостаточно времени для занятий наукой из-за обучения по индивидуальным планам (индивидуальный план обучения оформляется в случае ведения студентом трудовой деятельности в сфере образования). 13,3 % указали на большую

занятость в культурно-массовых мероприятиях, 12,5 % отметили недостаточную материальную поддержку научных исследований студентов. 8,3 % студентов признали отсутствие у них необходимых компетенций. 4,6 % считают, что получают недостаточную поддержку со стороны научного руководителя. 13,6 % респондентов отметили, что им ничто не препятствует.

Анализ полученных результатов исследования позволил нам сделать следующие выводы:

1. Анализируя обобщенные характеристики участников опроса, можно говорить о том, что наибольшую активность проявили студенты психолого-педагогического факультета. Больше всего в опросе участвовали студенты 1–4-х курсов очной формы обучения.

2. Большинство участников опроса считают, что наиболее распространенной формой является научная деятельность в рамках учебы при написании курсовых или выпускных квалификационных работ. Они планируют заниматься научной деятельностью, пока учатся в вузе.

3. Ведущими мотивами для занятия научно-исследовательской деятельностью большинство респондентов считают получение дополнительных баллов по изучаемым предметам, а также интерес к научно-исследовательской деятельности.

4. Информирование студентов о проведении различных научных мероприятий в АГПУ происходит посредством оповещения преподавателями, научными руководителями и кураторами. Участники опроса считают, что эффективность поддержки студенческих научных исследований в АГПУ напрямую коррелируется с финансовым подкреплением, включающим в себя получение повышенных стипендий и грантов. Большинство респондентов оценивают деятельность научного студенческого общества и Совета молодых ученых АГПУ положительно. Препятствием к участию студентов в научно-исследовательской деятельности является только большая загруженность в учебном процессе, поэтому удовлетворенность организацией научных исследований студентов высока.

Таким образом, нами был сформулирован ряд рекомендаций:

1. Мотивировать студентов к научно-исследовательской деятельности с помощью системы поощрений, включающей в себя академическую, материальную, образовательную и психологическую поддержки, признание заслуг, карьерные перспективы.

2. Организовать курсы и семинары для студентов по основам проведения научных исследований, включая методы сбора и анализа данных, написание научных статей и участие в конференциях.

3. Развивать систему наставничества, в рамках которой опытные преподаватели и старшекурсники помогут студентам в проведении исследований и подготовке публикаций.

4. Формировать студенческие научные общества, работающие над конкретными проектами, что будет способствовать обмену опытом и идеями.

5. Обеспечить студентам доступ к современным научным базам данных, библиотекам и лабораторному оборудованию для проведения качественных научных исследований.

6. Поддерживать участие студентов в международных конференциях и программах обмена, что расширит их научный кругозор и возможности для сотрудничества.

7. Поощрять совместные исследования между студентами разных специальностей для решения комплексных проблем.

8. Осуществлять регулярный мониторинг эффективности проводимых мероприятий и корректировку стратегии развития научно-исследовательского потенциала студентов.

Эти меры помогут улучшить качество научных исследований среди студентов вуза и повысить их интерес к научной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исследовательский потенциал студента: содержание конструкта и методика его оценки / Н. В. Бордовская, С. Н. Костромина, С. И. Розум, Н. Л. Москвичева. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2017. – Том 38. – № 2. – С. 89–103.

2. Голубева, И. А. Научно-исследовательская деятельность студентов: попытка определения / И. А. Голубева. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – Том 8 (74). – 2022. – № 2. – С. 73–86.

3. Гришина, А. В. Специфика рефлексии и проактивного совладающего поведения у студентов-психологов с разной научной субъектностью / А. В. Гришина, М. В. Косцова, Т. Д. Дубовицкая. – Текст : непосредственный // Ученые записки. – 2023. – № 4 (68). – С. 335–341.

4. Косцова, М. В. Исследовательский потенциал студентов вуза в контексте метакогнитивной включенности / М. В. Косцова, А. В. Гришина, С. А. Лешкевич. – Текст : электронный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 5 (143). – URL: <https://research-journal.org/archive/5-143-2024-may/10.60797/IRJ.2024.143.58> (дата обращения: 23.02.2025).

5. Высшее образование в цифровом обществе: использование ресурсов профессионального коллективного бессознательного / Г. А. Мун, И. Э. Сулейменов, О. А. Габриелян [и др.]. – Текст : непосредственный // Известия научно-технического общества «КАХАК». – 2021. – № 3 (74). – С. 4–37.

6. Наука. Технологии. Инновации: 2021 : краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич [и др.]. – М. : НИУ ВШЭ, 2021. – URL: https://www.researchgate.net/publication/348850338_Nauka_Tehnologii_Innovacii_2021 (дата обращения: 23.02.2025). – Текст : электронный.

7. Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. Д. Парыгин. – СПб. : Издательство СПбГУП, 1999. – 592 с. – Текст : непосредственный.

8. Полянская, Н. М. Основные тенденции развития научно-технического и инновационного потенциала России: территориальные различия / Н. М. Полянская. – Текст : непосредственный // *Society and Security Insights*. – 2023. – Том 6. – № 1. – С. 66–85.

9. Терехина, Д. С. К вопросу об определении сущности научно-исследовательской деятельности студентов / Д. С. Терехина. – Текст : электронный // Вестник ГГУ. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvoprosu-ob-opredelenii-suschnosti-nauchno-issledovatel'skoj-deyatelnosti-studentov> (дата обращения: 23.02.2025).

10. Черешнев, В. А. Наука в России: состояние, проблемы, перспективы развития / В. А. Черешнев, А. В. Тодосийчук. – Текст : непосредственный // Вестник Российской академии наук. – 2022. – Том 92. – № 3. – С. 201–212.

11. Чертовских, О. О. Научно-исследовательская работа студентов вуза как важное звено подготовки конкурентоспособного специалиста / О. О. Чертовских. – Текст : непосредственный // Человеческий капитал. – 2023. – № 12 (180). – С. 219–226.

REFERENCES

1. Bordovskaya N. V., Kostromina S. N., Rozum S. I., Moskvicheva N. L. The student's research potential: the content of the construct and the methodology of its assessment. *Psichologicheskij zhurnal = Psychological journal*, 2017, vol. 38, no. 2, pp. 89–103. (In Russian).

2. Golubeva I. A. Scientific research activity of students: an attempt to define. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Sociologiya. Pedagogika. Psichologiya = Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 2022, vol. 8 (74), no. 2, pp. 73–86. (In Russian).

3. Grishina A. V., Kostsova M. V., Dubovitskaya T. D. Specifics of reflection and proactive coping behavior among psychology students with different scientific subjectivity. *Uchenye zapiski = Scientific notes*, 2023, no. 4 (68), pp. 335–341. (In Russian).

4. Kostsova M. V., Grishina A. V., Leshkevich S. A. The research potential of university students in the context of metacognitive inclusion. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Scientific Research Journal*, 2024, no. 5 (143). URL: <https://research-journal.org/archive/5-143-2024-may/10.60797/IRJ.2024.143.58>. (In Russian).

5. Moon G. A., Suleimenov I. E., Gabrielyan O. A. [et al.]. Higher education in the digital society: using the resources of the professional collective unconscious. *Izvestiya nauchno-tekhnicheskogo obshchestva "KAHAK" = Proceedings of the scientific and Technical society "KAHAK"*, 2021, no. 3 (74), pp. 4–37. (In Russian).

6. Gokhberg L. M., Ditkovsky K. A., Evnevich E. I. [et al.]. *Nauka. Tekhnologii. Innovacii: 2021* [Science. Technologies. Innovations: 2021]. M., NIU VSHE, 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/348850338_Nauka_Tehnologii_Innovacii_2021. (In Russian).

7. Parygin B. D. *Social'naya psichologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii* [Social psychology. Problems of methodology, history and theory]. SPb., SPbGUP Publishing House, 1999. 592 p. (In Russian).

8. Polyanskaya N. M. The main trends in the development of Russia's scientific, technical and innovative potential: territorial differences. *Society and Security Insights*, 2023, vol. 6, no. 1, pp. 66–85. (In Russian).

9. Terekhina D. S. On the question of determining the essence of students' research activities. *Vestnik GGU = Bulletin of GGU*, 2012, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvoprosu-ob-opredelenii-suschnosti-nauchno-issledovatel'skoj-deyatelnosti-studentov>. (In Russian).

10. Chereshev V. A., Todosiychuk A. V. Science in Russia: status, problems, prospects of development. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2022, vol. 92, no. 3, pp. 201–212. (In Russian).

11. Chertovskikh O. O. Scientific research work of university students as an important link in the training of a competitive specialist. *Chelovecheskij kapital = Human capital*, 2023, no. 12 (180), pp. 219–226. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Герлах, И. В. Изучение научно-исследовательского потенциала студентов педагогического вуза / И. В. Герлах, И. А. Твелова, Л. Н. Хлудова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 16–28.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gerlakh I. V., Tvelova I. A., Khludova L. N. Studying the Scientific and Research Potential of Pedagogical University Students / I. V. Gerlakh, I. A. Tvelova, L. N. Khludova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 16–28. (In Russian).

УДК 373+37.043

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
У СТАРШЕКЛАССНИКОВ**

Э.И. Данильянц, О.А. Мосина

**THEORETICAL FOUNDATIONS
FOR THE FORMATION OF ECONOMIC IDEAS
AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS**

E.I. Danilyants, O.A. Mosina

Аннотация. В данной статье раскрывается необходимость развития экономической грамотности у старшеклассников в профессионально ориентированной старшей школе, а также выявлены целевые ориентиры, которые позволяют выстроить модель формирования экономической грамотности обучающихся в учебном процессе.

Abstract. This article reveals the need for the development of economic literacy among high school students in a professionally oriented high school, and also identifies targets that allow us to build a model for the formation of economic literacy of students in the educational process.

Ключевые слова: экономическая грамотность, старшеклассники, проектная деятельность.

Keywords: economic literacy, high school students, project activities.

Современный ФГОС определяет, что профессиональное самоопределение школьника, наряду с личностным, является важной составной частью самоопределения жизненного пути школьника. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации указывается, на то, что для развития рынка труда как важнейшей составляющей инновационной экономики необходимо развитие системы профессиональной ориентации, психологической поддержки населения, в том числе профессиональной ориентации школьников, повышении их мотивации к трудовой деятельности по профессиям, востребованным на рынке труда.

Данные установки наглядно демонстрируют востребованность экономической подготовки школьников. Данная подготовка носит профильный характер, так как ориентирует на выбор определенного профессионально ориентированного профиля обучения в выпускных классах школ.

Кроме того, Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (п. 1, пп. 1), указывает на необходимость «расширения возможностей индивидуального развития обучающихся посредством реализации индивидуальных учебных планов с учетом получения предпрофессиональных знаний и представлений, направленных на осуществление осоз-

нанного выбора образовательной программы следующего уровня образования и (или) направленности».

Отвечая на запросы ФГОС [1] и в целом профильного экономического образования в школе сформирован Базисный учебный план, в который включен в том числе социально-экономический профиль. В рамках социально-экономического профиля предполагается углубленное изучение старшеклассниками различных аспектов экономической подготовки.

Профильное обучение открывает широкие возможности для осуществления профессионально направленной деятельности будущих выпускников школ. Специфика обучения в условиях различных профилей и обучающихся групп довольно широко изучена в педагогическом дискурсе, в том числе и роль представлений при выборе будущей профессии [2].

Изучение процесса формирования понятий начинается в поле психологических исследований, рассматривающих представления как результат психических процессов, как образ, созданный продуктивным воображением [3].

В психологии классификации представлений имеют достаточно широкий спектр, но в основном они соотносятся с восприятием (О.В. Большакова, Н.П. Ансимова, О.Н. Кащеева, Е.Н. Корнеева, В.Л. Рубцова, В.Д. Шадриков и др.). Сами понятия, утверждают специалисты, позволяют систематизировать и структурировать представления о мире и себе. В тоже время, восприятие рассматривается ими как процесс получения информации о внешнем мире через органы чувств.

В научной литературе восприятие рассматривается не только как физическое (смотрю, вижу), но и учитывает психологические аспекты исследуемого процесса, такие как: внимание, восприятие цвета, формы, пространства и т. д. Анализ научных исследований позволил пояснить взаимосвязь восприятия и представления. Представления формируются через восприятие. Мы видим образы и воспринимаем информацию, при этом и образы, и информация преломляется в сознании через имеющийся практический опыт личности, мотивацию, установки, потребности и пр., в результате чего формируются представления, индивидуальные для каждой личности.

Под воздействием описанных факторов представление искажает первоначальный образ восприятия. В то же время проведенное исследование не позволяет установить идентичность изучаемых феноменов. Это связано с тем, что восприятие имеет объемный характер. Оно фиксирует как значимые, так и не значимые детали, представления же фрагментарны, они фиксируют части целого восприятия. Кроме того, восприятие образа всегда неустойчиво, склонно к разрушению, представления же носят устойчивый характер. Они служат основой для формирования абстрактных понятий под воздействием языка и внутренней речи. Отметим, что в ряде научных исследований установлено, что «в представлениях открываются образы при детальном умственном и физическом анализе предметов в их отношении друг к другу и к человеку» [4].

Особую значимость представлений в познавательной деятельности личности отмечает Н.А. Шевырина, объясняя, что представление «дает возможность мысленно воссоздавать действительность тогда, когда ее непосредственное восприятие невозможно. Представления обеспечивают ориентировку человека в действительности, дают основу для процессов восстановления и преобразования изученных знаний об экономических объектах, процессах и ожиданиях, связанных с будущей профессией» [5].

В системе обучения представления необходимы для формирования понятий. Чем более широкий спектр восприятия будет предоставлен при изучении педагогических феноменов или процессов, тем более содержательный представления будут сформированы, что должно способствовать установлению четких понятий. Формированию представлений также способствует воссоздание в уме некой реальной ситуации или ситуации проецируемой, абстрактной.

Уточненное понимание «экономические представления» предложено в ряде работ Э.И. Данильянца, они рассматриваются «как посредники между восприятием и осознанием учащимися экономических знаний и отношений» [6]. Формирование представлений, считает автор, практически связано с профессиональной ориентацией старшеклассников, что создает возможность определить логически связанные позиции оценки роли экономических представлений старшеклассников «как субъектов профессионального выбора: как производителя, участвующего в создании и производстве вещей, благ, услуг, товаров; как человека, приобретающего и потребляющего все то, что выработано в экономике; как человека, готовящегося к профессиональной деятельности в области экономики; как управленца, координирующего, согласовывающего действия производителей и потребителей» [6].

Изучение научных позиций А.О. Артемовой [7], Ю.М. Бабина [8], Л.В. Варданян [9], Ю.П. Ветрова [7], Р.А. Галустова [6], О.А. Мосиной [4] и др. по изучаемой проблеме позволил вычленив внутренние факторы, влияющие на формирование представлений у обучающегося: индивидуально-психологические, к которым можно отнести профессионально направленные интересы и способности; мотивационные, к которым можно причислить цели, мотивы; практико-ориентированные, детерминированные формированием направленности и стремлением действовать.

Каждый из этих факторов играет важную роль в процессе обучения и влияет на то, как личность воспринимает и усваивает новые знания, умения и навыки.

Так, мотивация является одним из ключевых факторов, влияющих на формирование понятий у обучающегося, так как способна инициировать интерес к изучаемой теме и эффективность ее усвоения. Уровень самооценки также играет важную роль в процессе обучения. Личность с адекватной самооценкой будет более уверена в своих знаниях и способна к более глубокому пониманию материала. Когнитивные способности также оказывают

влияние на формирование понятий у личности обучающегося. Чем выше уровень интеллекта, тем лучше человек способен анализировать и усваивать новую информацию. Личностные особенности также могут влиять на формирование понятий у обучающегося. Например, индивидуальные различия в стиле мышления, предпочтениях в обучении и способах восприятия могут повлиять на то, как личность будет понимать и запоминать новую информацию.

Кроме того, авторы отмечают значимость влияния на подростка внешних факторов: социальное окружение и его приоритеты, а также экономические возможности семьи, представленные на Рисунке 1.

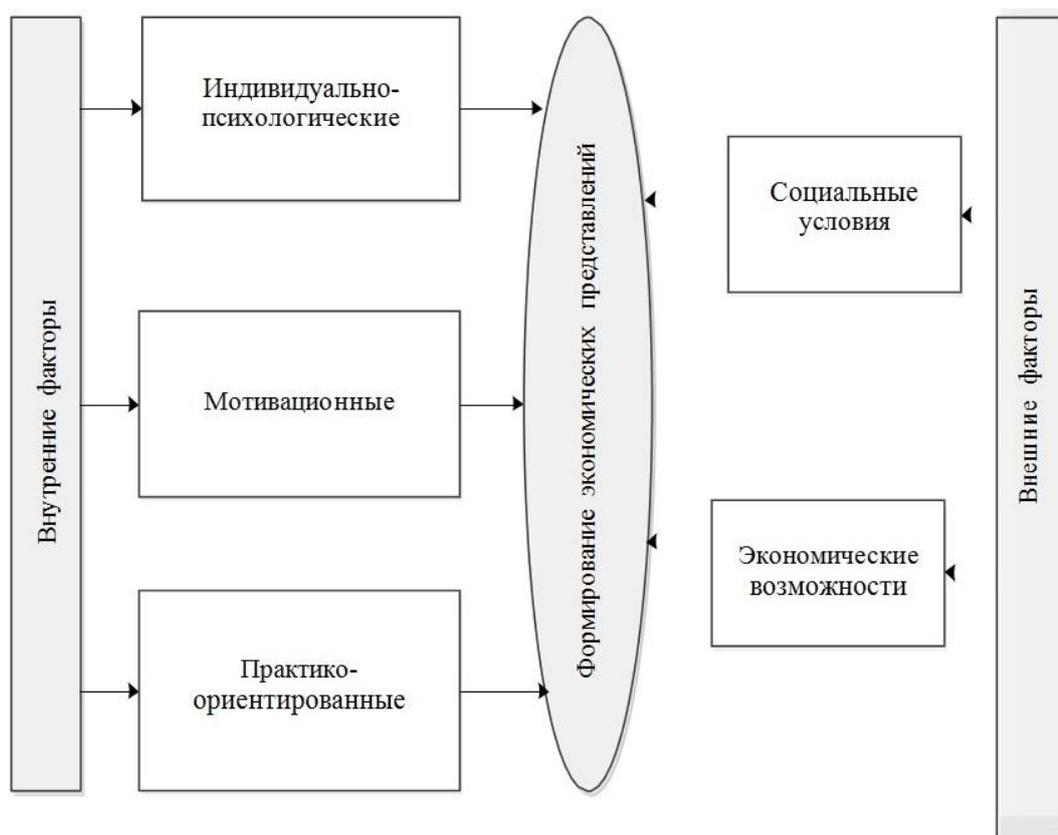

Рис. 1 – Факторы, оказывающие влияние на формирование представлений обучающихся

Уточненные внешние факторы характеризуют вектор необходимых педагогических условий для формирования представлений у обучающихся, а внутренние факторы обусловили возможность определить адекватные критерии и признаки способные фиксировать состояние и динамику сформированности представлений у обучающихся (Таблица 1).

Таблица 1

Критерии и признаки сформированности представлений у обучающихся

Критерии	Показатели
Когнитивный	- Познавательный интерес; - уровень экономических знаний.
Мотивационный	- Позитивное отношение к экономической деятельности; - понимание значимости профессионального выбора.
Индивидуально-личностный	- Сформированность лидерских качеств (инициативность, коммуникабельность, предприимчивость); - умение планировать свою деятельность.
Перспективный	- Понимание значимости развития в квалификации специалиста.

Теоретические выводы, сделанные в настоящей статье, предоставляют возможность реализации опытно-экспериментальной и диагностической работы по проблеме данного исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильченко, Л. П. Основы проектирования современного урока с позиций требований Федерального государственного образовательного стандарта / Л. П. Ильченко, Т. П. Гордиенко. – Текст : непосредственный // Январские педагогические чтения. – 2024. – № 10 (22). – С. 93–97.
2. Организация образовательного процесса в профильных психолого-педагогических классах, ориентированного на развитие личностного потенциала и педагогической одаренности учащихся, в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации / С. А. Маскалянова, В. К. Елисеев, М. В. Коробова [и др.]. – Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – 50 с. – Текст : непосредственный.
3. Выявление и формирование личностных результатов образования / И. В. Кузнецова, Н. П. Ансимова, О. В. Большакова, О. Н. Кашеева. – Текст : непосредственный // Пространство образования и личностного развития: практики исследования и сотрудничества : материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Ярославль, 9–10 декабря 2021 года). – Ярославль : Институт развития образования, 2022. – С. 140–145.
4. Данильянц, Э. И. Формирование проектной активности обучающихся в ходе реализации учебного комплекса «Экономика и право» : учебно-методическое пособие для педагогов средних школ и колледжей / Э. И. Данильянц, О. А. Мосина. – Армавир : ИП Шурыгин В.Е., 2023. – 96 с. – Текст : непосредственный.
5. Шевырина, Н. А. Формирование нравственных представлений учащихся о предпринимательской деятельности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Шевырина Надежда Александровна. – Самара, 2003. – 24 с. – Текст : непосредственный.

6. Данильянц, Э. И. Формирование экономических представлений старшеклассников в условиях профильного обучения : монография / Э. И. Данильянц, Р. А. Галустов. – Армавир : РИО АГПУ, 2019. – 128 с. – Текст : непосредственный.

7. Ветров, Ю. П. Исследовательская направленность самостоятельной работы студентов педагогического вуза / Ю. П. Ветров, А. О. Артемова. – Текст : непосредственный // Гуманитарный научный вестник. – 2023. – № 6. – С. 11–16.

8. Варданын, Л. В. Формирование социокультурных представлений обучающихся с использованием видеоконтента на уроках английского языка / Л. В. Варданын, О. Г. Коротова. – Текст : непосредственный // Перспективы науки. – 2023. – № 11 (170). – С. 162–165.

9. Бабин, Ю. М. Формирование представлений учащихся о нетрадиционных концепциях в преподавании курса «Концепции современного естествознания» / Ю. М. Бабин. – Текст : непосредственный // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 3-1. – С. 19–29.

REFERENCES

1. Ilchenko L. P., Gordienko T. P. Fundamentals of designing a modern lesson from the standpoint of the requirements of the Federal State Educational Standard. *January pedagogical readings = Yanvarskie pedagogicheskie chteniya*, 2024, no. 10 (22), pp. 93–97. (In Russian).

2. Maskalyanova S. A., Eliseev V. K., Korobova M. V. *Organizaciya obrazovatel'nogo processa v profil'nyh psihologo-pedagogicheskikh klassah, orientirovannogo na razvitie lichnostnogo potenciala i pedagogicheskoy odarennosti uchashchihsya, v obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdeniyah Rossijskoj Federacii* [Organization of the educational process in specialized psychological and pedagogical classes aimed at developing the personal potential and pedagogical giftedness of students in general educational institutions of the Russian Federation]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2024. 50 p. (In Russian).

3. Kuzneczova I. V., Ansimova N. P., Bol'shakova O. V., Kashheeva O. N. Identification and formation of personal results of education. *Prostranstvo obrazovaniya i lichnostnogo razvitiya: praktiki issledovaniya i sotrudnichestva = Space of education and personal development: research and cooperation practices*. Yaroslavl, Region Institute for Education Development, 2022, pp. 140–145. (In Russian).

4. Danilyanc E. I., Mosina O. A. *Formirovanie proektnoj aktivnosti obuchayushchihsya v hode realizacii uchebnogo kompleksa "Ekonomika i pravo"* [Formation of project activity of students during the implementation of the educational complex "Economics and Law"]. Armavir, Shurygin V.E., 2023. 96 p. (In Russian).

5. Shevyrina N. A. *Formirovanie нравственных представлений uchashchihsya o predprinimatel'skoj deyatel'nosti* [Formation of moral ideas of students about entrepreneurial activity]. Samara, 2003. 24 p. (In Russian).

6. Danilyanc E. I., Galustov R. A. *Formirovanie ekonomicheskikh predstavlenij starsheklassnikov v usloviyah profil'nogo obucheniya* [Formation of economic ideas of high school students in the context of specialized training]. Armavir, RIO АGPU, 2019. 128 p. (In Russian).

7. Vetrov Yu. P., Artemova A. O. Research focus of independent work of students of a pedagogical university. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik = Humanitarian scientific bulletin*, 2023, no. 6, pp. 11–16. (In Russian).

8. Vardanyan L. V., Korotova O. G. Formation of socio-cultural concepts of students using video content in English lessons. *Perspektivy nauki = Prospects for Science*, 2023, no. 11 (170), pp. 162–165. (In Russian).

9. Babin Yu. M. Formation of students' ideas about non-traditional concepts in teaching the course "Concepts of modern natural science". *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Educational management: theory and practice*, 2024, no. 3-1, pp. 19–29. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Данильянц, Э. И. Теоретические основы формирования экономических представлений у старшеклассников / Э. И. Данильянц, О. А. Мосина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 29–35.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Danilyants E. I., Mosina O. A. Theoretical Foundations for the Formation of Economic Ideas Among High School Students / E. I. Danilyants, O. A. Mosina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 29–35. (In Russian).

УДК 37.013.77-057.87

**ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫЙ ПОДХОД
В ДИСТАНЦИОННОМ НАСТАВНИЧЕСТВЕ
ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ АВТОШКОЛ**

Л.А. Зайцева, Н.В. Красильникова, Ю.С. Ключко

**A PERSONALIZED APPROACH
IN DISTANCE COACHING
FOR CAR SCHOOL GRADUATES**

L.A. Zaitseva, N.V. Krasilnikova, Y.S. Klyuchko

Аннотация. В статье отражены вопросы разработки новых инструментов и технологий дистанционного наставничества в сфере обучения вождению, а именно программы дистанционного наставничества на основе персонализированного подхода. Определена необходимость его использования для проектирования программы дистанционного наставничества на основе моделей педагогического дизайна SMART и 4C/ID, обоснованы условия успешной реализации программы, представлены результаты разработки авторского содержания программы как средства оптимизации процесса наставничества при организации дистанционного формата. Разработана программа дистанционного наставничества выпускников автошкол, которая поможет поддержать выпускников автошкол, повысить уровень навыков вождения и степень готовности к самостоятельному вождению.

Abstract. The article reflects the development of new tools and technologies for remote mentoring in driving training, namely, a personalized approach to distance coaching. The need for its use to design a distance mentoring program based on SMART and 4C/ID pedagogical design models was determined, the conditions of successful implementation of the program were justified, The results of developing the author content of the program as a means to optimize the mentoring process in the organization of the remote format were presented. Developed a program of remote mentoring of car school graduates, which will help to support the car school graduates, increase urban skills and readiness for autonomous driving.

Ключевые слова: наставничество, дистанционное наставничество, персонализированный подход, обучение вождению, цифровые технологии, автошкола, наставник.

Keywords: mentoring, remote coaching, personalized approach, driving training, digital technology, driving school, mentor.

В условиях растущего спроса на услуги автошкол далеко не все центры подготовки водителей стремятся обеспечить высокое качество обучения, что сказывается на уровне подготовки участников дорожного движения. По данным ГИБДД доля граждан, которые сдают экзамен с первого раза, сократилась за 2022 год вдвое – с 25 % всего до 12 %, что характеризует качество обучения в автошколах как невысокое. Это приводит к тому, что выпускники автошкол

оказываются не готовы к самостоятельному вождению и сталкиваются с трудностями на дороге. Н.Н. Андреева отмечает необходимость углубленной психологической подготовки курсантов автошкол, а также разработки программ индивидуального обучения в соответствии с профессиональными требованиями к водителям разных категорий [1, с. 82]. С одной стороны, существует необходимость в качественной подготовке водителей и обеспечении безопасности на дорогах. С другой стороны, существует проблема недостаточного контроля качества обучения в автошколах и отсутствия поддержки для молодых водителей после получения прав. Это противоречие может привести к снижению уровня безопасности на дорогах и увеличению числа ДТП с участием молодых водителей.

Кроме того, после окончания автошколы выпускники часто вообще остаются без какой-либо поддержки, один на один с трудностями и стрессовыми ситуациями, которые могут влиять на их безопасность на дороге. Значительная часть выпускников автошкол сталкивается с высоким уровнем тревожности и страха при вождении. Это может быть связано с недостатком опыта и практики, а также с отсутствием поддержки после окончания автошколы. Все это актуализирует необходимость дополнительного сопровождения и поддержки. Результат опросов предпроектного исследования показал, что выпускники автошкол испытывают трудности в самостоятельном вождении и нуждаются в дополнительной поддержке.

Передача опыта, обучение навыкам через собственный пример известно с древнейших времен. В самом общем смысле наставником называли человека, который делился своими знаниями и опытом с другими. Теоретические основы наставничества были заложены еще в эпоху античности. В XX в. наставничество значительно трансформировалось. Вместо того чтобы быть односторонней передачей знаний от младшего к старшему, оно расширилось, включив в себя оценочные задачи, механизмы обратной связи и анализ динамики обучения. Подходы к наставничеству начали «обрастать» инструментами и методологиями.

В нашей стране различные аспекты развития и становления системы наставничества нашли свое отражение в трудах С.Г. Вершловского, С.Я. Батышева, Л.Н. Лесохиной, В.Г. Сухобской, А.С. Макаренко, С.Т. Шацкого, В.А. Сухомлинского [2].

Современные ученые выделяют четыре ключевых признака наставничества, отличающих его от других социально-педагогических методик:

- практика сопровождения, предполагающая взаимодействие с человеком, в отличие от эпизодических консультаций, мастер-классов, демонстрирующих собственное мастерство и опыт специалиста;

- практика передачи опыта через освоение в действии – осваивающий новые навыки, технологии, профессию, действует сам, пробует, исследует, а наставник помогает ему в осуществлении этого практического действия;

- практика, предполагающая не только демонстрацию и обучение освоению действия, но и анализ самого процесса, обсуждение рисков и ограничений в реализации того или иного действия, анализ различных способов его осуществления;

- практика, предполагающая неформальные, близкие, доверительные и уважительные отношения друг к другу с возможностью выбора самого наставника [3, с. 115].

В наше время наставничество в большинстве рассматривается как неформальный процесс обмена знаниями, опытом и поддержкой обучаемого в ходе учебы, работы и личностного роста. Если ранее о наставничестве говорили, когда имели дело с непосредственным, живым контактом, то в наше время развитие цифровых технологий обусловили изменение в процессе наставничества. Речь идет о появлении новых видов наставничества: электронном, дистанционном, цифровом, виртуальном, то есть об удаленном процессе передачи знаний и навыков наставника с использованием современных цифровых технологий [3, с. 115].

Применительно к обучению вождению, наставничество представляет собой процесс, в котором опытный и квалифицированный инструктор-наставник оказывает поддержку и сопровождение кандидатам в водители или выпускникам автошкол в процессе освоения навыков вождения и адаптации к самостоятельному вождению. Применение персонализированного подхода в дистанционном наставничестве для обучения вождению может улучшить качество обучения, поддержки, сопровождения и тем самым повысить безопасность на дороге, что делает эту тему актуальной [4].

Наиболее подходящим для разработки программы дистанционного наставничества выпускников автошкол является использование моделей ALD, 4C/ID и SMART, так как они позволяют создать более эффективные и персонализированные программы обучения, которые способствуют достижению конкретных результатов в установленные сроки.

Целесообразно использовать трехэтапный процесс. Например, сначала определяется задача – «трогание с места» (компонент учебной задачи), затем – согласованная последовательность необходимых действий, которые должны выполняться для этой задачи (процедурный информационный компонент). Определяем варианты выполнения задачи (на «механике» на «автомате») и организуем их от простых к сложным (практический компонент с частичным заданием). Далее для каждого типа определяем минимальные знания, навыки (вспомогательный информационный компонент) и процедуры (процедурный информационный компонент), которые понадобятся участнику для выполнения этого задания [5]. Программу необходимо строить таким образом, чтобы предложить участникам конкретные знания, навыки и процедуры, необходимые для выполнения поставленной задачи.

При реализации данного подхода участник не обязан строго следовать определенной последовательности, и может сам выбирать тему для изучения. Это позволяет сделать курс полезным как начинающим, так и тем, кто уже обладает какими-то базовыми знаниями. Например, новички начинают обучение с простых шагов, например «как завести двигатель» или «как тронуться с места». В то же время участники с опытом сразу переходят на более сложные задачи, например «как выполнить параллельную парковку».

Программа дистанционного наставничества по вождению «Avto-Rada» состоит из модулей, каждый из которых посвящен отдельным самым необходимым разделам вождения: «Базовые навыки управления автомобилем», «Практика в городе», «Парковка» (Рисунок 1). Программа предоставляет доступ к видеотеке, содержащей основные видео, примеры и объяснения ключевых элементов теории и практики. Участники могут изучать эти видеуроки в удобное для них время и получать обратную связь от своего наставника. Каждый урок включает в себя индивидуальные практические задания, которые участники могут отрабатывать в зависимости от своих целей, задач и выбранного маршрута для развития практических навыков. При необходимости наставник дает обратную связь с анализом выполненных заданий участников, которая предполагает выявление ошибок и предоставление рекомендаций по улучшению навыков вождения. Для содействия обмену опытом и обсуждения участники могут использовать чат Telegram и раздел обсуждений на платформе программы, чтобы общаться между собой, обмениваться опытом и получать дополнительные рекомендации

Рис. 1 – Структура программы дистанционного наставничества «Avto-Rada»

Участие в программе дистанционного наставничества начинается со встречи с наставником для знакомства, определения целей и задач участников. Вводная организационная встреча позволяет участникам определить свои цели

обучения (улучшение навыков вождения, повышение уверенности за рулем или освоение новых методов парковки).

Чтобы оценить готовность выпускников автошкол к самостоятельному вождению, участники проходят тестирование своих навыков вождения, уровня стресса и тревожности. На основе определенных и сформулированных целей и задач каждый участник строит индивидуальный маршрут в пределах города. Этот реальный маршрут служит основой для выбора участниками модулей и уроков, которые соответствуют их потребностям.

Далее участники планируют свое освоение модулей в соответствии с графиком и возможностями, самостоятельно устанавливая временные рамки для прохождения каждого урока и выполнения практического задания. Необходимо внимательно изучить теоретический материал каждого модуля, уделяя особое внимание правилам, приемам и рекомендациям, а также выполнить задания, следуя инструкциям, предоставленным в каждом модуле на определенных площадках или в реальных дорожных условиях, соблюдая правила безопасности. Следует оценить свои навыки и знания, используя критерии, предоставленные программой, проанализировать ошибки и пробелы в знаниях, используя тесты самооценки и обратную связь наставника, работать над устранением недостатков, повторяя практические задания и обращаясь за поддержкой к наставнику.

Процесс обучения контролируется с помощью системы онлайн-тестирования и выполнения практических заданий. Наставник проверяет результаты и предоставляет конструктивную обратную связь для решения возникающих проблем. Эта непрерывное взаимодействие гарантирует, что участники получат персонализированное руководство и поддержку на протяжении всего пути обучения. После успешного завершения всех практических заданий и прохождения тестов самооценки осуществляется переход к следующему модулю или уроку.

После завершения каждого модуля результаты оцениваются, а планы обучения корректируются на основе прогресса участников. Такой подход обеспечивает эффективное индивидуальное обучение. Более того, программа способствует созданию совместной учебной среды, в которой участники могут делиться опытом, спрашивать советы и учиться на ошибках друг друга, что обогащает процесс обучения и формирует чувство общности среди участников.

Для тестирования программы были сформированы три группы участников:

Группа 1: Традиционное очное «живое» наставничество (личные встречи с наставниками, практические занятия на автомобиле и общение и обратная связь в реальном времени).

Группа 2: Обычный онлайн-курс без персонализации. Участники прошли стандартный онлайн-курс в автошколе без персонализированного контента. Обучение включало видеоуроки, теоретические материалы и тесты, но не элементов персонализированного подхода, индивидуальных рекомендаций и обратной связи.

Группа 3: Дистанционное наставничество с персонализированным подходом. Участники использовали программу, адаптированную под их индивидуальные потребности. Программа включала постановку индивидуальных маршрутов, исходя из целей, интересов и опыта, советы, мониторинг выполнения задач и обратную связь от наставников.

Апробация программы дистанционного наставничества показали следующие результаты:

Очная форма наставничества: после участия в программе дистанционного наставничества, выпускники автошкол, освоившие материалы в очной форме, продемонстрировали значительное снижение уровня тревожности перед вождением. Они также проявили более высокую уверенность за рулем и более грамотное применение правил дорожного движения. Существенное улучшение навыков вождения и понимание безопасности дорожного движения также были отмечены как ключевые достижения. Успешность завершения программы: 100 % выпускников успешно завершили программу, благодаря личному контакту и непосредственной поддержке наставников. Уровень удовлетворенности участников: оценка участников составила 5 из 5, отмечая большую ценность общения в реальном времени и возможность задавать вопросы прямо на месте. Прогресс участников: средний прирост знаний и навыков составил 60 %, что свидетельствует о высокой эффективности обучения. Вовлеченность и активность участников: участники проявили активность на всех этапах, с большим количеством выполненных заданий и высокой степенью взаимодействия. Средний уровень тревожности участников снизится на 50 % после участия в программе.

Онлайн-курс без персонализированного подхода: участники, прошедшие программу в дистанционной форме без персонализированного подхода, показали снижение уровня тревожности, однако в меньшей степени по сравнению с участниками очной формы. Улучшение навыков вождения и повышение уверенности оказались менее заметными, что указывает на потенциальные ограничения данного метода обучения. Вовлеченность и активность участников: низкая вовлеченность, малое количество выполненных заданий. Средний уровень тревожности участников останется примерно на том же уровне или возрастет незначительно из-за отсутствия персональной поддержки. Успешность завершения программы: 65 % выпускников успешно завершили программу, что является самым низким показателем среди трех форм проведения. Уровень удовлетворенности участников: оценка участников составила 3,1 из 5, указывая на нехватку персонального вовлечения и помощи. Прогресс участников: средний прирост знаний и навыков составил 25 %, что говорит о менее эффективном усвоении материала по сравнению с очной формой. Вовлеченность и активность участников: наблюдался низкий уровень активности, малое количество выполненных заданий и слабое взаимодействие между участниками.

Дистанционная форма с применением персонализированного подхода: выпускники, прошедшие программу дистанционного наставничества с применением персонализированного подхода, продемонстрировали улучшение навыков вождения, снижение уровня тревожности и более высокий уровень

уверенности за рулем. Они также показали улучшение знания правил дорожного движения и более глубокое понимание практических аспектов безопасности на дороге.

Средний уровень тревожности участников снизится на 10–15 % благодаря индивидуальной обратной связи и корректировке учебного плана. Успешность завершения программы: 80 % выпускников успешно завершили программу, что является промежуточным результатом между очной и дистанционной формами без персонализированного подхода. Уровень удовлетворенности участников: оценка участников составила 4,5 из 5, показывая высокое удовлетворение качеством обучения и индивидуальным вниманием наставников. Прогресс участников: средний прирост знаний и навыков составил 20 %, что говорит о хорошем уровне освоения материала. Вовлеченность и активность участников: отмечена средняя вовлеченность, умеренное количество выполненных заданий и активность в обсуждениях.

Дистанционное наставничество с персонализированным подходом продемонстрировало баланс между доступностью и эффективностью и показало как высокую удовлетворенность и вовлеченность участников, так и хороший прогресс развития навыков. Выпускники автошкол продемонстрировали значительные успехи в процессе участия в программе и не только улучшили свои навыки вождения, но и снизили уровень стресса и тревожности за рулем, что имеет большое значение.

Дистанционное наставничество выпускников автошкол на основе персонализированного подхода имеет большой потенциал и может стать эффективным решением для повышения качества обучения благодаря эффективному использованию современных технологий; персонализированному подходу к обучению; гибкости и доступности обучения; увеличению мотивации и интереса к обучению; улучшению усвоения материала; повышению уверенности и закреплению навыков вождения; снижению затрат на обучение.

Таким образом, использование персонализированного подхода и педагогического дизайна является перспективным направлением для разработки программ дистанционного наставничества. Это позволяет повысить качество обучения и улучшить результаты. Программа дистанционного наставничества представляет собой современное, очень гибкое решение проблемы недостаточной поддержки выпускников автошкол, а также может быть использована в практике обучения в автошколах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, Н. Н. Анализ психолого-педагогических аспектов проблемы профессиональной подготовки будущих водителей в автошколе / Н. Н. Андреева. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2023. – № 2 (27). – С. 82–87.

2. Югфельд, Е. А. К вопросу о феномене наставничества: исторический аспект / Е. А. Югфельд. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Том 10. – № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN522.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

3. Вайндорф-Сысоева, М. Е. Система дистанционного наставничества как средство профессионального развития педагогов / М. Е. Вайндорф-Сысоева, Т. А. Чекалина, А. В. Лебедеко. – Текст : непосредственный // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2020. – № 4 (40). – С. 115–120.

4. Громько, Ю. В. Персонализация в образовании: иницирующее образование, подъем сознания и личностный рост / Ю. В. Громько // Антропологические матрицы XX века. Л.С. Выготский – П.А. Флоренский: несостоявшийся диалог. Приглашение к диалогу / под общей редакцией А. И. Олексенко. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 52–97.

5. Merrill M. D. Components of instruction toward a theoretical tool for instructional design / M. D. Merrill // *Instructional Science*. – 2001. – Vol. 29. – No. 4. – Pp. 291–310.

6. Rimmer T. An Introduction to SAM for Instructional Designers / T. Rimmer. URL: <https://community.articulate.com/blog/articles/an-introduction-to-sam-for-instructional-designers/1124165>.

REFERENCES

1. Andreeva N. N. Analysis of psychological and pedagogical aspects of the problem of professional training of future drivers in a driving school. *Gumanitarnye issledovaniya Centralnoj Rossii = Humanitarian research of Central Russia*, 2023, no. 2 (27), pp. 82–87. (In Russian).

2. Yugfeld E. A. On the phenomenon of mentoring: historical aspect. *Mir nauki. Pedagogika i psixologiya = The world of science. Pedagogy and psychology*, 2022, vol. 10, no. 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN522.pdf>. (In Russian).

3. Vajndorf-Sysoeva M. E., Chekalina T. A., Lebedenko A. V. The system of distance mentoring as a means of professional development of teachers. *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional education in Russia and abroad*, 2020, no. 4 (40), pp. 115–120. (In Russian).

4. Gromiko Yu. V. Personalization in education: initiating education, raising consciousness and personal growth. *Antropologicheskie matricy XX veka. L.S. Vygotskij – P.A. Florenskij: nesostoyavshijsya dialog. Priglasenie k dialogu = Anthropological matrices of the twentieth century. L.S. Vygotsky – P.A. Florensky: a failed dialogue. An invitation to dialogue*. M., Progress-Tradition, 2007, pp. 52–97. (In Russian).

5. Merrill M. D. Components of instruction toward a theoretical tool for instructional design. *Instructional Science*, 2001, vol. 29, no. 4, pp. 291–310.

6. Rimmer T. *An Introduction to SAM for Instructional Designers*. URL: <https://community.articulate.com/blog/articles/an-introduction-to-sam-for-instructional-designers/1124165>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Зайцева, Л. А. Персонализированный подход в дистанционном наставничестве для выпускников автошкол / Л. А. Зайцева, Н. В. Красильникова, Ю. С. Ключко. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 36–43.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zaitseva L. A., Krasilnikova N. V., Klyuchko Y. S. A Personalized Approach in Distance Coaching for Car School Graduates / L. A. Zaitseva, N. V. Krasilnikova, Y. S. Klyuchko // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2025, no. 1, pp. 36–43. (In Russian).

УДК 37.014

**АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ДАЛЬТОН-ПЛАНА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 20-х ГОДАХ XX ВЕКА**

С.В. Павлов

**ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF DALTON PLAN
IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920s**

S.V. Pavlov

Аннотация. В настоящей статье с помощью проблемно-хронологического метода проанализирован опыт внедрения Дальтон-плана в Советской России. Целью статьи является выявление положительных результатов инновации и причин отказа от нее. Актуальность настоящего исследования продиктована современным трендом на индивидуализацию образования, закрепленному в российских нормативных документах, общемировому курсу на индивидуализацию обучения и необходимостью детального анализа опыта внедрения индивидуализации. Дано краткое описание сущности Дальтон-плана в рамках целей настоящей статьи. Рассмотрены причины, побудившие руководство Наркомпроса (Народный комиссариат просвещения), обратиться к зарубежным педагогическим разработкам. Проанализирован ход реализации реформ и теоретический диспут вокруг этих инноваций в разрезе общественно-политической повестки. Приведены примеры исследований того времени по результатам внедрения Дальтон-плана. Выявлены тренды в ранней советской педагогике, помешавшие масштабному внедрению Дальтон-плана в системе образования. Сделаны выводы о результатах использования Дальтон-плана и причинах отмирания практики его применения. В конце статьи рассмотрены точки зрения различных авторов на процесс применения Дальтон-плана в системе образования Советской России. Особенностью настоящей статьи можно считать то, что большинство аргументов и выводов сделано на основе анализа источников того времени.

Abstract. This article analyzes the experience of implementing the Dalton Plan in Soviet Russia using a chronological method. The aim of the article is to identify the positive results of the innovation and the reasons for its rejection. The relevance of this study is dictated by the modern trend towards the individualization of education, which is enshrined in Russian regulatory documents, aligns with the global shift towards individualized learning, and necessitates a detailed analysis of past experiences in implementing educational individualization. A brief description of the essence of the Dalton Plan is provided within the aims of this study. The article examines the reasons that urged the party leadership of the People's Commissariat of Education (Narkompros) to turn to foreign pedagogical developments. The process of implementing educational reforms and the theoretical debates on these innovations in the context of socio-political discourse are analyzed. Examples of studies from that period on the outcomes of the Dalton Plan's implementation are presented. Early Soviet pedagogical trends that hindered the large-scale adoption of the Dalton Plan in the education system are identified. The article concludes with findings on the results of using the Dalton Plan and the reasons for the decline of its practice. At the end of the article, different authors' perspectives on the process of implementing the Dalton Plan in the Soviet education system are considered. A key feature of this study is that most arguments and conclusions are based on an analysis of sources from that period.

Ключевые слова: индивидуализация образования, индивидуализация обучения, Дальтон-план, Паркхерст, комплексная программа ГУС, лабораторно-бригадный метод.

Keywords: individualization of education, individualized learning, Dalton Plan, Parkhurst, comprehensive GUS (State Academic Council) program, laboratory and team method.

Вопрос индивидуального подхода в обучении занимал умы педагогов с древних времен. С некоторого момента появился термин индивидуализации образования. Изучению этого подхода в обучении и воспитании на сегодняшний день посвящены, наверное, уже миллионы страниц, многие тысячи научных статей и диссертаций. Но при этом до сих пор нет единого мнения на то, что подразумевается под индивидуализацией в педагогике. Не буду приводить примеры многочисленных определений, которые давали разные теоретики и практики, всех их объединяет мысль об индивидуальном подходе к ученику сообразно его персональным, личностным характеристикам. В рамках настоящей статьи под индивидуализацией мы будем понимать определение индивидуализации из Российской педагогической энциклопедии, смысл которой сводится к тому, что индивидуализация обучения в педагогике это индивидуальный подход в рамках коллективного обучения. Именно уточнение про коллективную систему обучения, в которой применяется индивидуальный подход, нередко выпадает из многих определений. Но без этого уточнения термин индивидуализации в образовании просто дублирует термин индивидуального подхода, лишая смысла его использование.

Индивидуализация обучения в том смысле, который мы определили выше, возникла в педагогике, по крайней мере в практическом применении, более 100 лет назад (в 1911 году) [1] в результате деятельности американского педагога Елены Паркхёрст. Этот метод обучения был назван Дальтон-планом. Суть его заключается в том, что ученикам по каждому предмету выдается недельное, месячное задание, которое он выполняет в предметных классах-лабораториях в своем темпе и по самостоятельно определенному графику, но к определенному сроку, с фиксированием выполнения задания в карточках учета в заданных единицах работы. В дальнейшем задания были ранжированы по трем уровням сложности, но в теории могут быть и полностью индивидуальными. Роль педагога заключается в составлении планов заданий, помощи ученикам в выполнении планов и проведении отдельных групповых заданий по мере необходимости и в соответствии с предметными особенностями.

По существу, это до настоящего времени единственная цельная система обучения по принципу индивидуализации, обозначенному выше. Остальные системы индивидуализации не носят целостного характера, а являются отдельными методами обучения. Какие особенности Дальтон-плана определяют его как систему индивидуализированного обучения?

1. Ученик определяет сам последовательность выполнения заданий в зависимости от своих предпочтений, т. е. индивидуализация плана занятий. Кому-то удобно целый день заниматься одним предметом, выполнив недельную норму, кому-то – работать по часу над каждым предметом.

2. Каждый может работать в том темпе, который может себе позволить, т. е. индивидуализация темпа прохождения учебного материала. Основная проблема классно-урочной системы в ориентации темпа на «среднего ученика».

3. Теоретически возможна адаптация учебных планов под каждого ученика, хотя на практике более реальны скорее дифференцированные планы по нескольким уровням, т. е. индивидуализация или дифференциация уровня сложности.

Какие особенные результаты такой системы обучения можно ожидать? Это получаемый социальный опыт от свободы действий и ответственности за результат реализации этой свободы [1; 2]. Таким образом, у ученика, обучающегося по Дальтон-плану, формируется привычка строить свою деятельность сообразно намеченной цели с принятием ответственности за результат своего выбора. А привычка, по К.Д. Ушинскому, «есть основание воспитательной силы, рычаг воспитательной деятельности» [3, с. 488]. Следовательно, главная воспитательная идея индивидуализации по Дальтон-плану – это формирование личности с выраженной свободой выбора, целеустремленностью, инициативой, ответственностью за свой выбор. Результатом такого типа обучения могут быть выраженные индивидуалистические качества ученика, формированию которых способствует главный метод обучения. Именно на этом строится обоснование целесообразности внедрения методов индивидуализации образования в западном обществе, формирование индивидуалистической предпринимательской личности, способной на активный жизненный выбор и ответственной за свою судьбу [4; 5].

Теперь, после краткого анализа Дальтон-плана, перейдем к разбору опыта использования Дальтон-плана в Советской России в 20-х годах XX века.

Начало 20-х годов ознаменовалось сменой экономического курса молодого советского государства. Победа в гражданской войне позволила «отпустить вожжи» мобилизационной экономики, перейдя от политики «военного коммунизма» к НЭПу. НЭП в экономике был в некотором роде «мелкобуржуазным ренессансом», который впоследствии был отменен. Это нашло свое отражение и в образовательной политике. Изначально, политика советского государства строилась на лозунге, который можно описать цитатой пролетарского гимна «Интернационал»:

«Весь мир насилья мы разрушим, до основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...»

Достаточно радикально это проявилось именно в сфере народного образования. Полагая, что фундаментом построения нового общества в первую очередь является идеология, политическое руководство страны назначило

на руководящие должности в Народный комиссариат просвещения РСФСР «профессиональных революционеров» А.В. Луначарского, Н.К. Крупскую, П.Н. Лепешинского и др., далеко не все имели высшее образование и мало кто имел хоть какой-нибудь педагогический опыт.[6] И если до 1921 года первые советские программы еще содержали какие-то остатки дореволюционной российской школы, имели еще предметную основу, то с 1921 года начался период неподготовленных скороспелых реформ. Несмотря на то, что в основе их лежали идеи известных американских педагогов того времени: Джона Дьюи, Уильяма Килпатрика, Елены Паркхерст, которые в течение XX века и по сегодняшний день успешно реализуются в системах западного образования, такие факторы как не проработанность, идеологическая конъюнктурность, радикализм, слабая компетентность руководящего состава Наркомпроса, в конечном итоге привели все нововведения к провалу. Любопытно отметить, что и зарождение и отмена левых радикальных реформ в образовании по времени совпало с периодом НЭПа. И то и другое явление, несмотря на диаметрально противоположные идеологические предпосылки, несло в себе резкое, но временное, отклонение от главного курса в образовании и в экономике. Остановимся отдельно на реализации в советской России идей Елены Паркхерст.

В настоящий момент трудно ответить на вопрос, какое количество учебных заведений применяло Дальтон-план, но судя по объему печатных материалов, речь явно идет не о единичных случаях. [7] Например, в Ленинграде в 1926 г. по Дальтон-плану точно работали три трудовые школы: № 98, 196 и 220, многие военные школы (позже военные училища) и Зиновьевский университет.

Советский ученый-педагог, академик АПН РСФСР И.Ф. Свадовский уже в 1926 году писал: «Для советской педагогики Дальтон-план больше не американская новинка, а свое, родное дело. Ни одна буржуазная страна так горячо не обсуждает Дальтон-план, нигде не вышло столько книг и не написано столько статей, как в СССР» [8, с. 154]. И даже если это в полной мере не соответствовало действительности, то все равно отражает масштаб проводимого в те годы эксперимента. Причем география применения Дальтон-плана тоже обширна: кроме Москвы и Ленинграда, упоминаются Киев, Донецк, Луганск, Харьков, Пермь, Рязанская область, Воронежская область, Ленинградская область, Ярославская область и т. д. [7; 9].

Сначала остановимся на образовательных результатах применения Дальтон-плана. Несмотря на незначительный срок применения Дальтон-плана такие исследования проводились [10]. В Ленинграде в 1925 г. исследовались три школы: с классической классно-урочной системой, с обучением по Дальтон-плану в течение одного года и в течение двух лет. Это довольно сложное исследование на 80 страницах и исследовались психические реакции и мыслительные процессы, а не уровень знаний. Приведу лишь заключение: «с некоторым основанием можно допустить, что при работе

по Дальтон-плану условия для получения новых образований у школьника, по-видимому, более благоприятны при занятиях по Дальтон-плану и школьник определенно переходит на путь позитивного знания: наоборот, классная система... медленно перестраивает свои познания в направлении позитивных установок» [10, с. 75]. Есть еще один факт исследования уровня достигнутых знаний при переходе на обучение по Дальтон-плану, проведенного среди преподавателей 10-й опытной школы М.О.Н.О. в Москве [11, с. 135]. В указанном источнике приводится таблица, которая показывает, что значительная часть учащихся (от 27 % до 41 %) стала учиться лучше, против 7–12 % ухудшивших свои достижения.

Исследуя литературу о применении Дальтон-плана, стоит отметить, что переход на эту форму школьной жизни в основном очень позитивно воспринимался учащимися. При опросе в 98-й трудовой школе Ленинграда через год работы по Дальтон-плану, вернуться к классно-урочной системе хотели только 15 % учащихся, против возврата 83 %, 2 % учащихся не смогли определиться [9, с. 39]. При опросе учащихся 10-й школы МОНО (Московский отдел народного образования) им. Фр. Нансена через один год после введения Дальтон-плана 90,3 % учеников были довольны переходом, а 9,7 % хотели бы вернуться к старой форме обучения. Через два года число сторонников классно-урочной системы сократилось до 2,1 % [12, с. 73].

Труднее оценить отношение педагогов к новшествам, поскольку анкетирования их нигде нет. Однако число положительных отзывов об опыте использования Дальтон-плана в литературе того времени значительно превышает отрицательные. Положительные отзывы в основном от преподавателей, которые непосредственно участвовали в осуществлении экспериментов. Отрицательные большей частью от профессоров или методистов, которые, как правило, непосредственно в экспериментах не участвовали. Например, в «№ 8 журнала «Просвещение Донбасса» за 1923 год была помещена статья профессора А. Миртова – «Дальтонский школьный план». Автор «очень сомневается» в педагогической ценности этого плана: «Наша душа пока что не мирится с этим жестоким планом, разрушающим наши лучшие чаяния и лучшие наши успехи на путях к коллективистической трудовой школе» [7, с. 119]. Это главный упрек и недостаток Дальтон-плана в глазах руководителей и идеологов Наркомпроса. Индивидуализм, присущий Дальтон-плану, конечно не мог быть принят без корректировки в стране, собирающейся строить социализм. В результате главная особенность Дальтон-плана стала изменяться в коллективистскую сторону.

Один из идеологов тех реформ П.П. Блонский писал: «Иногда упрекают Долтонский план в культе индивидуализма. Да, он учитывает индивидуальные особенности работника, но разве это плохо? Но, вообще говоря, я никогда не видел большего развития взаимопомощи среди учащихся, да это и понятно, раз все работают вместе. Наконец, кто мешает давать коллективные задания?» [13, с. 21]. Таким образом, «Дальтоновский лабораторный план» стал превращаться в «лабораторно-бригадный метод». И действительно,

педагоги, реализующие Дальтон-план на местах, отмечали, что как раз вместо индивидуалистического подхода к выполнению заданий, имела место стихийная тенденция объединения учащихся в группы (видимо сказывалась и национальная особенность и специфика исторического момента), и им даже приходилось бороться с этим явлением, чтобы оно не превращалось в сплошное переписывание заданий друг у друга, в прятании слабых учеников за спинами более сильных. «Вопреки распространенному мнению, что Дальтон-план есть начинание чисто индивидуалистическое... Я стал с первых же шагов замечать нечто совершенно противоположное: мне пришлось с первых шагов бороться за индивидуализм, против начинавшего принимать явно нежелательные формы «коллективизма»», – писал один из реализаторов эксперимента В.И. Буданов [7, с. 77].

Но это было примерно до 1924 года, потом «коллективизму» в работе по Дальтон-плану не то что не противодействовали – его насаждали. В результате дошло до абсурдного, «бригадиры» отчитывались по выполнению заданий за всю бригаду. Несложно понять, что за этим скрывалось – одни учились, другие «отбывали номер». Как мы видим, в этом явлении проявился не дефект самого Дальтон-плана (там, где педагоги понимали суть и противились этим явлениям, все работало хорошо), а явные издержки реализации, которые еще и были навязаны «сверху».

В деле разрушения старой школьной системы идеологи Наркомпроса не ограничились нападками на классно-урочную систему. Решено было также отменить предметный подход в изучении школьных дисциплин. Взамен предметного подхода в 1923 году Наркомпросом были предложены комплексные программы, получившие название «программы ГУС» (Государственного ученого совета – прим. автора). Комплексные программы определяли для изучения не отдельную дисциплину, а некоторую область знаний, понятие, например: «Труд», «Общество», «Природа и человек» и т. д. Эти темы в свою очередь разбивались на частные подтемы. Предполагалось, что преподаватели на местах, изучая с учениками конкретную тему, будут стараться внутри нее изучать отдельные школьные дисциплины в привязке к общей теме. Педагоги на местах занимающиеся непосредственно преподаванием очень насторожено, если не сказать больше, встречали эти нововведения. Противостоящий московской группе реформаторов более консервативный Петроградский ГубОНО (Губернский отдел народного образования) в своей методпрограмме писал: «Предлагать программы, составленные по комплексному методу, где бы грани отдельных предметов стирались, пока такие программы не выдержали строгого испытания на практике, едва ли было бы целесообразно» [14, с. 5]. Оторванность руководства Советского образования от реальности в своих нововведениях ярко проявлялось в саботаже и сопротивлению простых учителей.

Профессор С. Смолинский, описывая свою методическую работу в сельских школах Украины, сообщал, что $\frac{2}{3}$ учителей, если и бралось, то часто

только для того, чтобы сделать нам приятное, пока мы там сидели, а как только мы уезжали, то обыкновенно происходило то же самое, что и с комплексом...» (комплексными программами – прим. автора) [15, с. 95]. Тем не менее последовательное насаждение комплексных программ постепенно приводило к замещению предметного преподавания. С 1926 года идеологи Наркомпроса стали развивать следующую новацию в виде «метода проектов» [16]. К 1929 году учебные программы Наркомпроса уже были комплексно-проектно-ориентированными. Как это повлияло на распространение Дальтон-плана в системе образования?

После 1926 года в литературе трудно найти упоминаний о реализации Дальтон-плана, хотя до этого времени он достаточно активно распространялся в системе образования. Что же произошло? Известно, что Дальтон-план никто не запрещал. Более того, он не попадал под острую критику, кроме упрека в индивидуализме. Значит все дело в тех нововведениях, которые происходили в образовании после 1925 года. А единственные новации после 1925 года – это активное продвижение сначала комплексных программ, а потом «метода проектов». Поэтому, логично сделать вывод, что причина самоотмирания Дальтон-плана в системе обучения, кроется в насаждении «комплексности» и «коллективизма». Действительно, ведь при формировании заданий для учеников по Дальтон-плану необходимо составить очень четкий учебный план, распределенный по месяцам, неделям, в выполнении которого учащийся отчитывается, а для этого необходимы понятные учебные планы по школьным дисциплинам. Учебные заведения, успевшие перейти на Дальтон-план, столкнулись с необходимостью реализовывать комплексные программы, по которым педагогам на местах крайне труднозатратно и методологически проблематично, составить месячные и недельные планы заданий. Все это дополнительно усугублялось отсутствием литературы, соответствующей комплексным программам, что исключало возможность самостоятельной работы по таким планам заданий. В результате первоначальный метод Елены Паркхерст «Лабораторный Дальтон-план» под воздействием требований привнесения «коллективизма» сначала переродился в «лабораторно-бригадный метод», потеряв форму обучения и основную свою идею, а вследствие отсутствия внятных учебных программ из-за «комплексных программ» превратился в какое-то «кружководство» без определенного содержания.

К началу 30-х годов временная либеральная оттепель в экономике в виде НЭПа стала заменяться на модель плановой мобилизационной экономики. Этот момент совпал с завершением внутривластной борьбы в ВКП(б) и победой «группировки Сталина» над «группировкой Троцкого». Тогда же был прекращен «период метаний и экспериментов» в образовании. Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 года Наркомпрос был подвергнут критике за «слабую методическую работу», комплексные программы, «лабораторно-бригадный метод», в один день была возвращена «ненавистная старорежимная школа»

с классно-урочной системой и предметным преподаванием, которую в течение 15 лет искоренял Наркомпрос.

Отмена результатов всей политики радикального новаторства в образовании явились следствием нескольких причин, главной из которых был низкий уровень школьного образования. Выпускники школ имели огромное количество пробелов в базовых знаниях и навыках и политическое руководство страны, ввиду предстоящих масштабных задач, не стало разбираться в том, был ли накоплен какой-нибудь положительный опыт. Да и не имело уже на это времени. Было принято решение вернуться к старой системе образования, которая давала гарантированный результат, тем более что период романтизма в революции вообще, и в педагогическом строительстве в частности, уходили в прошлое. Лозунг «освобождения человека от многовекового рабства» заменялся прагматичным лозунгом «борьбы в едином строю» с «внутренними врагами и мировым империализмом». А для этого старая традиционная школа подходила более всего. Свобода, инициатива учащихся и гуманистический педоцентризм современных буржуазных педагогических новаций был уже неуместен.

Таким образом, относительно цели нашего исследования мы можем сделать вывод, что, во-первых, провалился не сам «Дальтон-план», а то, что из него сделали идеологи ведомства А.В. Луначарского: Н.К. Крупская, В.Н. Шульгин, П.П. Блонский и другие, в виде «лабораторно-бригадного метода» с обучением по комплексным программам ГУС. Сам Дальтон-план в его первоначальном виде вполне успешно применялся в Советской России там, где для этого были достаточные материальные и методические условия. Во-вторых, политическая конъюнктура исторического момента сделала неактуальным идеологию Дальтон-плана в системе советского образования на долгие годы.

Безусловно, такие масштабные эксперименты в истории нашего образования исследовались, в том числе уже и в современной России. Например, Н. Грумова и К. Ситников в своей статье [17] анализируют историю реализации Дальтон-плана в виде лабораторно-бригадного метода, но не фокусируются на причинах перерождения Дальтон-плана и провала лабораторно-бригадного метода. О.Ю. Левченко, рассматривая опыт Дальтон-плана [18], оценивает его только с точки зрения теоретико-методических особенностей. О.Г. Некрылова [19] достаточно точно определяет и методические и политико-идеологические проблемы внедрения Дальтон-плана в Советской России, хотя считает, что основной проблемой явилось неподготовленность педагогического сообщества, с чем трудно согласиться. В.Б. Помелов, затрагивая в своей статье [20], посвященной в основном деятельности Елены Паркхерст, тему внедрения Дальтон-плана в российской школе, абсолютно правильно указывает на две основные причины его провала, это принятие комплексных программ обучения и его трансформацию в лабораторно-бригадный метод, однако статья не содержит аргументации этой точки зрения, поскольку в целом

посвящена другой теме. С.Ю. Рожков, исследуя внедрение Дальтон-плана в 20-х годах XX века на Ставрополье [21], находит некоторое количество положительных примеров его использования, однако, не разбирает причины провала этой инновации в России.

Сегодня в нашем образовании четко обозначен тренд на индивидуализацию обучения, который закреплен в нормативной базе и постоянно подкрепляется теоретическими изысканиями в данной области, поэтому актуальность обращения к практике реализации индивидуализированных методов обучения трудно переоценить. В настоящей статье опыт применения Дальтон-плана рассмотрен в контексте социально-исторического момента и с точки зрения теоретиков, современников этих реформ. Такой подход позволяет нам глубже понять сущность тех реформ и возможности применения их положительного опыта в системе образования современной России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паркхёрст, Е. Воспитание и обучение по Дальтонскому плану / Е. Паркхёрст ; перевод с английского Р. Ландсберг. – М. : Новая Москва, 1924. – 234 с. – Текст : непосредственный.
2. Хуторской, А. В. Дальтон-план Елены Паркхерст и другие зарубежные системы обучения / А. В. Хуторской. – Текст : непосредственный // Народное образование. – 2012. – № 8 (1421). – С. 220–229.
3. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения / К. Д. Ушинский. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1945. – 567 с. – Текст : непосредственный.
4. Changes in Nordic Teaching Practices: From individualized teaching to the teaching of individuals / I. Carlgren, K. Klette, S. Myrdal [et al.] // Scandinavian Journal of Educational Research. – 2006. – No. 50 (3). – Pp. 301–326.
5. Giota J. Changes in individualized teaching practices in municipal and independent schools 2003, 2008 and 2014 – student achievement, family background and school choice in Sweden / J. Giota, D. Bergh, I. Emanuellsson // Nordic Journal of Studies in Educational Policy. – 2019. – No. 5 (2). – Pp. 78–91
6. Богуславский, М. В. Народный комиссариат Просвещения / М. В. Богуславский. – Текст : непосредственный // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 томах. Том 2 / главный редактор В. В. Давыдов. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 22–23.
7. Дальтон-план в русской школе / под редакцией И. С. Симонова, Н. В. Чехова. – Л. : Брокгауз-Ефрон, 1924. – 142 с. – Текст : непосредственный.
8. Свадковский, И. Ф. Дальтон-план в применении к советской школе / И. Ф. Свадковский. – М. : Главполитпросвет, 1926. – 155 с. – Текст : непосредственный.
9. Дальтон-план в русской школе. Выпуск II: Год работы в трудовой школе II ступени / под редакцией И. С. Симонова, Н. В. Чехова. – Л. : Брокгауз-Ефрон, 1926. – 233 с. – Текст : непосредственный.
10. Дальтон-план в действии. Исследование комиссии института научной педагогики / Т. В. Брагин, Е. Н. Эвергетова, А. П. Серебренников, И. В. Эвергетов. – Л. : Государственная библиотека по народному образованию, 1925. – 75 с. – Текст : непосредственный.

11. Методы индивидуализирующего труда. Выпуск II / под редакцией М. М. Рубинштейна. – М. : Мир, 1925. – 150 с. – Текст : непосредственный.
12. Рудик, П. А. Дальтонский план в школе второй ступени / П. А. Рудик. – М. : Новая Москва, 1926. – 92 с. – Текст : непосредственный.
13. Блонский, П. П. Что нам взять от Долтонского плана? / П. П. Блонский. – М. : Работник просвещения, 1924. – 22 с. – Текст : непосредственный.
14. Программы-минимум для единой трудовой школы 1-й и 2-й ступени / Подотдел социального воспитания Петроградского губернского отдела народного образования. – 2-е изд., доп. – Петроград : Отдел снабжения Петрогубоно, 1923. – 164 с. – Текст : непосредственный.
15. Степанов, Я. Н. На путях к методу проектов. Сборник третий: Работа сельской школы I ступени / Я. Н. Степанов, Б. В. Игнатъев, В. Н. Шульгин. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931. – 118 с. – Текст : непосредственный.
16. Кагаров, Е. Г. Метод проектов в трудовой школе / Е. Г. Кагаров. – Л. : Брокгауз-Ефрон, 1926. – 88 с. – Текст : непосредственный.
17. Грумова, Н. А. История реализации Дальтон-плана в образовании России и бывшего СССР / Н. А. Грумова, К. Е. Ситников. – Текст : непосредственный // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты. – 2020. – № 8 (26). – С. 4–10.
18. Левченко, О. Ю. Опыт использования Дальтон-плана в отечественной школе в 20-е годы XX века / О. Ю. Левченко. – Текст : непосредственный // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2020. – Том 15. – № 1. – С. 92–97.
19. Некрылова, О. Г. Реализация американского Дальтон-плана в условиях становления советской школы в 1920-е гг. / О. Г. Некрылова. – Текст : непосредственный // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2020. – № 1 (22). – С. 117–122.
20. Помелов, В. Б. Реформатор в области организации обучения Хелен Паркхерст и ее Дальтон-план / В. Б. Помелов. – Текст : непосредственный // Историко-педагогический журнал. – 2022. – № 3. – С. 58–70.
21. Рожков, С. Ю. Дальтон-план как инновационный подход обучения в системе образования Ставропольского края в 20–30-х гг. XX века / С. Ю. Рожков. – Текст : непосредственный // Научно-методические проблемы профессиональной и служебной подготовки в органах внутренних дел России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией Л. И. Тимошенко. – Ставрополь : СФ КрУ МВД России, 2017. – С. 57–62.

REFERENCES

1. Parkhurst E. *Vospitanie i obuchenie po Dal'tonskomu planu* [Education and Teaching According to the Dalton Plan], translated from English by R. Landsberg. M., Novaya Moskva, 1924. 234 p. (In Russian).
2. Hutorskoj A. V. The Dalton Plan of Helen Parkhurst and Other Foreign Education Systems. *Narodnoe obrazovanie = People's Education*, 2012, no. 8 (1421), pp. 220–229. (In Russian).
3. Ushinskij K. D. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected Pedagogical Works]. M., State Educational and Pedagogical Publishing House of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, 1945. 567 p. (In Russian).

4. Carlgren I., Klette K., Myrdal S., Schnack K., Simola H. Changes in Nordic Teaching Practices: From Individualized Teaching to the Teaching of Individuals. *Scandinavian Journal of Educational Research*, 2006, no. 50 (3), pp. 301–326.
5. Giota J., Bergh D., Emanuellsson I. Changes in Individualized Teaching Practices in Municipal and Independent Schools in 2003, 2008, and 2014 – Student Achievement, Family Background, and School Choice in Sweden. *Nordic Journal of Studies in Educational Policy*, 2019, no. 5 (2), pp. 78–91.
6. Boguslavskij M. V. People's Commissariat of Education. *Rossijskaya pedagogicheskaya enciklopediya = Russian Pedagogical Encyclopedia*, vol. 2, chief editor V. V. Davydov. M., Great Russian Encyclopedia, 1999, pp. 22–23. (In Russian).
7. *Dal'ton-plan v russkoj shkole* [The Dalton Plan in the Russian School], edited by I. S. Simonov, N. V. Chekhov. L., Brokgauz-Efron, 1924. 142 p. (In Russian).
8. Svadkovskij I. F. *Dal'ton-plan v primenenii k sovetskoj shkole* [The Dalton Plan Applied to the Soviet School]. M., Glavpolitprosvet, 1926. 155 p. (In Russian).
9. *Dal'ton-plan v russkoj shkole. Vypusk II: God raboty v trudovoj shkole II stupeni* [The Dalton Plan in the Russian School. Issue II: The Year of Work in the Labor School of the Second Stage], edited by I. S. Simonov, N. V. Chekhov. L., Brokgauz-Efron, 1926. 233 p. (In Russian).
10. Bragin T. V., Evergetova E. N., Serebrennikov A. P., Evergetov I. V. *Dal'ton-plan v dejstvii. Issledovanie komissii instituta nauchnoj pedagogiki* [The Dalton Plan in Action. A Study by the Commission of the Institute of Scientific Pedagogy]. L., State Library for Public Education, 1925. 75 p. (In Russian).
11. *Metody individualiziruyushchego truda* [Methods of Individualized Labor], iss. II, edited by M. M. Rubinstein. M., Mir, 1925. 150 p. (In Russian).
12. Rudik P. A. *Dal'tonskij plan v shkole vtoroj stupeni* [The Dalton Plan in the Secondary School]. M., Novaya Moskva, 1926. 92 p. (In Russian).
13. Blonskij P. P. *Chto nam vzyat' ot Doltonskogo plana?* [What Can We Take from the Dalton Plan?]. M., Rabotnik prosveshcheniya, 1924. 22 p. (In Russian).
14. *Programmy-minimum dlya edinoj trudovoj shkoly 1-j i 2-j stupeni (Podotdel social'nogo vospitaniya Petrogradskogo gubernskogo otdela narodnogo obrazovaniya)* [Minimum Programs for the Unified Labor School, First and Second Stages (Subdepartment of Social Education, Petrograd Gubernatorial Department of People's Education)]. Petrograd, Otdel snabzheniya Petrogubono, 1923. 164 p. (In Russian).
15. *Na putyah k metodu proektov. Sbornik tretij: Rabota sel'skoj shkoly I stupeni* [On the Path to the Project Method. Third Collection: Work of the Rural School, First Stage], edited by Y. N. Stepanov, B. V. Ignatyev, V. N. Shulgin. M., State Educational and Pedagogical Publishing House, 1931. 118 p. (In Russian).
16. Kagarov E. G. *Metod proektov v trudovoj shkole* [The Project Method in the Labor School]. L., Brokgauz-Efron, 1926. 88 p. (In Russian).
17. Grumova N. A., Sitnikov K. E. History of the Implementation of the Dalton Plan in Education in Russia and the Former USSR. *Istoriya, politologiya, sociologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty = History, Political Science, Sociology, Philosophy: Theoretical and Practical Aspects*, 2020, no. 8 (26), pp. 4–10. (In Russian).
18. Levchenko O. Yu. Experience of the Use of the Dalton Plan in Domestic Schools in the 1920s. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of the Transbaikal State University*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 92–97. (In Russian).

19. Nekrylova O. G. The Implementation of the American Dalton Plan in the Context of the Formation of the Soviet School in the 1920s. *Problemy social'nyh i gumanitarnyh nauk = Problems of Social and Humanitarian Sciences*, 2020, no. 1 (22), pp. 117–122. (In Russian).

20. Pomelov V. B. The Reformer in the Organization of Education, Helen Parkhurst, and Her Dalton Plan. *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal = Historical-Pedagogical Journal*, 2022, no. 3, pp. 58–70. (In Russian).

21. Rozhkov S. Yu. The Dalton Plan as an Innovative Teaching Approach in the Education System of the Stavropol Territory in the 1920s–1930s. *Nauchno-metodicheskie problemy professional'noj i sluzhebnoj podgotovki v organah vnutrennih del Rossii = Scientific and Methodological Issues of Professional and Service Training in the Russian Interior Ministry*. Stavropol', SF KrU MVD Rossii, 2017, pp. 57–62. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Павлов, С. В. Анализ применения Дальтон-плана в Советской России в 20-х годах XX века / С. В. Павлов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 44–55.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pavlov S. V. Analysis of the Implementation of Dalton Plan in Soviet Russia in the 1920s / S. V. Pavlov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 44–55. (In Russian).

УДК 378.146:53

**ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ
НА ОСНОВЕ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА**

А.В. Паленый

**THE TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL TRAINING
OF FOREIGN MILITARY TRAINEES
BASED ON A PERSONALITY-ORIENTED APPROACH**

A.V. Paleniy

Аннотация. В статье обоснована необходимость и возможность повышения эффективности подготовки иностранных военнослужащих на основе учета их этнокультурных особенностей. Опора на ментально-когнитивные особенности обучаемых, сложившиеся в культурной среде этноса, позволяет создать условия обучения, адаптированные к восприятию, пониманию, запоминанию обучающимися необходимого объема знаний и умений. Представлена технология обучения иностранных военнослужащих в военных вузах России на основе личностно-ориентированного подхода и идей кросс-культурной дидактики, описаны ее компоненты. Сформулированы требования к реализации процесса подготовки иностранных обучающихся на основе их этнокультурных и ментальных особенностей. Коротко представлены результаты апробации.

Abstract. The article substantiates the necessity and possibility of improving the effectiveness of training foreign military personnel based on their ethnocultural characteristics. Relying on the mental and cognitive characteristics of trainees that have developed in the cultural environment of the ethnic group makes it possible to create learning conditions adapted to students' perception, understanding, and memorization of the required amount of knowledge and skills. The technology of training foreign military personnel in Russian military universities based on a personality-oriented approach and ideas of cross-cultural didactics is presented, and its components are described. The requirements for the implementation of the process of training foreign students based on their ethnocultural and mental characteristics are formulated. The results of the approbation are briefly presented.

Ключевые слова: технология, личностно-ориентированный подход, этнокультурные особенности обучаемых, подготовка иностранных военнослужащих, военный вуз.

Keywords: technology, personality-oriented approach, ethnocultural characteristics of trainees, training of foreign military personnel, military university.

В середине прошлого столетия в мировом образовательном пространстве сформировалась необходимость в реформировании всех уровней образования, его целей, содержания, форм и методов. В начале XXI века начались серьезные преобразования в высшем образовании в России, включая военную подготовку. К настоящему моменту они не завершены, но основные позиции изменений определены и реализуются.

С ростом количества российского вооружения в зарубежных армиях изменяются требования к качеству подготовки и переподготовки иностранных военных, его эксплуатирующих, приближении ее к современным параметрам.

Анализ сложившейся ситуации в военных вузах и публикаций в открытых источниках обнаруживает заметное отставание трансформации системы подготовки и переподготовки иностранных военнослужащих в военных вузах России, и, как следствие, недостаточную эффективность такой подготовки. Для выполнения государственного задания по подготовке иностранных военных специалистов российским военным вузам необходимо найти новые механизмы такой подготовки. Этим обусловлена актуальность исследования, направленного на решение проблемы эффективной организации подготовки иностранных военнослужащих в рамках военно-профессионального образования России.

Проведенный анализ затруднений, с которыми сталкиваются и преподаватели военных вузов, и их иностранные обучающиеся, а также диссертационных исследований, посвященных профессиональной подготовке иностранных военнослужащих в вузах Министерства обороны, выявил слабо используемый ресурс – учет особенностей иностранных военнослужащих. Таким образом, существует необходимость построения личностно-ориентированного процесса обучения с адаптируемыми под конкретные группы обучающихся технологиями. Проблемами обучения в полиэтнокультурной образовательной среде занимается кросс-культурная дидактика, которую можно рассматривать как раздел педагогики, специфическим образом реализующий личностно-ориентированный подход [1], и которая предлагает эффективные способы представления обучающимся информации и организации деятельности [3; 6; 7]. Важную роль в реализации обучения иностранных военнослужащих играют современные цифровые ресурсы и технологии, существенно расширяя поле возможностей.

Для обоснованного создания технологии обучения иностранных военнослужащих в полиэтнокультурной образовательной среде военного вуза РФ были проанализированы работы по военной педагогике, личностно-ориентированному подходу, взаимосвязи культуры и образования, теории ментальности, кросс-культурной дидактике, выделены концептуальные основы технологии.

В ходе исследования обоснована взаимосвязь образования и менталитета. В исследованиях Л.Н. Гумилева, Д. Мацумото и др. установлено, что личность обучающегося формируется этническим сообществом в психологическом аспекте, социологическом и ролевом, на основе идентичной языковой культуры [2; 5; 6]. Комплекс аспектов бытия личности, влияющих на ее развитие, определяет особенности деятельности человека. Образование представляет собой компонент культурного ментального поля этноса, поэтому процесс обучения должен опираться на этноментальные свойства личности. В соответствии с положениями кросс-культурной дидактики (Ю.В. Таратухина) [7] поликультурная образовательная среда вуза должна учитывать способы организации и репрезентации учебной информации, стили обучения и преподавания,

различные доминирующие методы обучения, присущие образовательному пространству стран, из которых прибыли обучаемые. В ходе исследования был сформулирован принцип учета этнокультурных и ментальных особенностей обучающихся, вместе с принципами военной дидактики и методическими принципами он вошел в концептуальные основы построения технологии. Рядом исследователей установлено различие «восточной» и «западной» культур, наличие культурно-когнитивного профиля личности (этнической группы) и специфики ее этнически обусловленных восприятия, стилей мышления, запоминания, особенностей работы с информацией [6; 7].

На основе выявленных особенностей была разработана и реализована *личностно-ориентированная технология обучения иностранных военнослужащих с учетом этнокультурных и ментальных особенностей*, которая представляет собой системное описание процесса, ориентированного на формирование у обучающихся профессионально значимых знаний и способов деятельности по дисциплине наиболее эффективными методами и средствами, отобранными с учетом этих особенностей обучающихся (Рисунок 1).

В технологию как модель совместной деятельности обучающего и обучающихся по достижению целей включены блоки: концептуальный, целевой, адаптационный, содержательно-методический, ресурсный, процессуальный и диагностический.

Концептуальный блок модели включает закономерности развития военного образования в РФ, основные подходы и теории, принципы: военной дидактики, методические, учета этнокультурных и ментальных особенностей.

Целевой и связанный с ним *диагностический* блоки характеризуют планируемые результаты и средства их диагностики и рефлексии.

Целью обучения является формирование у обучающихся военнослужащих, представителей других стран, обучающихся в вузах РФ, профессиональных компетенций (целесообразно говорить об основных элементах профессиональных компетенций из-за существенно меньшего времени подготовки) с учетом их этнокультурных и ментальных особенностей.

Адаптационный блок предусматривает налаживание взаимодействия преподавателя и обучающихся (им требуется «изучить» друг друга, образовательную среду, «войти» в процесс обучения). Он рассчитан на изучение этноментальных особенностей обучающихся, определение специфических условий реализации профессиональной подготовки иностранных военных специалистов в смешанных и моноэтнических группах, которые обеспечат наибольшую эффективность процесса обучения. Например, для представителей Юго-Восточной Азии, участвующих в апробации технологии, характерны: преобладание аудиального и кинестетического стиля восприятия, развитое образное мышление, хорошая память с преобладанием эмоциональной и образной, слабые знания основ точных наук, склонность к медленному усвоению языков, высокий уровень самоконтроля и дисциплины, трудолюбие, коллективная ответственность (в крайней степени – за группу могут работать два человека) [5].

Содержательно-методический блок включает отобранное и структурированное в модули в соответствии с рабочей программой, временным и ментальным ресурсом обучающихся содержание дисциплины; описание адаптированных под особенности группы методов, форм и средств (например, под преобладание аудиалов, визуалов и пр.) и предпочтительных способов взаимодействия субъектов образовательного процесса (например, коллективное или индивидуальное).

Введенный в модель *ресурсный блок* должен обеспечить информационно-методическую поддержку процесса обучения. Особенно важно это при наличии смешанных групп, т. е. групп, в которых проходят подготовку представители разных стран и регионов мира, а значит – с разными этнокультурными и ментальными особенностями. Для них должна быть предоставлена возможность организации как групповой, так и индивидуальной работы, а значит и наличие адаптированных ресурсов – словарей терминов, печатных и/или электронных пособий, учитывающих специфику учебной работы обучающихся, диагностических материалов и пр., а также необходимое техническое обеспечение. В блок входит и конструктор занятий – алгоритмы и рекомендации их разработки с учетом этнокультурных и ментальных особенностей иностранных обучающихся.

Процессуальный блок характеризует взаимодействие участников образовательного процесса на двух видах занятий. В вариативной части процессуальной составляющей предложены способы трансформации учебного взаимодействия преподавателя с иностранными обучающимися через отбор методов обучения и подбор средств с учетом этнокультурной принадлежности обучающихся, причем и в моноэтнокультурных, и в полиэтнокультурных по составу группах.

Диагностический блок модели содержит средства диагностики и организации рефлексии, критерии оценки образовательных результатов.

Ресурсный, процессуальный и диагностический блоки представляют собой *средства дидактической поддержки*.

Разработанная модель личностно-ориентированной технологии обучения иностранных военнослужащих с учетом этнокультурных и ментальных особенностей предполагает организацию учебного взаимодействия обучающихся по субъект-субъектному принципу с учетом их этноментальных особенностей и с использованием электронных средств обучения по дисциплине, в которых подобран и представлен текстовый, визуальный, аудиальный материал таким образом, чтобы обучающиеся конкретной ментальности воспринимали его в привычных для себя форме, логике, ритме.

Мы сформулировали *требования к реализации процесса подготовки иностранных обучающихся на основе их этнокультурных и ментальных особенностей*:

- в основе – гибкий вариант смешанного обучения в виде сочетаний коллективное / групповое, смена рабочих зон, лицом к лицу и пр., а также смешанные лекционно-практические занятия;

- обучение в автономных группах, составленных по этническому принципу, предполагающих вариативные виды деятельности: освоение теории – самостоятельно (на основе пособий и оборудования, с элементами взаимообучения) или с объяснением преподавателя (для тех, кто не сможет работать самостоятельно);

- практические занятия – с постепенным ростом самостоятельности обучающихся (общий разбор, самостоятельная работа – групповая и индивидуальная, преподаватель сопровождает в роли модератора);

- организацию самоподготовки с учетом особенностей группы: работа (с подкастом или без него) с наглядными пособиями или с теоретическим материалом, сопровождаемым вопросами и заданиями; работа с интерактивными тренажерами, заучивание основных положений;

- обязательный трехступенчатый контроль: самоконтроль (вопросы, мини-тесты); взаимоконтроль в группе (вопросы, проговаривание, ответственен – старший группы); контроль преподавателя (краткий фронтальный, по группам, индивидуально, формы разные).

Необходимость смешанного обучения очевидна, реализовать ее можно в виде групповой работы, разбив аудиторию на секции, а также в ходе самостоятельной работы с преподавателем, играющим роль консультанта.

Для апробации модели личностно-ориентированной технологии обучения иностранных военнослужащих с учетом этнокультурных и ментальных особенностей из представителей одной из стран Юго-Восточной Азии были отобраны две группы обучающихся – экспериментальная (3 учебные группы) и контрольная (3 учебные группы). Группы, участвующие в эксперименте, обучались в соответствии с технологией – использовались элементы модульного обучения и «перевернутого» обучения, электронное учебное пособие, построенное по принципу «от простого к сложному», с использованием вставок на родном языке обучаемых, ярких иллюстраций, составленных несложных ментальных карт. Представитель контрольных групп обучалась традиционно, на основе личностно-ориентированного подхода, но без учета этноментальных особенностей, с применением актуальных в военных вузах России методов (исследовательский, проблемный, решения учебных задач и др.).

Итоги анализа срезов результатов обучения (наблюдение, тестирование, результаты текущего контроля) в экспериментальных и контрольных группах показали, что динамика изменения средних оценок знаний и умений как компонентов общих и профессиональных компетенций выше (средний балл в экспериментальных группах выше более чем на 13 %).

Таким образом, результаты опытно-экспериментальной работы полностью подтвердили эффективность предлагаемого подхода и разработанной технологии и материалов к ее реализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаревская, Е. В. Концепции личностно-ориентированного образования и целостная педагогическая теория / Е. В. Бондаревская. – Текст : непосредственный // Школа духовности. – 2009. – № 5. – С. 41–52.

2. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Речь, 2000. – 350 с. – Текст : непосредственный.
3. Давыдова, Н. В. Кросс-культурная адаптация иностранных военнослужащих в процессе их обучения в вузах министерства обороны Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Давыдова Наталья Васильевна. – СПб., 2013. – 22 с. – Текст : непосредственный.
4. Кожевникова, М. Н. Интеграция иностранных обучающихся в образовательную среду российского вуза на основе национально ориентированного подхода : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Кожевникова Мария Николаевна. – М., 2020. – 40 с. – Текст : непосредственный.
5. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2003. – 718 с. – Текст : непосредственный.
6. Почебут, Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Л. Г. Почебут. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 279 с. – Текст : непосредственный.
7. Таратухина, Ю. В. Теория и практика кросс-культурной дидактики : учебник и практикум для академического бакалавриата / Ю. В. Таратухина. – М. : Юрайт, 2016. – 195 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Bondarevskaya E. V. Concepts of personality-oriented education and holistic pedagogical theory. *Shkola duhovnosti = The school of spirituality*, 2009, no. 5, pp. 41–52. (In Russian).
2. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. SPb., Rech', 2000. 350 p. (In Russian).
3. Davydova N. V. *Kross-kul'turnaya adaptaciya inostrannykh voennosluzhashchih v processe ih obucheniya v vuzah ministerstva oborony Rossijskoj Federacii* [Cross-cultural adaptation of foreign military personnel in the process of their studies at universities of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. SPb., 2013. 22 p. (In Russian).
4. Kozhevnikova M. N. *Integraciya inostrannykh obuchayushchihsya v obrazovatel'nyu sredu rossijskogo vuza na osnove nacional'no orientirovannogo podhoda* [Integration of foreign students into the educational environment of a Russian university based on a nationally oriented approach]. M., 2020. 40 p. (In Russian).
5. Matsumoto D. *Psihologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. SPb., Piter, 2003. 718 p. (In Russian).
6. Pochebut L. G. *Kross-kul'turnaya i etnicheskaya psihologiya* [Cross-cultural and ethnic psychology]. M., Yurajt, 2019. 279 p. (In Russian).
7. Taratukhina Yu. V. *Teoriya i praktika kross-kul'turnoj didaktiki* [Theory and practice of cross-cultural didactics]. M., Yurajt, 2016. 195 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Паленый, А. В. Технология профессиональной подготовки иностранных военных обучающихся на основе личностно-ориентированного подхода / А. В. Паленый. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 56–62.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Paleniy A. V. The Technology of Professional Training of Foreign Military Trainees Based on a Personality-Oriented Approach / A. V. Paleniy // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 56–62. (In Russian).

УДК 37.01

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «КРЕАТИВНОСТЬ»
В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ**

Я.Н. Тамашина

**THE PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE CONCEPT OF "CREATIVITY"
IN THE CONTEXT OF PEDAGOGICAL RESEARCH
ON THE FORMATION OF STUDENTS' CREATIVE THINKING**

Ya.N. Tamashina

Аннотация. Школе как социальному институту общества необходимо своевременно реагировать на актуальные вызовы, обеспечивая подрастающее поколение важными внутренними ресурсами адаптации человека к непостоянству, неопределенности, сложности и неоднозначности современного мира. Одним из таких ресурсов является креативное мышление учащихся. В статье представлен психологический аспект понятия «креативность» как основа педагогического исследования, посвященного формированию креативного мышления школьников. Автор анализирует психологические теории и концепции отечественных и зарубежных исследователей креативности и делает попытку разграничить понятия «креативность», «творчество», «креативное мышление» и «творческая деятельность». Акцент на деятельностном и содержательном аспектах креативности позволят рассматривать этот феномен как результат проявленности креативного мышления. Это дает автору основание для дальнейшего исследования результативных средств формирования креативного мышления обучающихся.

Abstract. As a social institution of society, schools need to respond to current challenges in a timely manner, providing the younger generation with important internal resources for human adaptation to the impermanence, uncertainty, complexity and ambiguity of the modern world. One of these resources is the creative thinking of students. The article presents the psychological aspect of the concept of "creativity" as the basis of pedagogical research on the formation of creative thinking in schoolchildren. The author analyzes the psychological theories and concepts of domestic and foreign researchers of creativity and makes an attempt to distinguish the concepts of "creativity", "creativity", "creative thinking" and "creative activity". The emphasis on the activity and content aspects of creativity will allow us to consider this phenomenon as a result of the manifestation of creative thinking. This gives the author a basis for further research on effective means of forming students' creative thinking.

Ключевые слова: креативность, креативное мышление, творчество, формирование креативного мышления.

Keywords: creativity, creative thinking, formation of creative thinking.

Характерные черты VUCA-мира [15] детерминируют необходимость формирования у современных школьников креативного мышления, ставшего в 2022 году одним из компонентов отечественных мониторингов оценки качества образования.

Поиск результативных средств формирования и развития креативного мышления учащихся требует педагогического осмысления понятия «креативность». Исследование автором лингвистического и философского аспектов «креативности» свидетельствуют о том, что креативность проявляется в деятельности, не функционирует вне творчества, выступает показателем его (творчества) продуктивности [21]. Несмотря на получение значимых результатов, изучение только лингвистических и философских концепций недостаточно для того, чтобы выявить специфику в формировании и развитии креативного мышления учащихся как одного из важных направлений в работе современного учителя. Для того чтобы проанализировать структуру, условия проявления, факторы развития и другие стороны креативности, необходимо обратиться к изучению данного явления в русле психологии.

Анализ зарубежной психологической литературы позволил выявить несколько позиций, по-разному раскрывающих природу «творчества» и «креативности».

Одна из позиций представлена, главным образом, *психоаналитической теорией* (З. Фрейд, Ж. Лакан, Ф. Гваттари), основные суждения которой о проблеме креативности и творчества заключаются в следующем [7; 9; 11; 26]:

- истоки творческой активности личности находятся в ее раннем детстве;
- человек по мере своего взросления не может повлиять на содержание и стилистическое оформление творческой активности;
- творческая энергия представляет собой продукт сублимации полового влечения в приемлемой для общества форме.

В рамках другой позиции, подчеркивающей *независимость креативности от уровня интеллекта* (Дж. Гилфорд, Э.П. Торренс, Ф. Вильямс, Н. Коган, М. Воллах и др.), можно выделить несколько самостоятельных теорий, сложившихся в русле *когнитивного подхода*.

Теория структуры интеллекта Д.П. Гилфорда позволяет зафиксировать следующие ключевые положения [6; 7; 27]:

- креативность – самостоятельный фактор, не зависящий от уровня общего интеллекта, так как между уровнем интеллекта и уровнем креативности существует незначительная корреляция: отсутствие проявлений творческой одаренности при низком IQ и одновременно как высокий, так и низкий уровень развития дивергентного мышления у людей с высоким IQ;
- креативность как способность отказываться от стереотипных способов мышления проявляется в ситуациях, когда отсутствуют заранее предписанные алгоритмы решения;
- креативность связана со способностью к операциям дивергентной продуктивности, которая в отличие от конвергентного типа мышления, предполагающего поиск одного решения из множества, подразумевает вариативность результатов и способов решения;
- креативность изучаема (диагностируема) объективно;
- креативность – естественный ресурс, активизация и стимулирование которого может принести пользу всему обществу;

- проблема креативности для психолога – это проблема креативной личности, для которой существует несколько поведенческих проявлений: способности, интересы, установки, темперамент (оптимизм, расположение духа, уверенность в себе, нервозность).

Теория интеллектуального порога Э.П. Торренса дополнила положения Д.П. Гилфорда рядом оригинальных идей:

- креативность – это способность к обостренному восприятию недостатков, пробелов в знаниях, недостающих элементов и т. д.;

- критерием креативности является не качество результата, а характеристики и процессы, активизирующие творческую продуктивность;

- оценивать креативное мышление можно по четырем основным параметрам: беглость, гибкость, оригинальность и разработанность (тесты ТОТМ Э.П. Торренса);

- существует односторонняя связь между уровнем интеллекта и креативностью: до уровня $IQ < 120$ креативность и интеллект являются единым фактором, а выше этого значения и креативность, и интеллект проявляются как независимые факторы [6; 23].

Н. Коган и М. Воллах, несмотря на неоднократное подтверждение концепции Э.П. Торренса о существовании интеллектуального порога, опровергли ее, модифицировав процедуру тестирования и устранив временные ограничения, а также показатели «правильности» выполнения и соревновательности. Таким образом, ими была установлена независимость креативности от интеллекта [7, с. 181].

Ф.Е. Вильямс также модифицировал тестирование креативности, но не путем устранения временных ограничений, которые у него присутствуют, а, главным образом, посредством *введения*, кроме когнитивно-интеллектуальных, *лично-индивидуальных (аффективно-чувственных) творческих факторов*. К ним Ф. Вильямс отнес способность идти на риск, сложность (приведение в порядок неупорядоченного), любознательность и воображение. Сам механизм диагностики креативности по методике Ф.Е. Вильямса тоже отличается. Диагностика состоит из трех частей: первая включает тест дивергентного мышления, вторая – измерение личностных свойств, третья – экспертную (родителями и учителями) оценку креативности. Все три части диагностики отражают иерархическую структуру восьми навыков креативности, исследованных Ф.Е. Вильямсом и положенных им в основу дифференцированного учебного плана для работы с творчески одаренными детьми [24].

Следующая позиция по отношению к творчеству и креативности характеризуется положением о том, что высокий уровень творческих способностей обусловлен соответствующим уровнем развития интеллекта (*Х. Айзенк, Д. Векслер, Р. Уайсберг, Л. Термен и др.*). К основным взглядам представителей данной позиции можно отнести следующие:

- креативность является частью общей умственной одаренности;

- креативность – управляемый процесс поиска комбинирования в ходе творческого решения проблем;

- ключевая характеристика креативности – когнитивная «сверхвключенность», которая представляет собой способность к производству большого количества креативных идей через продуцирование релевантных проблеме ассоциаций;

- когнитивная сверхвключенность, определяющая предрасположенность к креативному поведению людей, генетически обусловлена;

- различные формы психопатологии имеют общую генетическую основу: аналогичный генетический фактор для одних людей – источник предрасположенности к шизофрении, для других – основа высокой креативности [1; 7; 9; 12; 27].

Четвертая позиция характеризуется *признанием значительной роли в творческой активности таких факторов, как мотивация, ценности, личностные характеристики*. Представителями данной позиции являются выдающиеся психологи-гуманисты *А. Маслоу* и *К. Роджерс*. Взгляды этих психологов на креативность схожи, а в некоторых аспектах совпадают. В частности, и *А. Маслоу*, и *К. Роджерс* связывают креативность с самореализацией личности, относят ее к *ценностно-личностной категории*, указывают на *недостаточность интеллектуальной одаренности в качестве условия креативности*, признают способность к творчеству за любым человеком. Существует, однако, ряд идей, которые делают концепции креативности выдающихся психологов уникальными.

Так, у *А. Маслоу*:

- существует креативность таланта и креативность самоактуализации, последняя из которых проявляется в повседневной жизни, отчего шире распространена и имеет более тесную связь с личностью;

- как неотъемлемая сторона человеческой духовности проявления креативности применимы не только к продуктам деятельности, но также к людям, деятельности, процессам, отношению;

- самым существенным аспектом самоактуализирующейся креативности является способность выражать идеи и порывы без ограничения и страха выглядеть смешным перед другими [12; 13].

Уникальные взгляды *К. Роджерса* на проблему креативности заключаются в следующем:

- креативность позволяет человеку расширять свои знания и опыт, влияя таким образом на развитие не только своей жизни, но и общества в целом;

- к внутренним условиям творчества относятся: экстенциональность (открытость восприятию, терпимость к неоднозначности и противоречивости); способность к необычным сочетаниям элементов и понятий, предполагающее спонтанную игру с идеями, оттенками, формами и отношениями, составление из них невероятных сочетаний; выдвижение различных гипотез, нахождение противоречий; преобразование одной формы в другую; внутренний локус оценивания;

- природа внутренних условий творчества такова, что их проявление нельзя спровоцировать – можно только создавать условия, способствующие проявлению созидательного творчества;

- внешние факторы творчества направлены на создание условий психологической безопасности и свободы путем признания безусловной ценности субъекта творчества, исключения внешней оценки, создания атмосферы понимания и сопереживания;

- только взаимосвязь внутренних и внешних условий созидательного творчества позволяют личности свободно и полно реализовать себя в творчестве [10; 20].

Еще одна позиция на природу творчества и креативности представлена *ассоциативной теорией творчества С.А. Медника*. В ней:

- базой креативного мышления являются ассоциации;

- креативность рассматривается как процесс переконструирования элементов в новых комбинациях, которые бы были полезны и отвечали некоторым специальным требованиям;

- чем более отдаленными являются идеи, между которыми возникают ассоциации, отвечающие требованиям задачи и критерию полезности, тем более креативным считается мышление;

- существует три способа построения ассоциаций (креативного решения): через установление сходства между отдаленными элементами; через опосредование одних идей другими; благодаря интуитивной прозорливости [7; 11].

Последняя из рассматриваемых позиций зарубежных психологов выражается в признании *существования различных видов креативности, соответствующих разнообразным сферам человеческой деятельности*. Представителями данной позиции являются авторы *инвестиционной теории креативности Т. Любарт и Р. Стернберг*. Их основные идеи выражаются в:

- необходимости сбалансировать синтетические, аналитические и практические способности человека для творческого успеха;

- понимании креативности как сочетания шести взаимосвязанных ресурсов: личности, стилей мышления, интеллектуальных способностей, знаний, мотивации и среды (уровни каждого из этих ресурсов являются важным источником индивидуальных различий);

- целесообразности направлять стратегии обучения креативности (использование подражания; поощрение сомнений; решение творческих заданий; поощрение терпимости к неопределенности; подготовка к препятствиям и др.) на социальную успешность личности [7; 9; 11; 18].

Таким образом, анализ рассмотренных концепций позволяет сделать вывод о том, что среди зарубежных психологов сложились не просто различные, а в некоторых случаях – диаметрально противоположные взгляды на природу креативности. Многообразие зарубежных психологических исследований феномена креативности дополняют разнообразные концепции выдающихся отечественных психологов. Несмотря на вариативность предметов, затрагивающих различные аспекты творчества и креативности, отечественные исследования, по словам *С.Р. Яголкинского*, в основном реализовывались в контексте *культурно-исторического и процессуально-деятельностного подходов* [27].

В рамках первого подхода значимый вклад в изучение творчества внес *Л.С. Выготский*, у которого мы находим следующие важные для нашего исследования идеи [4]:

- продуктивность воображения как одна из характеристик творческой деятельности зависит от прежнего опыта человека, что подчеркивает важность социальной среды как фактора, влияющего на его творчество;
- воображение человека и реальность связаны социальным опытом, позволяющим нам представить даже то, чего мы не знали ранее;
- аффективные и интеллектуальные элементы творческого процесса неразрывны;
- последовательными компонентами творческого процесса являются: внешние и внутренние восприятия (опыт) – диссоциация опыта – ассоциация воспринятых ранее впечатлений – комбинация и приведение отдельных образов в систему;
- творческая деятельность обусловлена социальными и культурными условиями ее реализации.

Другими представителями историко-культурного подхода являются: *А.Г. Асмолов*, связывающий творческую активность личности с преодолением социальных ограничений и выходом человека за пределы предписанных ему ролей [2]; *З.И. Калмыкова*, указывающая на необходимость отклонения в творческой деятельности от привычных способов решения [8, с. 25]; *В.А. Петровский*, рассматривающий творчество как избыточную относительно «интересов выживания» активность человека, связанную с его личностным развитием и способностью направленно транслировать инновации собственного опыта другим людям [16, с. 153]. Таким образом, в качестве ключевых положений, характерных для представителей историко-культурного подхода, можно выделить: рассмотрение социальной среды в качестве существенного фактора развития креативного мышления; важность преодоления стереотипизации и привычных способов деятельности; необходимость участия в продуктивном творческом процессе для личностного развития.

Значительный вклад в изучение творчества и креативности также внесли отечественные исследователи, работавшие в рамках процессуально-деятельностного направления.

Так, *Я.А. Пономарев* предположил существование не только прямых, но и неосознаваемых побочных продуктов творчества, значимость которых для человека зависит от привлекательности основных продуктов творческой деятельности; предложил четырехфазную модель творческого процесса (логический анализ проблемы – интуитивное решение – словесная формулировка решения – придание решению логически завершенной формы), отметил важную роль интуиции в творчестве [17].

А.В. Брушлинский в исследованиях творчества указывал на воздействие преобразующей деятельности человека на него самого; связывал личностный аспект мышления с мотивационными основами интеллектуальной активности

человека, зависящими от его отношения к актуальным задачам и проблемным ситуациям [14, с. 23].

Значимость актуальности решаемых задач для проявления человеком креативности подчеркивала и *Д.Б. Богоявленская*. Исследуя творчество, она ввела понятия *интеллектуальной активности и интеллектуальной инициативы*, не ставя между ними и мышлением знака равенства [3]. Согласно ее теории, интеллектуальная активность – не обусловленное внешней стимуляцией продолжение процесса мышления, которое является следствием интеллектуальной инициативы [3, с. 104]. В свою очередь интеллектуальная инициатива относится не только к когнитивной сфере, но и является системным феноменом личности, включающим мотивационно-ценностный ее уровень. Выделенные посредством *метода «креативное поле»* уровни интеллектуальной активности: «стимульно-продуктивный» (отсутствие интеллектуальной инициативы), «эвристический» (наличие элементов интеллектуальной инициативы), «креативный» (высшее проявление интеллектуальной активности) – свидетельствуют о том, что креативность проявляется тогда, когда поиск закономерностей и эвристик становится самостоятельной проблемой, обладающей высокой степенью важности для человека [3].

В.Н. Дружинин в своих исследованиях также сделал вывод о том, что творческой активностью движет внутренняя мотивация личности. Кроме того, ученый определил оптимальные условия для диагностики креативности, среди которых он особо подчеркнул отсутствие ограничения времени на выполнение задания, элементов соревновательности и оценивания. Разделяя креативность и интеллект, *В.Н. Дружинин* включил их вместе с обучаемостью в *структуру общих способностей* [6].

Д.В. Ушаков, изучающий динамику интеллекта и креативности в контексте структурно-динамической теории, вслед за *В.Н. Дружининым*, разделял понятия «креативность» и «интеллект». Он выявил существенные различия в структуре и интенсивности влияния средовых факторов на развитие интеллекта и креативности, определив, что развитию последней, главным образом, способствуют возможность эмоционального самовыражения, подкрепление положительной самооценки и снижение уровня запретов [25].

В рамках процессуально-деятельностного направления в исследованиях творчества и креативности работал и автор теории способностей человека *В.Д. Шадриков*. Он связывает креативность с одаренностью («проявлением интеллекта»), рассматривает ее в качестве способности к творческой деятельности и понимает как *свободу от стереотипов, стремление к принятию нестандартных решений, установку личности, позволяющую видеть проблему с другого ракурса* [27].

Смысловая теория мышления, предложенная *О.К. Тихомировым* и развиваемая его учениками и последователями (*Ю.Д. Бабаевой, Н.Б. Березанской, Т.Г. Богдановой, И.А. Васильевым, Ю.Е. Виноградовым, Ю.Н. Кулюткиным и др.*) уделяет основное внимание анализу конкретных механизмов творческой

деятельности и тем новообразованиям, которые формируются у человека в процессе этой деятельности. В рамках нашего исследования вызывает интерес ряд положений смысловой теории мышления [10; 19; 22; 27]:

- при усилении мотивации творческой деятельности проявляется структурирующая функция мотива, способствующая возрастанию числа гипотез, более оригинальным решениям, формированию новых подходов и взглядов на проблему, вовлеченности субъекта в творческий процесс;

- изменение мотивационных характеристик во многом определяет структуру творческого процесса, зачастую являясь причиной динамичности показателей креативности человека;

- при внутренней мотивации творческой деятельности в качестве ведущего выступает целостное смысловое управление поиском решения, а при внешней мотивации – пошаговое рационально-логическое управление, порождающее конфликтные эмоции при неудачах;

- существуют различные виды эмоций, связанные со страхом перед творчеством: они сковывают развитие и проявление творческих способностей, негативно воздействуя на целостность личности и, как следствие, на психическое здоровье человека;

- выявленные механизмы смыслового развития эмоционально-оценочной активности человека в процессе творческой деятельности меняют представление об инсайте как о спонтанном озарении при решении задачи;

- способность выявлять проблемы и корректно ставить задачи является полноценным творческим процессом.

На важность мотивационной составляющей творческой деятельности указывала и *Р.М. Грановская*, рассматривавшая творчество не только как *возможность для самореализации*, но и *действенный способ преодоления личностного кризиса* [5].

Анализ психологических концепций и теорий, затрагивающих различные аспекты творчества и креативности, позволяет сделать следующие выводы:

- креативность оценивается не только и не столько по качеству результата, сколько по характеристике процессов, активизирующих творческую продуктивность;

- существуют когнитивные (беглость, гибкость, оригинальность, работанность мышления) и личностные (мотивация, воображение, смелость, любознательность и др.) факторы креативности;

- креативность выступает результатом проявленности креативного мышления;

- поскольку креативное мышление отражает деятельностный и содержательный аспекты креативности, она поддается развитию;

- креативность диагностируема объективно;

- для диагностики и развития креативности необходимы не только внутренние, но и ряд внешних условий, среди которых: безоценочность, приемлемый лимит времени, безопасность (отсутствия страха быть осмеянным) и др.

Таким образом, рассмотренные психологические концепции творчества и креативности позволяют создать представление об изучаемом феномене с позиции психоаналитического, когнитивного, гуманистического, культурно-исторического, процессуально-деятельностного и других подходов, однако не в полной мере раскрывают специфику развития креативного мышления учащихся в качестве одного из важных направлений работы современного учителя. Для того чтобы процесс формирования креативного мышления приобрел необходимые признаки системности, необходимо обратиться к педагогическому аспекту понятия «креативность», что является одной из следующих задач в рамках педагогического исследования формирования креативного мышления учащихся.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенк, Г. Ю. Понятие и определение интеллекта / Г. Ю. Айзенк. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 111–131.
2. Асмолов, А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. – М. : Смысл, 2007. – 528 с. – Текст : непосредственный.
3. Богоявленская, Д. Б. Психология творческих способностей : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Д. Б. Богоявленская. – М. : Academia, 2002. – 317 с. – Текст : непосредственный.
4. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М. : Искусство, 1968. – 576 с. – Текст : непосредственный.
5. Грановская, Р. М. Конфликт и творчество в зеркале психологии / Р. М. Грановская. – М. : Генезис, 2002 – 573 с. – Текст : непосредственный.
6. Дружинин, В. Н. Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – СПб. : Питер, 2008. – 368 с. – Текст : непосредственный.
7. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 434 с. – Текст : непосредственный.
8. Калмыкова, З. И. Продуктивное мышление как основа обучаемости / З. И. Калмыкова. – М. : Педагогика, 1981. – 200 с. – Текст : непосредственный.
9. Козьяков, Р. В. Концепции креативного мышления и основные подходы к его изучению / Р. В. Козьяков. – Текст : электронный // Современная зарубежная психология. – 2022. – Том 11. – № 4. – С. 117–126. – URL: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110410> (дата обращения: 05.05.2024).
10. Личность: внутренний мир и самореализация: Идеи, концепции, взгляды / составители: Ю. Н. Кулюткин, Г. С. Сухобская. – СПб. : Гускарора, 1996. – 175 с. – Текст : непосредственный.
11. Мороз, В. В. Обзор зарубежных теорий креативности / В. В. Мороз. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2016. – № 12 (200). – С. 35–41.
12. Мороз, В. В. Развитие креативности студентов : монография / В. В. Мороз. – Оренбург : Университет, 2011. – 187 с. – Текст : непосредственный.
13. Морозов, А. В. Креативность преподавателя высшей школы / А. В. Морозов. – Текст : непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 64–68.
14. Мышление: процесс, деятельность, общение / под редакцией А. В. Брушлинского. – М. : Наука, 1982. – 287 с. – Текст : непосредственный.

15. Обухова, Н. И. VUCA-мир и образовательная среда / Н. И. Обухова. – Текст : электронный // Калининградский вестник образования. – 2021. – № 3 (11). – С. 11–22. – URL: <https://koirojournal.ru/realises/g2021/30sent2021/kvo302/> (дата обращения: 15.01.2025).
16. Петровский, В. А. Психология неадаптивной активности / В. А. Петровский. – М. : Горбунок, 1992. – 223 с. – Текст : непосредственный.
17. Пономарев, Я. А. Перспективы развития психологии творчества / Я. А. Пономарев. – Текст : непосредственный // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / под редакцией Д. В. Ушакова. – М. : Институт психологии РАН, 2006. – С. 145–276.
18. Психология креативности : учебное пособие / Т. Любарт, К. Муширу, С. Торджман, Ф. Зенасни. – М. : Когито-Центр, 2009. – 214 с. – Текст : непосредственный.
19. Психология одаренности детей и подростков / Ю. Д. Бабаева, Н. С. Лейтес, Т. М. Марютина [и др.] ; под редакцией Н. С. Лейтеса. – М. : Академия, 1996. – 407 с. – Текст : непосредственный.
20. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – 479 с. – Текст : непосредственный.
21. Тамашина, Я. Н. Анализ понятия «креативность» как основа педагогического исследования формирования креативного мышления школьников / Я. Н. Тамашина. – Текст: непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4. – С. 85–96.
22. Тихомиров, О. К. Психология мышления : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / О. К. Тихомиров. – М. : Академия, 2007. – 287 с. – Текст : непосредственный.
23. Туник, Е. Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса: адаптивный вариант / Е. Е. Туник. – СПб. : Речь, 2006. – 174 с. – Текст : непосредственный.
24. Туник, Е. Е. Модифицированные креативные тесты Вильямса / Е. Е. Туник. – СПб. : Речь, 2003. – 96 с. – Текст : непосредственный.
25. Ушаков, Д. В. Интеллект: Структурно-динамическая теория / Д. В. Ушаков. – М. : Институт психологии РАН, 2003. – 262 с. – Текст : непосредственный.
26. Фрейд, З. Художник и фантазирование : сборник / З. Фрейд ; [перевод с немецкого]. – М. : Республика, 1995. – 396 с. – Текст : непосредственный.
27. Яголковский, С. Р. Психология креативности и инноваций : учебное пособие / С. Р. Яголковский. – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 157 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Ajzenk G. Yu. The concept and definition of intelligence. *Voprosy psihologii = Questions of psychology*, 1995, no. 1, pp. 111–131. (In Russian).
2. Asmolov A. G. *Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Psychology of personality: cultural and historical understanding of human development]. М., Smysl, 2007. 528 p. (In Russian).
3. Bogoyavlenskaya D. B. *Psihologiya tvorcheskikh sposobnostej* [Psychology of creative abilities]. М., Academia, 2002. 317 p. (In Russian).
4. Vygotskij L. S. *Psihologiya iskusstva* [Psychology of art]. М., Iskusstvo, 1968. 576 p. (In Russian).
5. Granovskaya R. M. *Konflikt i tvorchestvo v zerkale psihologii* [Conflict and creativity in the mirror of psychology]. М., Genезis, 2002. 573 p. (In Russian).

6. Druzhinin V. N. *Psihologiya obshchih sposobnostej* [Psychology of general abilities]. SPb., Piter, 2008. 368 p. (In Russian).
7. Il'in E. P. *Psihologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creativity, giftedness]. SPb., Piter, 2009. 434 p. (In Russian).
8. Kalmykova Z. I. *Produktivnoe myshlenie kak osnova obuchaemosti* [Productive thinking as the basis of learning]. M., Pedagogika, 1981. 200 p. (In Russian).
9. Koz'yakov R. V. Concepts of creative thinking and basic approaches to its study. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya = Modern foreign psychology*, 2022, vol. 11, no. 4, pp. 117–126. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2022_n4/Kozyakov. (In Russian).
10. Kulyutkin Yu. N., Suhobskaya G. S. *Lichnost': vnutrennij mir i samorealizaciya: Idei, koncepcii, vzglyady* [Personality: inner peace and self-realization: Ideas, concepts, views]. SPb., Tuskarora, 1996. 175 p. (In Russian).
11. Moroz V. V. Review of foreign theories of creativity. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*, 2016, no. 12 (200), pp. 35–41. (In Russian).
12. Moroz V. V. *Razvitie kreativnosti studentov* [Development of students' creativity]. Orenburg, Universitet, 2011. 187 p. (In Russian).
13. Morozov A. V. *Kreativnaya pedagogika i psihologiya* [Creative pedagogy and psychology]. M., Akademicheskij proekt, 2004. 560 p. (In Russian).
14. Brushlinskij A.V. *Myshlenie: process, deyatel'nost', obshchenie* [Thinking: process, activity, communication]. M., Nauka, 1982. 287 p. (In Russian).
15. Obuhova N. I. VUCA-the world and the educational environment. *Kaliningradskij vestnik obrazovaniya = Kaliningrad Bulletin of Education*, 2021, no. 3 (11), pp. 11–22. – URL: <https://koirojournal.ru/realises/g2021/30sent2021/kvo302/>. (In Russian).
16. Petrovskij V. A. *Psihologiya neadaptivnoj aktivnosti* [Psychology of maladaptive activity]. M., Gorbunok, 1992. 223 p. (In Russian).
17. Ponomarev Ya. A. Prospects for the development of the psychology of creativity. *Psihologiya tvorchestva: shkola Ya.A. Ponomareva = Psychology of creativity: the school of Ya.A. Ponomarev*. M., Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2006, pp. 145–276. (In Russian).
18. Lubart T., Mushiru K., Tordjman S., Zenasni F. *Psihologiya kreativnosti* [Psychology of creativity]. M., Kogito-Centr, 2009. 214 p. (In Russian).
19. Babaeva Yu. D., Lejtes N. S., Maryutina T. M. *Psihologiya odarennosti detej i podrostkov* [Psychology of giftedness of children and adolescents]. M., Akademiya, 1996. 407 p. (In Russian).
20. Rodzhers K. *Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [A look at psychotherapy. The formation of man]. M., Progress : Univers, 1994. 479 p. (In Russian).
21. Tamashina Ya. N. Analysis of the concept of "creativity" as the basis of pedagogical research on the formation of creative thinking in schoolchildren. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 2024, no. 4, pp. 85–96. (In Russian).
22. Tihomirov O. K. *Psihologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. M., Akademiya, 2007. 287 p. (In Russian).
23. Tunik E. E. *Diagnostika kreativnosti. Test E. Torrensa: adaptivnyj variant* [Diagnostics of creativity. E. Torrens test: adaptive version]. SPb., Rech', 2006. 174 p. (In Russian).

24. Tunik E. E. *Modificirovannye kreativnye testy Vil'yamsa* [Modified creative Williams tests]. SPb., Rech', 2003. 96 p. (In Russian).

25. Ushakov D. V. *Intellekt: Strukturno-dinamicheskaya teoriya* [Intelligence: a structural and dynamic theory]. M., Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2003. 262 p. (In Russian).

26. Frejd Z. *Hudozhnik i fantazirovanie* [The artist and fantasy]. M., Respublika, 1995. 396 p. (In Russian).

27. Yagolkovskij S. R. *Psihologiya kreativnosti i innovacij* [Psychology of creativity and innovation]. M., Publishing House of GU VSHE, 2007. 157 p. (In Russian)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тамашина, Я. Н. Психологический аспект понятия «креативность» в контексте педагогического исследования формирования креативного мышления учащихся / Я. Н. Тамашина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 63–74.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tamashina Ya. N. The Psychological Aspect of the Concept of "Creativity" in the Context of Pedagogical Research on the Formation of Students' Creative Thinking / Ya. N. Tamashina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 63–74. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 908

ФЕНОМЕН С.Н. ГЛИНКИ КАК ФАКТ И КАК ФАКТОР РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ МЫСЛИ

А.А. Безруков, Е.С. Безрукова

THE PHENOMENON OF S.N. GLINKA AS A FACT AND AS A FACTOR OF RUSSIAN HISTORICAL AND SOCIAL-LITERARY THOUGHT

A.A. Bezrukov, Ye.S. Bezrukova

Аннотация. Процесс актуализации аксиологической составляющей русской (прежде всего – гуманитарной) науки однозначно отвечает требованиям эпохи, предъявляемым к современной России как государству-цивилизации с тысячелетним опытом исторического бытия. Очевидное родство отечественной литературоведческой и исторической мысли, думается, позволяет реализовывать общие для этих двух союзных областей научного знания методологические установки в конкретике осмысления русского литературного процесса как неотъемлемой органической части русской истории в узловых / знаковых моментах его развития / проявления. Данная статья представляет собой попытку рассмотрения событий, связанных с 1812 годом как центром собирания духовных созидательных сил русского народа и государства Российского. В центре внимания авторов находится творческая личность яркого представителя русской общественно-исторической и литературно-публицистической мысли первой трети XIX века С.Н. Глинки.

Abstract. The process of actualization of the axiological component of Russian (primarily humanitarian) science clearly meets the demands of the era made to modern Russia as a state-civilization with a thousand-year experience of historical existence. The obvious kinship of domestic literary and historical thought, as it seems, allows us to implement the methodological guidelines common to these two allied areas of scientific knowledge in the specifics of understanding the Russian literary process as an integral organic part of Russian history in the key / significant moments of its development / manifestation. This article is an attempt to consider the events associated with 1812 as the center of gathering the spiritual creative forces of the Russian people and the Russian state. The authors focus on the creative personality of a bright representative of Russian socio-historical and literary-journalistic thought of the first third of the 19th century, S.N. Glinka.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, историософия, мемуаристика, русская общественно-историческая мысль, русский литературный процесс, пафос, патетика, эпос, роман-эпопея.

Keywords: Patriotic War of 1812, historiosophy, memoir writing, Russian socio-historical thought, Russian literary process, pathos, pathetics, epic, epic novel.

В 2026 году исполняется 250 лет со дня рождения Сергея Николаевича Глинки, достойного представителя дворянского семейства Глинок, оставившего яркий след в истории России. Историк и мемуарист, журналист и издатель, прозаик и драматург, поэт и переводчик, майор гвардии и педагог-исправитель нравов, ополченец Смоленского земского войска 1806–1807 гг. и «первый ратник» Московского ополчения 1812 года, глава многочисленного семейства и преданный супруг, благотворитель и общественный деятель, «народный трибун» (П.А. Вяземский), награжденный орденом св. Владимира IV степени, как отмечено в рескрипте, «за любовь к Отечеству, доказанную сочинениями и деяниями» [см. 1].

В полемике Л.Н. Толстого с П.А. Вяземским, выводящей в конечном итоге на проблему правды факта и правды вымысла в историческом художественном произведении, Л.Н. Толстой доказывал свою правоту, ссылаясь на книгу воспоминаний С.Н. Глинки «Записки о 1812 годе» [см. 2]: «<...> везде, где в книге моей [«Война и мир». – А.Б., Е.Б.] действуют и говорят исторические лица, я не выдумывал, а пользовался известными материалами. Князь Вяземский <...> обвиняет меня в клевете на характер императора Александра и в несправедливости моего показания. Анекдот о бросании бисковитов народу почерпнут мною из книги Глинки, посвященной государю императору <...>. <...> Ежели вы [Л.Н. Толстой обращается к П.И. Бартеневу, историку и литературоведу, одному из его консультантов в период работы над романом «Война и мир». – А.Б., Е.Б.] не нашли того места, то только потому, что не брали в руки «Записки» Глинки <...>, 1-го ратника ополчения» [2, с. 679–680]. Доказано, что Л.Н. Толстой ошибался. Анекдот, ставший причиной полемики, был заимствован писателем из другого источника.

Рискнем предположить, что данная и вполне объяснимая ошибка памяти писателя, изучившего в сжатые сроки большое количество книг и рукописей мемуарного характера, посвященных событиям Отечественной войны 1812 года, связана, в первую очередь, с тем, что «Записки о 1812 годе» и имя их создателя – С.Н. Глинки – для Л.Н. Толстого имели особое значение. Думается, потому, что понимание классиком русской литературы духа народа и характера войны 1812 года, подоплека его историософских размышлений о причинах и сути наполеоновского нашествия и противостояния «властителю мира» России, о «переключке» веков и об особом значении / знаковости 1812 года в судьбах России и мира оказались тесно связаны, и напрямую, и опосредованно с, казалось бы, непритязательными и восторженными «Записками» ратника Московского ополчения.

Продолжим наши предположения и заявим, что пафос С.Н. Глинки-повествователя также был близок Л.Н. Толстому. Поскольку пафос – слово емкое, к тому же меняющее во времени свое лексическое значение, укажем, что под пафосом в нашем случае мы понимаем особое, патетическое / восторженное восприятие действительности, когда ощущение значимости и величия происходящего побуждает коллективную народную личность соединить

силу пробудившегося духа с силой оружия в противостоянии началам, губительным для русского национального бытия в его сути и перспективах его исторической жизни. Если же говорить о пафосе как о вербально-художественной / эстетической форме выражения того особого эмоционально-экспрессивного духовно-творческого состояния автора и наглядно представить ее, тогда, пожалуй, сформулированную нами выше мысль можно передать следующими показательными словами создателя «Записок о 1812 годе»: «Дух народа всего торжественнее высказывается в годину решительного подвига. В часы грозной, в часы явной опасности народ русский подрастает душою и крепчает мышцею отважною. <...> Земля как будто бы исчезла под сонмами народа <...>. Под шумом бурь исчезает личность и сердца сродняются союзом общей опасности» [3, с. 7–8].

Эти пафосные во всех отношениях строки С.Н. Глинки получают соответствующее смысловое и художественное / идейно-эстетическое обрамление.

Автор «Записок о 1812 годе», используя инструментарий драматурга (напомним, к моменту написания данных «Записок» С.Н. Глинка уже сочинил исторические пьесы «Сумбека, или Падение Казанского царства», 1806; «Михаил, князь Черниговский», 1806; «Минин», 1809), дает следующее название-ремарку главе (скорее, главке объемом чуть более страницы) «Книги первой», в которой содержится интересующая нас цитата «*Народ за Драгомиловскою заставою. Три часа пополудни. 11 июля 1812 года*». В предшествующих главках «Книги первой» «Записок» («Июля 11, 1812 г., три часа утра»; «Пять часов утра. Июля 11, 1812 года»; «Десять часов утра в Москве. Июля 11-го 1812 года») намеренное разделение С.Н. Глинкой единого непродолжительного временного отрезка (11 июля) на фрагменты указывает на постепенное неуклонное приближение какого-то очень важного / судьбоносного события, когда значимы любая деталь, любой штрих. В нашем конкретном случае – на появление, даже, скорее – явление государя Александра I и его провиденциальную встречу с народом. Слово очевидца и историка, «народного ратника» С.Н. Глинки зафиксировало для потомков первую и самую главную победу – «победу над сердцами» как залог полной победы над врагом России: «В девять часов утра явился на Красном крыльце Александр Первый, явился как ангел Божий под осинением щита небесного. На уверенность царя громко откликнулась уверенность народа. <...> В сердце Царство Русского, в стенах Москвы, июля двенадцатого император Александр убедился, что Россия устоит в России <...>. В день июля двенадцатого не утварью царскою, не блеском венца, Александр украшался любовью народною, взиравшего на него очами сердца и души. <...> На алтарь любви чистой, любви бескорыстной, любви пламенной, народ и Отечество радостно возлагали и достояние, и жизнь свою» [3, с. 12–13].

В лучших традициях русского художественного Слова, идущих из глубины веков, в традициях стиля монументального историзма, стиля «Слова о полку Игореве» и «Слова о погибели Русской земли», С.Н. Глинка своей

ремаркой объединит в неразрывно связанное органическое целое триединое пространство Руси – России с его составляющими: демографическая / этнографическая (*народ*), географическая (*Драгомиловская застава*), временная (*11 июля 1812 года*). 12-го июля – в судьбоносный день – это триединое пространство будет освящено и одуховлено колокольным звоном, благодарным молебствованием по случаю заключения мира с Турцией и появлением / явлением Александра I. С.Н. Глинка заканчивает свое изложение событий 11 и 12 июля следующими словами: «В дивный 1812 год *мир* и *война* шли рядом» [3, с. 15]. Рискнем высказать еще одно предположение: возможно / вероятно / не исключаем, что именно эти слова / все это предложение в конечном итоге дали Л.Н. Толстому название его великому роману-эпопее – «Война и мир».

В статье, посвященной памяти С.Н. Глинка («Сергей Николаевич Глинка», 1847), П.А. Вяземский, активный участник общественной и литературной жизни России, в том числе событий «грозового» 1812 года, отмечал факт мобилизации сил русской литературы для отпора надвигающемуся нашествию «двунадесят язык»: «Гроза двенадцатого года и дым Московского пожара чуялись уже в воздухе. В трагедиях Озерова и Крюковского были намеки на Наполеона. Речь Дмитрия Донского: „О, дерзостный досол надменнейшего хана!“ – была написана прямо к лицу французского посла. Граф Ростопчин бросал в публику свои бойкие и одушевленные памфлеты „Мысли вслух на Красном крыльце“, комедию „Вести, или живой убитый“. Жуковский от „Сельского кладбища“, на котором мечтал с Греем, переходил к полю, усеянному костями древних славян. В Барде слышался уже могучий голос Певца во стане Русских воинов. Он говорил:

Так пал с победой Росс!
Паденье – страх врагам.

Еще прежде того Карамзин, покидая на минуту перо историка, принимался за боевую лиру и взывал к Наполеону:

Ищи на юге робких слуг.
Сын севера, в стране железной,
Живет с свободою сам-друг
И Царь ему отец любезной.
За Галла весь ужасный ад,
За нас же Бог и добродетель! <...>

Наконец загорелся 1812 год. <...> Тогда литература Глинка обратилась в общее действие» [4].

Участие С.Н. Глинка «в общем действии» на поприще литературы проявилось не только в его публицистической и издательской деятельности, когда, по определению того же П.А. Вяземского, «„Русский вестник“ [журнал, издаваемый С.Н. Глинкой. – А.Б., Е.Б.] облекся в плоть и кровь» [4]. Позднее,

в 30-е годы, когда наступит пора осмысления исторического феномена под названием *1812 год*, С.Н. Глинка, уже опубликовавший к тому времени свою «Русскую историю» в 14 частях, как историк-мемуарист и как историк русской литературы нарисует эпическую, под стать духу и масштабу этого феномена, картину состояния / жизни русской литературы той эпохи в лице ее выдающихся представителей. Это созданное С.Н. Глинкой *словесное полотно* под названием «Русская литература в 1812 году», его фон, количество и расположение на нем фигур русских писателей, выражение их лиц, их одеяния и пр., думается, помогут современному историку русской литературы в исследовании как общего / обзорного представления о специфике / состоянии отечественного художественного слова этого времени, так и персоналий конкретных его акторов.

В качестве первого шага в изучении этого *словесного полотна* рассмотрим портрет Алексея Семеновича Шишкова, помещенный С.Н. Глинкой в двенадцатой части его «Русской истории», посвященной описанию / изображению событий «от нашествия французского до изгнания врагов». Поскольку имя А.С. Шишкова – адмирала, государственного деятеля, литератора-архаиста – широко известно, позволим себе, прежде чем привести текст С.Н. Глинки, процитировать отрывок из заключительного абзаца знаменитого шишковского «Рассуждения о любви к Отечеству», обнародованного накануне Отечественной войны 1812 года и, по мнению специалистов, во многом идейно подготовившего и обеспечившего победу русских в этой войне: «О если бы искусство пера моего могло сравниться с жаром моего усердия! Тогда усладил бы я сердца ваши, горящие к Отечеству любовью, и громом слов моих потряс бы душу того, в котором (есть ли бы таковой случился) сия священная любовь или уснула, или воздремнула» [5, с. 46]. Особо отметим: вскоре после ознакомления с текстом «Рассуждения» Александр I не только назначит А.С. Шишкова Государственным секретарем, но и доверит ему составление текстов Высочайших Манифестов. С.Н. Глинка изображает А.С. Шишкова в тот особый для борца за русское дело момент, когда он 15 июля 1812 года, в Москве, перед Дворянским и Купеческим собранием зачитывает созданный им от имени государя текст Высочайшего Манифеста о формировании народного ополчения. Проникновенно торжественные слова его, написанные в высоком патриотическом порыве, воспаляют сердца сотен людей, подвигая их на подвиг спасения Отечества: «Почтенный вид сего государственного чиновника, глава его, убеленная и летами, и долговременною службою; мысль, что он недавно был свидетелем готовности русских умереть за Отечество; голос, оживленный тем пламенным чувствованием, которое изобразил он в речи своей о любви к Отечеству – все сие преклонило к вниманию умы и души. Среди глубокого безмолвия присутствовавших загремели и отозвались в сердцах сии незабвенные слова: «Неприятель вступил в пределы наши <...> Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина <...>» [6, с. 61].

С.Н. Глинку-историка следует искать в С.Н. Глинке-человеке. Собственно, сам С.Н. Глинка как минимум дважды приводил строки М.М. Хераскова, которые, несомненно, считал очень важными для себя:

«Наука трудная, непостижима в век,
Для человека есть наука – человек!» [7, с. 202].

Младший современник С.Н. Глинки проницательный С.Т. Аксаков отмечал: «Русское направление было для него главным делом в жизни; проповедовать его он считал своим гражданским долгом <...>. Он <...> весь состоял из порывов. Он думал, говорил и писал <...> предложениями <...>. <...> Во всех его сочинениях, без исключения, везде вырывались горячие слова, живые выражения, даже строки, полные внутреннего чувства <...>» [8].

Восторженность как отличительную черту характера С.Н. Глинки, пожалуй, можно определить как проявление особого духовно-нравственного склада его личности, сформированной, с одной стороны, чувством высокой гражданской ответственности просвещенного классицизма, с другой – глубокой человечностью сентиментализма. А человечность, в восприятии С.Н. Глинки, прежде всего есть семейственность. Согласимся с утверждением исследователя: «Для него [С.Н. Глинки. – А.Б., Е.Б.] характерно прежде всего уподобление всех человеческих отношений семейным» [9, с. 155].

Поэтому для С.Н. Глинки важнейшей составляющей гуманизации / человечности исторического процесса, скажем образно, смазкой тяжелых жерновов истории является тепло человеческих душ и доброта человеческих сердец. «Идеал русского человека Г<линка> сформулировал в «Русском вестнике» так: «Бог, Вера, Отечество» (1811. – № 8. – С. 71). По сравнению с девизом С. Уварова: «Православие, самодержавие, народность», в концепции Г<линка> акценты существенно смещены. Идеал Г<линка> более человечен, менее официален» [9, с. 155]. Согласимся с автором статьи и укажем на очень важный, на наш взгляд, аспект: понятие *народ (народность)* в формуле С.Н. Глинки отсутствует, думается, в силу того, что триада *Бог, Вера, Отечество* в совокупности как раз и составляет саму суть понятия *народ* с его сердечными чувствами, духовными устремлениями, с его любовью к родной земле и традициям отцов.

История человечества, по С.Н. Глинке, носит нравственный характер: «Что значит и сама *История* без души, ведущей человечество на поприще его деятельности» [3, с. VII]. Главным мерилom человеческой деятельности в истории, уверен С.Н. Глинка, является мерило нравственное. «Но есть и проверка деяниями людей и событиям историческим – она *в жизни сердца человеческого* и побуждениях его духовных» [3, с. IX].

Весьма интересны страницы «Записок» С.Н. Глинки, в которых он описывает свои отношения с графом М.А. Милорадовичем. (В нашем восприятии имя генерала М.А. Милорадовича связано с его подвигами в период наполеоновских войн и событиями на Сенатской площади 14 декабря

1825 года. Он оценивается нами как положительное лицо русской истории. В своих «Записках» С.Н. Глинка показывает нам его с совершенно иной стороны, хотя сам подчеркивает героизм графа М.А. Милорадовича в сражениях с наполеоновской Францией. Речь, как видим, уже можно вести о проблеме объективности историка в оценке исторических событий. Хотя известно, что всегда и всюду различные и весьма авторитетные ученые дают зачастую полярно противоположные оценки одному и тому же историческому лицу. Поэтому мы ни в коей мере не склонны упрекать С.Н. Глинку в излишней субъективности. В связи с этим хотелось бы привести весьма показательное мнение великого русского философа XX века А.Ф. Лосева, который утверждал: нет и не может быть объективного исследователя, исследователь всегда субъективен, однако он должен стремиться в своей субъективности к адекватному осмыслению сути изучаемого предмета). Случай с М.А. Милорадовичем, описанный С.Н. Глинкой, нас интересует в плане получения ответа на вопрос: что для автора «Записок» как историка и издателя является критерием принятия / непринятия материала к обнародованию: «Граф, – пишет С.Н. Глинка, – напевал множество хвалебных вестей о государе во время и после наводнения для помещения этих его рассказов в «Русском вестнике». Но напыщенный его рассказ доказывал, что сердце его отрицало то, что язык его усиливался высказать во всем риторском великолелии. <...> Если б рассказы его дышали искренностью, то, несмотря на тяжкую болезнь, я написал бы и напечатал перепорученную мне статью, но ни мысли, ни сердце, ни перо мое не поддавались. Не думайте, чтобы издатель «Русского вестника» [С.Н. Глинка говорит о себе в третьем лице как об издателе журнала. – А.Б., Е.Б.] нахватом излагал свои мысли и чувства. Он говорил то, что душа его подсказывала ему» [7, с. 337–339].

Итак, критерий прост: искренность, которая есть показатель / доказательство правдивости / истинности. Фактически, по С.Н. Глинке, получается: *искренность* есть *истинность*. Это еще раз подчеркивает нравственный подход автора «Записок» к изложению исторического материала.

Как видим, весьма специфическое понимание С.Н. Глинкой хода истории, ее подспудных движущих сил, возможная субъективность, излишняя восторженность, которая, как пишут его современники, сперва вызывала встречное движение души, но вскоре приедалась, и прочие возможные недостатки его как ученого ни в коей степени не могут отменить значимости этой многогранной творческой личности, с наследием которой мы с огромным интересом и душевным горением ознакомились. Для нас С.Н. Глинка есть факт и фактор русской истории и русской жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. В 6 томах. Том 1: А–Г. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 672 с. – Текст : непосредственный.
2. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений. В 22 томах. Том 18: Письма. 1842–1881 / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1984. – 910 с. – Текст : непосредственный.

3. Глинка, С. Н. Записки о 1812 годе : сочинения Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения / С. Н. Глинка. – СПб. : Типография Императорской Российской академии, 1836. – 362 с. – Текст : непосредственный.

4. Вяземский, П. А. Сергей Николаевич Глинка / П. А. Вяземский. – Текст : электронный // Глинка С. Н. Записки. – М. : Захаров, 2004. – С. 435–446. – URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0280.shtml (дата обращения: 10.03.2025).

5. Шишков, А. С. Огонь любви к Отечеству / А. С. Шишков ; составление, комментарии, послесловие В. В. Семенцова ; предисловие А. Ю. Минакова ; ответственный редактор О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – 672 с. – Текст : непосредственный.

6. Глинка, С. Н. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою. В 14 частях. Часть 12: От нашествия французов на Россию до изгнания врагов, то есть от первой половины июня месяца 1812 до исхода декабря того же года / С. Н. Глинка. – Издание третье и вновь дополненное. – М. : Университетская типография, 1824. – 221 с. – Текст : непосредственный.

7. Глинка, С. Н. Записки Сергея Николаевича Глинки / С. Н. Глинка. – СПб. : Русская старина, 1895. – 380 с. – Текст : непосредственный.

8. Аксаков, С. Т. Собрание сочинений. В 5 томах. Том 3: Литературные и театральные воспоминания / С. Т. Аксаков. – М. : Правда, 1966. – 408 с. – URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0150.shtml#12 (дата обращения: 10.03.2025). – Текст : электронный.

9. Русские писатели, XIX век : библиографический словарь. В 2 частях. Ч. 1: А–Л. – М. : Просвещение, 1966. – 448 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Russkie pisateli, 1800–1917* [Russian writers, 1800–1917], vol. 1: A–G. M., Soviet Encyclopedia, 1989. 672 p. (In Russian).

2. Tolstoy L. N. *Sobranie sochinenij* [Collected works], vol. 18: Letters. 1842–1881. M., Hudozhestvennaya literatura, 1984. 910 p. (In Russian).

3. Glinka S. N. *Zapiski o 1812 gode: sochineniya Sergeya Glinki, pervogo ratnika Moskovskogo opolcheniya* [Notes on the Year 1812: Works by Sergei Glinka, the First Warrior of the Moscow Militia]. SPb., Printing House of the Imperial Russian Academy, 1836. 362 p. (In Russian).

4. Vyazemsky P. A. Sergey Nikolaevich Glinka. *Glinka S. N. Zapiski = Glinka S.N. Notes*. M., Zakharov, 2004, pp. 435–446. URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0280.shtml. (In Russian).

5. Shishkov A. S. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [The fire of love for the Fatherland]. M., Institute of Russian Civilization, 2011. 672 p. (In Russian).

6. Glinka S. N. *Russkaya istoriya* [Russian history], part 12: From the French invasion of Russia to the expulsion of the enemies, that is, from the first half of June 1812 to the end of December of the same year. M., University Printing House, 1824. 221 p. (In Russian).

7. Glinka S. N. *Zapiski Sergeya Nikolaevicha Glinki* [Notes by Sergei Nikolaevich Glinka]. SPb., Russian Antiquity, 1895. 380 p. (In Russian).

8. Aksakov S. T. *Sobranie sochinenij* [Collected works], vol. 3: Literary and Theatrical Memoirs. M., Pravda, 1966. 408 p. URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_s_t/text_0150.shtml#12. (In Russian).

9. *Russkie pisateli, XIX vek* [Russian writers, XIX century], part 1: A–L. M., Prosveshchenie, 1966. 448 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Безруков, А. А. Феномен С.Н. Глинки как факт и как фактор русской исторической и общественно-литературной мысли / А. А. Безруков, Е. С. Безрукова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 75–83.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bezrukov A. A., Bezrukova Ye. S. The Phenomenon of S.N. Glinka as a Fact and as a Factor of Russian Historical and Social-Literary Thought / A. A. Bezrukov, Ye. S. Bezrukova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 75–83. (In Russian).

УДК 94(47).084.3

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ
В ЛИТЕРАТУРНОМ ИСКУССТВЕ 1920-х – 1940-х ГГ.**

К.В. Каспарян, И.Н. Колесников, Н.Ю. Рогожина

**THE CIVIL WAR IN RUSSIA
IN LITERARY ART OF THE 1920s – 1940s**

K.V. Kasparyan, I.N. Kolesnikov, N.Yu. Rogozhina

Аннотация. Отображение Гражданской войны в России в художественной литературе, в которой писатели демонстрируют большую симпатию к одной из сторон, имеет большое значение для понимания столь сложного и трагического исторического явления. Руководствуясь своими политическими предпочтениями или субъективными представлениями об общественных ценностях, деятели искусства, стараются максимально убедительно отразить свою точку зрения. С учетом этого факта, изображение событий Гражданской войны в литературных произведениях представляется очень актуальным. В данной работе рассмотрено восприятие внутривнутриполитического противостояния (1917–1922 гг.), как в Советском государстве, так и в эмигрантской среде, и исследованы характерные черты двух противоположных точек зрения. В статье также проанализированы причины, обусловившие отличия в восприятии событий Гражданской войны в произведениях советских авторов и писателей-эмигрантов, обоснованно включенных в «золотой фонд» русской литературы.

Abstract. The depiction of the Russian Civil War in fiction, in which writers demonstrate great sympathy for one of the sides, is of great importance for understanding such a complex and tragic historical phenomenon. Guided by their political preferences or subjective ideas about social values, artists try to reflect their point of view as convincingly as possible. Given this fact, the depiction of the events of the Civil War in literary works seems very relevant. This paper examines the perception of the internal political confrontation (1917–1922), both in the Soviet state and in the émigré environment, and examines the characteristic features of two opposing points of view. The article also analyzes the reasons that determined the differences in the perception of the events of the Civil War in the works of Soviet authors and émigré writers, justifiably included in the "golden fund" of Russian literature.

Ключевые слова: Белое движение, партия большевиков, пропагандистская литература, альтернативные точки зрения, автобиографический жанр, Первая конная армия, эмигрантская проза, красные партизаны, политический раскол в писательской среде.

Keywords: White movement, Bolshevik party, propaganda literature, alternative points of view, autobiographical genre, First Cavalry Army, émigré prose, red partisans, political split in the literary community.

На протяжении столетия о Гражданской войне в России создано большое число литературных произведений. Уже в период данного внутривнутриполитического конфликта стали появляться первые произведения, отражающие

ту или иную точку зрения. Прежде всего, они были изложены в стихах, которые активно использовались в информационной войне, которую вели между собой две основные противоборствующие стороны – партия большевиков и Белое движение. Стилистика пропагандистских стихотворений, использовавшаяся красными и белыми, была идентичной. К примеру, красные пели, что смело пойдут в бой за власть Советов, а белые – за Святую Русь. Сходство прослеживается в агитационных материалах сатирического характера: большевики пели про «пароход – вода кольцами», обещая «кормить рыб добровольцами» (военнослужащими Добровольческой армии), а их оппоненты – про «пароход – вода чистая, рыбкам в качестве корма обещаны коммунисты» [1, с. 56].

В период Гражданской войны сообщество российских литераторов, подобно всем социальным слоям страны, оказалось разделено по политическим принципам. Белое движение в тот период поддерживали такие выдающиеся писатели и поэты, как И.А. Бунин, М.А. Булгаков, А.И. Куприн, М.И. Цветаева, А.Н. Толстой, З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонт, В.В. Набоков, В.Г. Короленко и др. При этом М.А. Булгаков и А.И. Куприн служили в Белой армии [2, с. 233].

В то же время на стороне большевиков оказались А.А. Блок, А.М. Горький, В.В. Маяковский, С.А. Есенин, О.Э. Мандельштам, Д. Бедный (Е.А. Придворов). М.А. Волошин пытался примирить две группы и оказывал различную помощь и сторонникам красных, и сторонникам белых. Н.С. Гумилев и А.А. Ахматова, проживавшие в Советской России, не поддерживали советское правительство, но и не выступали против него. Их произведения, посвященные конфликту, были преисполнены душевных переживаний (как у М.А. Волошина, в своем стихотворении – «Гражданская война, молился за обе стороны») или выражали явную симпатию одной из сторон. Так, к примеру, отбросив в сторону гуманизм, К.Д. Бальмонт восславлял букву «К», на которую начинались фамилии поэта Л.И. Каннегисера – убийцы М. Урицкого (главы Петроградской Чрезвычайной комиссии [ЧК]) и Ф.Е. Каплан, стрелявшей в лидера большевиков В.И. Ленина. В свою очередь, В.В. Маяковский в одном из стихотворений создал образ «Толсторожего Врангеля», предающегося чревоугодию, что не соответствовало реальному образу правителя белого Юга России [3, с. 29].

Гражданская война неизбежно оказала негативное воздействие на судьбу русских писателей и поэтов. Поражение Белого движения привело к массовому исходу его участников и сочувствующих из России, в том числе и литераторов. Кроме того, Н.С. Гумилев был расстрелян по обвинению в участии в антисоветском заговоре; А.А. Блок скончался от тяжелой болезни, вызванной истощением [4, р. 302].

После окончания военного противостояния представители обоих литературных сообществ создали значительное количество произведений, посвященных трагическим событиям конца 1910-х – начала 1920-х гг. Помимо уже известных

деятели искусства, участие в данном процессе приняли и новые писатели, многие из которых были непосредственными участниками сражений Гражданской войны, и сумевшие воплотить в творчестве свой личный опыт и переживания. Ярким представителем новой волны являлся Д.А. Фурманов – крупный политический работник Красной армии – комиссар 25-й дивизии (которой командовал В.И. Чапаев), затем – начальник политического управления Туркестанского фронта, активный участник боевых действий. Его роман «Чапаев», повествующий об одном из самых известных командиров Красной армии периода Гражданской войны В.И. Чапаеве, позднее послужил вдохновением для создания знаменитого фильма «Чапаев». Роман Д.А. Фурманова «Мятеж» стал изложением точки зрения красных на антисоветское восстание в г. Верный (современный Алматы). Критики отмечали не только идеологическую составляющую, но и писательский талант автора [5, с. 167].

Противоположной с политической точки зрения, но идентичной по стилю является произведение А.В. Туркула. Генерал А.В. Туркул, последний командир Дроздовской дивизии, прославившийся воинской доблестью и жестокостью к врагам, создал в эмиграции свой труд «Дроздовцы в огне» (1937 г.). Эта книга, повествующая о боевом пути одного из самых боеспособных войсковых соединений Белого движения, названного в честь своего первого руководителя М.Г. Дроздовского. В романе описаны боевые действия дивизии с начала весны 1918 г. по конец осени 1920 г. Благодаря редактуре литератора и журналиста И.С. Лукаша произведение имеет высокую художественную ценность, а точные формулировки генерала Туркула позволяют современным критикам оценивать его произведение как военную хронику, подобную «Запискам о Гражданской войне» Гая Юлия Цезаря [6, р. 28].

А.И. Куприн, служивший в армии Н.Н. Юденича, в автобиографической повести «Купол Святого Исаакя Далматского», написанной в эмиграции, акцентирует внимание на ином аспекте – осознании этнической и духовной общности противоборствующих лагерей и потребности в гуманном отношении к бойцам противника, попавшим в плен. В 1923 г. эсер Б.В. Савинков, активный участник Белого движения и один из организаторов антибольшевистского движения российских эмигрантов, написал повесть «Конь Вороной». В данном произведении автор выдвигает спорный тезис: убивают соотечественников обе стороны, но белые, в отличие от красных, совершают покаяние, что ведет к искуплению греха [7, с. 400].

М.А. Шолохов, современник и очевидец Гражданской войны (к моменту ее окончания ему исполнилось всего семнадцать лет) является автором большого количества литературных произведений о противостоянии в России. Главным лейтмотивом его творчества является трагедия донского казачества, которое, как и иные социальные группы, не сумело избежать раскола в столь трагический для страны период [8, с. 67].

В 1920-х гг. молодой писатель создал сборник произведений – «Донские рассказы». В него вошло 18 единиц малой прозы; следует проанализировать

наиболее характерные из них. «Шибалково семя» – красный пулеметчик Яков Шибалко расстреливает разведчицу бандитов Дарью, виновную в гибели его товарищей, но не позволяет тронуть ее новорожденного младенца, ухаживает за ним, а позднее определяет в сиротский приют. В данном случае автор акцентирует внимание на противоречивости характера главного героя, сформировавшегося под воздействием братоубийственной войны – сочетании жестокости с милосердием. «Родинка» – красный командир Николай Кошевой погибает в бою с атаманом, который оказывается его отцом, и который, узнав в убитом юноше своего сына, лишает себя жизни. «Бахчевник» – Анисим Петрович, глава станичного суда, убивает жену за заботу о пленных красноармейцах. Младший сын Митя лишает жизни отца, заступаясь за старшего брата Федора, сторонника красных. «Нахаленок» – Мальчик Минька, семилетний житель станицы в верховьях Дона, становится свидетелем гибели своего отца Фомы, сторонника большевиков. Тяжелая утрата оказывает воздействие на характер Миньки. Таким, образом, мальчик становится символом сотен тысяч детей со всех сторон конфликта, осиротевших в годы Гражданской войны. Данный сборник, написанный в возрасте 18–25 лет, подтверждает уровень литературного таланта М.А. Шолохова и является наглядным опровержением версии, согласно которой «Тихий Дон» был написан не им, а известным писателем и политиком Ф.Д. Крюковым, умершим в 1920 г. [9, с. 388].

«Тихий Дон» (1925–1932 гг.) является одним из наиболее выдающихся произведений о Гражданской войне, созданных в русской литературе. В центре повествования – противоречивая фигура казака Григория Мелехова, опытного бойца, удостоенного боевых наград в период Первой мировой войны, но имеющего слабое представление о политической сфере общественной жизни. На протяжении Гражданской войны Григорий несколько раз меняет сторону, успев повоевать и за красных, и за белых, и в повстанческом движении, враждебном обеим сторонам. В романе подробно раскрыты негативные последствия противостояния, превращающего родственников и друзей во врагов. Следует отметить, что М.А. Шолохов, сторонник «красных», старается в своем произведении сохранить объективность и показать, как жестокость обеих сторон, так и доблесть рядовых и младших командиров [9, с. 389].

При этом, по существу, главным антагонистом романа является убежденный большевик Михаил Кошевой, который не останавливается перед расстрелом односельчанина Петра Мелехова, брата Григория, сдавшегося в плен, а позднее преследует и самого главного героя, несмотря на брак с его сестрой. Кроме того, в Тихом Доне показаны лидеры обеих сторон – А.М. Каледин, П.Н. Краснов, А.И. Деникин, В.М. Чернецов со стороны Белого движения; Ф.Г. Подтелков и М.В. Кривошлыков – руководители советских органов власти на Дону. М.А. Шолохов излагает свое видение противоречий между донским казачеством и кадровым офицерством, послужившим одной из причин поражения белых на Юге России. В 1965 г. роман был удостоен Нобелевской премии по литературе [10, с. 187].

Лауреатом Нобелевской премии по литературе являлся и представитель противоположного лагеря – И.А. Бунин. В «Окаянных днях», основанных на дневниковых записях, он эмоционально и в яркой художественной форме высказал свое резко негативное отношение к красным и их политическому руководству. Не меньшую значимость имеет творчество М.А. Булгакова. В период Гражданской войны он служил военным врачом в составе частей Добровольческой армии. Тяжелая болезнь не позволила ему покинуть Россию; в результате он приступил к работе в советских учреждениях и занялся литературной деятельностью. В романе «Белая гвардия» (1925 г.) описана судьба семьи Турбиных, проживающих в Киеве 1918 г. – центре фактического германского протектората на территории Украины во главе с гетманом П.П. Скоропадским. Роман на примере судьбы семьи Турбиных освещает тяжелое положение русского офицерства в оккупированном немецкими войсками Киеве, позднее занятом частями армии лидера украинских шовинистов С.В. Петлюры.

Пьеса «Дни Турбиных», написанная автором на основе «Белой гвардии», была разрешена к показу в театрах с личного разрешения И.В. Сталина, считавшего, что она является антисоветской по сути, но финал произведения наглядно демонстрирует неизбежность победы большевиков. В 1927 г. М.А. Булгаковым была написана пьеса «Бег», посвященная последнему этапу вооруженной борьбы на Юге России, включая эвакуацию белых из Крыма. Прототипами для большинства героев послужили реальные исторические лица: Главнокомандующий белых – генерал П.Н. Врангель, Верховный правитель Юга; Роман Хлудов – генерал Я.А. Слащев-Крымский, одаренный военачальник, позднее перешедший на сторону советской власти; Сергей Павлович Голубков – выдающийся русский философ С.Н. Булгаков. Главный смысл произведения – это тяжелая судьба проигравшей стороны, чьи представители навсегда вынуждены покинуть родную страну [11, с. 195].

А.П. Гайдар (Голиков) является одним из классиков детской и юношеской отечественной литературы, автором, популяризовавшим события Гражданской войны среди детей и подростков. Он с тринадцати лет участвовал в революционных событиях, в пятнадцать лет командовал ротой красноармейцев в боях с петлюровцами, позднее – с польскими частями. В неполные семнадцать лет был назначен командиром полка, участвовал в борьбе с крестьянским движением в Тамбовской губернии (Антоновщина). В боевых условиях А.П. Гайдар был способен на крайнюю жестокость по отношению к противникам советской власти, что вызвало санкции со стороны командования. Характерно, что, в наиболее серьезных произведениях – «В дни поражений и побед» (1925 г.) и «Школа» (1930 г.) А.П. Гайдар показывает белогвардейцев врагами новой жизни, но в личном плане адекватными людьми и профессиональными военными; кроме того, капитан Жихарев («Школа») способен на сострадание. Одновременно в «Школе» выведен образ Чубука – одного из наиболее ярких типажей красноармейца времен Гражданской войны в искусстве [12, с. 24].

Н.А. Островский, ровесник А.П. Гайдара, воевал против петлюровских и польских войск в составе Красной армии. В результате тяжелых ранений он был парализован и потерял зрение, однако не утратил стремления к жизни и занялся писательской деятельностью. Его первое произведение «Рожденные бурей» (1928 г.) описывает борьбу украинских комсомольцев с польскими частями, оккупировавшими их родной город. В романе «Как закалялась сталь» (1936 г.) главный герой Павка Корчагин фактически является прообразом автора. Отношение к противнику у Н.А. Островского аналогично с А.П. Гайдаром – может подчеркиваться жестокость и классовая чуждость, но не отсутствие интеллекта. Наиболее характерным, в данном ключе, является образ петлюровского офицера Палянычи (Полянцева) – ловкого и хитроумного человека. Так же в романе наглядно продемонстрирован радикальный антисемитизм украинских националистов – на примере еврейского погрома в г. Шепетовка. Характерной чертой произведения является и демонстрация поведения обывателей, старающихся выжить в условиях многостороннего противостояния на Украине и хранящих дома флаги всех противоборствующих сторон [13, с. 12].

Б.А. Лавренев (Сергеев) в период Гражданской войны служил и в Белой, и в Красной армиях. Его произведения отражают точку зрения красных, однако автор старается соблюдать объективность. В повести «Ветер» матрос Гулявин, внедренный в штаб белых под видом офицера, поражается чистоте помещений и четкости работы всех структур. В произведении представлен Михаил Строев – прапорщик, являющийся убежденным большевиком, дающий профессиональные советы неопытному командиру полка Гулявину. Также в «Ветре» выведен образ вахмистра, проявляющего стойкость перед лицом смерти. В то же время сугубо отрицательным изображен офицер, именуемый по титулу князем, отдавший сестру милосердия из санитарного поезда красных на поругание казакам. В рассказе «О простой вещи» автор негативно оценивает ошибки чекиста Орлова, приведшие к провалу его разведывательной миссии. В данном произведении белые представлены, в первую очередь, в лице искусного контрразведчика поручика Соболевского и компетентного следователя капитана Тумановича, проявляющих уважение к мужеству и силе противника. В повести «Сорок первый» показана трагическая любовь поручика Говорухи-Отрока и Марютки (красноармейского снайпера), вынужденной убить возлюбленного во избежание передачи им важных сведений белогвардейскому командованию [14, с. 21].

А.А. Фадеев воевал в составе красных партизан в Дальневосточном крае. Его лучшее произведение «Разгром» считается значимым явлением в русской литературе XX в. Действие романа, основанное на реальных событиях, происходит на территории Уссурийского края. Партизанская группа Левинсона с большими потерями прорывается сквозь кольцо казачьих частей. В романе представлены как яркие, героические партизаны Морозка и Метелица, так и образ малодушного тщеславного Мечика. Белые офицеры в «Разгроме» показаны эпизодически и весьма негативно. Тем не менее, критики отмечают высокий уровень формирования отрицательного образа врага [15, с. 106].

В 1923–1937 гг. был опубликован сборник рассказов «Конармия» И.Э. Бабеля, участника боев против польских войск в составе Первой конной армии С.М. Буденного, в которых описаны данные события. Основным смыслом произведений – героизм бойцов Первой конной армии готовых пожертвовать собой ради светлого будущего. Тем не менее критический взгляд автора на отдельные аспекты деятельности данного кавалерийского соединения вызвал острую дискуссию между возмущенным С.М. Буденным и А.М. Горьким, вставшим на защиту И.Э. Бабеля [16, с. 92].

Г.И. Мирошниченко, подобно А.П. Гайдару и Н.А. Островскому, принял участие в Гражданской войне в подростковом возрасте. Свой личный опыт подпольной борьбы на станции Невинка (Невинномысск) он изложил в повести «Юнармия». В произведении упоминаются реальные исторические лица: красный командарм Сорокин и белый генерал А.Г. Шкуро. При этом повесть высоко оценили М.А. Горький и Р. Роллан, отметив, что она написана в увлекательном стиле, привлекающем внимание читателей [17, р. 329].

А.С. Серафимович, донской казак, являлся убежденным большевиком. Его роман «Железный поток» посвящен тяжелому переходу Таманской армии красных, сопровождаемой членами семей, вдоль побережья Черного моря к г. Туапсе в конце лета – начале осени 1918 г. В произведении действуют реальные исторические лица: командующий Таманской армией Е.И. Ковтюх (под фамилией Кожух), белый генерал В.Л. Покровский и др. В романе показаны боевые столкновения таманцев с войсками Грузии, занявшими Туапсе.

В 1937 г. А.П. Первенцев, воевавший на стороне большевиков на Юге России, опубликовал роман «Кочубей», повествующий об одном из самых известных красных командиров И.А. Кочубее. В произведении с высокой долей достоверности описаны боевые действия на Северном Кавказе в 1918–1919 гг. [18, с. 240].

Б.А. Крамаренко подростком участвовал в боях с махновскими отрядами и польскими соединениями. В 1939–1940 гг. он опубликовал дилогию «Пути-дороги» и «Плавни» о расколе в среде кубанских казаков после начала Гражданской войны, а также о противодействии частей Красной армии десантной операции генерала С.Г. Улагая в бассейне р. Кубань в конце лета 1920 г. Оба романа отличаются реалистичностью описания быта кубанского казачества и специфики самого региона. Автор, подчеркивая свою принадлежность к красному лагерю, признает за противоположной стороной право на свои убеждения [19, с. 277].

Характерно, что многие моменты, связанные с описанием Кубанской операции белых, описанные Б.А. Крамаренко, во многом совпадают с тем, что указывает П.Н. Врангель в своих воспоминаниях по данной теме (разница, по понятным причинам, заключается в трактовке событий) [20, с. 144].

В 1923 г. А.Н. Толстой вернулся в СССР, считая необходимым принять участие в создании новой формы российской государственности. Одним из самых значимых произведений, написанных после возвращения из эмиграции, является трилогия «Хождение по мукам», завершённая 22 июня 1941 г. По существу, это наиболее масштабное произведение о Гражданской войне, в котором представлены военные и политические лидеры большевиков и Белого движения, введены в сюжет представители различных слоёв российского общества, описаны противоречия, которые существовали внутри противоборствующих лагерей. А.Н. Толстой стремится убедить читателя в исторической предопределённости победы красных, однако их противники показаны, за редким исключением, объективно и без личных негативных черт [21, с. 89].

Изучение освещения Гражданской войны в литературе в 1920-х – 1940-х гг. приводит к следующим умозаключениям. Российские литераторы, включая наиболее выдающихся представителей, оказались, как и прочие общественные группы России, разделены по политическим мотивам: часть из них приняла активное участие в боевых действиях или в борьбе на идеологическом фронте. Судьба писателей соответствовала тяжёлому положению всего российского социума – А.А. Блок и Н.С. Гумилев, по разным причинам, лишились жизни; сторонники Белого движения покинули родную страну, что во многом нанесло урон русской культуре. В то же время участие в Гражданской войне способствовало началу писательской деятельности М.А. Шолохова, М.А. Булгакова, А.П. Гайдара, А.А. Фадеева, И.Э. Бабея. Представители же военного руководства обеих сторон – П.Н. Краснов, А.В. Туркул, Б.В. Савинков, Д.А. Фурманов в стремлении донести до читателей свою политическую позицию или отразить события, участниками которых они являлись, так же создали свои литературные произведения, положительно оцениваемые критиками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабичева, Ю. В. Гражданская война в России начала XX века в зеркалах отечественной литературы / Ю. В. Бабичева. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 2. – Том 2. – С. 54–58.
2. Голиков, Д. Л. Правда о врагах народа / Д. Л. Голиков. – М. : Алгоритм, 2007. – 448 с. – Текст : непосредственный.
3. Ливанов, В. Б. Невыдуманный Борис Пастернак / В. Б. Ливанов. – М. : Родина, 2022. – 288 с. – Текст : непосредственный.
4. Mass Culture in Soviet Russia: Tales, Poems, Songs, Movies, Plays, and Folklore, 1917–1953 / Ed. by J. Von Geldern, R. Stites. – Bloomington : Indiana University Press, 1995. – 544 p.
5. Сорокина, В. В. Тема войны в литературе первой волны русской эмиграции / В. В. Сорокина. – Текст : непосредственный // Русское зарубежье. – 2015. – № 2. – С. 165–172.

6. Barcz A. *Environmental Cultures in Soviet East Europe: Literature, History and Memory* / A. Barcz. – Bloomsbury : Bloomsbury Academic, 2020. – 208 p.

7. Сатарова, Л. Г. Православный Тихий Дон в творчестве М.А. Шолохова и его предшественников / Л. Г. Сатарова. – М. : Инфра-М, 2019. – 270 с. – Текст : непосредственный.

8. Семанов, С. Н. Тихий Дон – слава добрая, речь хорошая / С. Н. Семанов. – М. : Метагалактика, 2008. – 416 с. – Текст : непосредственный.

9. Костин, Е. С. Шолохов: эстетика и мировоззрение / Е. С. Костин. – СПб. : Алетейя, 2020. – 514 с. – Текст : непосредственный.

10. Прилепин, З. Н. Михаил Шолохов. Незаконный / З. Н. Прилепин. – М. : Молодая гвардия, 2023. – 1031 с. – Текст : непосредственный.

11. Семенова, О. Ю. Юлиан Семенов / О. Ю. Семенова. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 512 с. – Текст : непосредственный.

12. Цветков, В. Ж. Белое дело в России: 1920–1922 гг. / В. Ж. Цветков. – М. : Яуза, 2019. – 1056 с. – Текст : непосредственный.

13. Лейдерман, Н. Л. В минуту Смуты... Роман М. Шолохова «Тихий Дон» / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2013. – № 1 (31). – С. 7–17.

14. Линец, С. И. История политических партий и движений в России / С. И. Линец, В. П. Ермаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 193 с. – Текст : непосредственный.

15. Ермаков, В. П. Белое движение на Юге России и Антанта: военно-политические и экономические отношения (1918 – начало 1920 гг.). / В. П. Ермаков, П. И. Гришанин. – Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2005. – 172 с. – Текст : непосредственный.

16. Храмова, Е. Л. Культура России 1941–1945 гг.: отечественная историография рубежа XX–XXI веков / Е. Л. Храмова. – Самара: Научно-технический центр, 2006. – 470 с. – Текст : непосредственный.

17. Kenez P. *Red Advance, White Defeat: Civil War in South Russia* / P. Kenez. – Washington : New Academia, 2008. – 492 p.

18. Тамарченко, Е. Л. Идея правды в «Тихом Доне» / Е. Л. Тамарченко. – Текст : непосредственный // Новый мир. – 1990. – № 6. – С. 240.

19. Едигарова, Г. Н. К вопросу о причинах поражения Белого движения: оценки идеологов и политических лидеров / Г. Н. Едигарова. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 1. – С. 276–280.

20. Цветков, В. Ж. Последняя битва Белого Юга. 1920 / В. Ж. Цветков. – М. : Яуза, 2022. – 576 с. – Текст : непосредственный.

21. Врангель, П. Н. Воспоминания. Боевой путь русского генерала / П. Н. Врангель. – М. : Центрполиграф, 2022. – 769 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Babicheva Yu. V. The Civil War in Russia at the Beginning of the 20th Century in the Mirrors of Russian Literature. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*, 2012, no. 2, vol. 2, pp. 54–58. (In Russian).

2. Golinkov D. L. *Pravda o vragah naroda* [The Truth About the Enemies of the People]. M., Algoritm, 2007. 448 p. (In Russian).
3. Livanov V. B. *Nevyдуманый Boris Pasternak* [The Uninvented Boris Pasternak]. M., Rodina, 2022. 288 p. (In Russian).
4. *Mass Culture in Soviet Russia: Tales, Poems, Songs, Movies, Plays, and Folklore, 1917–1953*, ed. by J. Von Geldern, R. Stites. Bloomington, Indiana University Press, 1995. 544 p.
5. Sorokina V. V. The theme of war in the literature of the first wave of Russian emigration. *Russkoe zarubezh'e = Russian Abroad*, 2015, no. 2, pp. 165–172. (In Russian).
6. Barcz A. *Environmental Cultures in Soviet East Europe: Literature, History and Memory*. Bloomsbury, Bloomsbury Academic, 2020. 208 p.
7. Satarova L. G. *Pravoslavnyj Tihij Don v tvorchestve M.A. Sholohova i ego predshestvennikov* [The Orthodox Quiet Don in the works of M.A. Sholokhov and his predecessors]. M., Infra-M, 2019. 270 p. (In Russian).
8. Semanov S. N. *Tihij Don – slava dobraya, rech' horoshaya* [Quiet Don – glory is kind, speech is good]. M., Metagalaktika, 2008. 416 p. (In Russian).
9. Kostin E. S. *Sholohov: estetika i mirovozzrenie* [Sholokhov: aesthetics and worldview]. SPb., Aletejya, 2020. 514 p. (In Russian).
10. Prilepin Z. N. *Mihail Sholohov. Nezakonnyj* [Mikhail Sholokhov. Illegal]. M., Molodaya gvardiya, 2023. 1031 p. (In Russian).
11. Semenova O. Yu. *Yulian Semenov* [Julian Semenov]. M., Molodaya gvardiya, 2011. 512 p. (In Russian).
12. Cvetkov V. Zh. *Beloe delo v Rossii: 1920–1922 gg.* [The White Case in Russia: 1920–1922]. M., Yauza, 2019. 1056 p. (In Russian).
13. Lejderman N. L., Lipoveckij M. N. In the time of Troubles... M. Sholokhov's novel "The Quiet Don". *Filologicheskij klass = Philological class*, 2013, no. 1 (31), pp. 7–17. (In Russian).
14. Linec S. I., Ermakov V. P. *Istoriya politicheskij partij i dvizhenij v Rossii* [The history of political parties and movements in Russia]. M., Yurajt, 2019. 193 p. (In Russian).
15. Ermakov V. P., Grishanin P. I. *Beloe dvizhenie na Yuge Rossii i Antanta: voenno-politicheskie i ekonomicheskie otnosheniya (1918 – nachalo 1920 gg.)* [The White Movement in Southern Russia and the Entente: Military, Political and Economic Relations (1918 – early 1920)]. Pyatigorsk, Pyatigorskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2005. 172 p. (In Russian).
16. Hramkova E. L. *Kul'tura Rossii 1941–1945 gg.: otechestvennaya istoriografiya rubezha XX–XXI vekov* [Culture of Russia 1941–1945: Russian historiography of the turn of the XX–XXI centuries]. Samara, Scientific and Technical Center, 2006. 470 p. (In Russian).
17. Kenez P. *Red Advance, White Defeat: Civil War in South Russia*. Washington, New Academia, 2008. 492 p.
18. Tamarchenko E. L. The idea of truth in the "Quiet Don". *Novyj mir = New World*, 1990, no. 6, p. 240. (In Russian).
19. Edigarova G. N. On the question of the reasons for the defeat of the White Movement: assessments of ideologists and political leaders. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2013, no. 1, pp. 276–280. (In Russian).

20. Cvetkov V. Zh. *Poslednyaya bitva Belogo Yuga. 1920* [The Last Battle of the White South. 1920]. М., Yauza, 2022. 576 p. (In Russian).

21. Vrangel' P. N. *Vospominaniya. Boevoj put' russkogo generala* [Memories. The military path of the Russian general]. М., Centrpoligraf, 2022. 769 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Каспарян, К. В. Гражданская война в России в литературном искусстве 1920-х – 1940-х гг. / К. В. Каспарян, И. Н. Колесников, Н. Ю. Рогожина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 84–94.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kasparyan K. V., Kolesnikov I. N., Rogozhina N. Yu. The Civil War in Russia in Literary Art of the 1920s – 1940s / K. V. Kasparyan, I. N. Kolesnikov, N. Yu. Rogozhina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 84–94. (In Russian).

УДК 94 (470.6) "17"

**НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII ВЕКА**

А.Н. Клоков

**THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS
AND THE KINGDOM OF MOSCOW
IN THE FIRST DECADES OF THE 18th CENTURY**

A.N. Klokov

Аннотация. Статья посвящена проблемным сторонам становления взаимоотношений России с народами Северного Кавказа. Московское государство в силу объективных причин собственного развития не имело достаточного военно-политического потенциала для реализации активной политики в регионе, который приобретал растущее значение в раскладе геополитических сил на южных рубежах страны. Кроме того, на взаимодействие Москвы, а в дальнейшем Петербурга с народами региона оказывали сильное влияние внешнеполитические соперники России – Крымское ханство и Османская Порта, чье активное воздействие на Северный Кавказ вынуждало российские власти использовать различные формы дипломатического и военного присутствия на фронтире, но избегать регулярных и открытых столкновений с ними. Отсутствие однозначно выраженного российского доминирования, в свою очередь, порождало неуверенность в северокавказских элитах и не позволяло им надежно обеспечить безопасность своим территориям и подданным, уберечь от враждебных вторжений со стороны крымских ханов. Это находило отражение в зыбкости их позиций в выполнении условий заключенных с Россией договоров.

Abstract. The article is devoted to the problematic aspects of the formation of relations between Russia and the peoples of the North Caucasus. The Moscow state, due to objective reasons for its own development, did not have sufficient military and political potential to implement an active policy in the region, which was acquiring growing importance in the balance of geopolitical forces on the southern borders of the country. In addition, the interaction of Moscow, and later St. Petersburg, with the peoples of the region was strongly influenced by Russia's foreign policy rivals – the Crimean Khanate and the Ottoman Porte, whose active influence on the North Caucasus forced the Russian authorities to use various forms of diplomatic and military presence on the frontier, trying to avoid regular and open clashes with them. The absence of clearly expressed Russian dominance, in turn, gave rise to uncertainty in the North Caucasian elites and did not allow them to reliably ensure the security of their territories and subjects, to protect them from hostile invasions by the Crimean khans. This was reflected in the instability of their positions in fulfilling the terms of the agreements concluded with Russia.

Ключевые слова: Московское царство, Северный Кавказ, дипломатия, геополитика, противостояние, военно-политическое влияние, горские народы.

Keywords: Muscovite kingdom, North Caucasus, diplomacy, geopolitics, confrontation, military and political influence, mountain peoples.

Взаимоотношения народов Северного Кавказа с Московским царством в наступившем XVIII в. в значительной степени предопределялись внешне-политическими обстоятельствами. Россия сумела сохранить свое присутствие в беспокойном регионе даже в самые трагические периоды своей истории. В период Смутного времени там по-прежнему располагалась русская крепость Терки, являвшаяся форпостом влияния северной державы на южном побережье [12, с. 7–10]. Однако преимущественно военное присутствие не обеспечивало надежного закрепления этой территории за Россией, а о масштабном экономическом освоении Кавказа не могло быть и речи. Слишком серьезные угрозы со стороны Крымского ханства, непоследовательные в своих политических предпочтениях местные владетели, османские и персидские интересы в крае – все это становилось непреодолимой преградой на пути российского доминирования в этих местах. Продолжая усиливать свой военный потенциал в крае, русская сторона также использовала мирные способы диалога с местным населением, пытаясь подчеркнуть свою полезность для него и рассчитывая на аналогичную реакцию [15, с. 308].

Гораздо больший интерес у московских властителей связывался с возможностью освоения прикаспийской территории, суливший развитие торговли с Большим Югом, что и оставалось приоритетом в российской политике рассматриваемого периода. Но в этом случае народы Северного Кавказа должны были стать естественными союзниками, с помощью которых предполагалось нейтрализовать угрозы со стороны Крыма – главного военно-политического раздражителя на пространстве от Чёрного до Каспийского морей. Отсюда и настойчивое стремление русского правительства добиться лояльности местных народов, стремление сделать их своими вассалами, при сохранении минимального вмешательства в их жизнь [8, с. 11]. Такая форма подданства вполне устраивала и многих представителей местной элиты, которые не прочь были получить покровительство со стороны могучего соседа, не обременяя себя при этом серьезными обязательствами.

В контексте этих задач и следует рассматривать шаги русской дипломатии как во взаимоотношениях с сопредельными державами, так и в выстраиваемом историческом диалоге с северокавказскими горцами и кочевниками. В этом ключе следует трактовать и Константинопольский договор 1700 г., который фактически стал правовой основой для создания на спорных южных рубежах буферной зоны, которая должна была свести к минимуму опасность возникновения масштабного конфликта между политическими тяжеловесами в лице Москвы и Стамбула [4, с. 83]. При этом такая ситуация не гарантировала прекращения регулярных столкновений между плохо контролируруемыми формальными подданными этих государств, вольготно чувствующими себя на фронтире. Крымские татары, калмыки, казаки, ногайцы, горцы Северного Кавказа не раз участвовали во взаимных нападениях, не считаясь с политическими обязательствами своих сюзеренов и ставя во главу лишь желание захватить добычу и приобрести славу удачливых воинов [1, л. 12–15].

Российская сторона не считала сложившееся положение оптимальным, но в преддверии войны со Швецией считала его «меньшим злом». Для Турции условия договора выглядели еще менее приемлемыми. Османы прекрасно понимали, что такие ограничения болезненно сказываются на интересах Крымского ханства, привычно рассматривавшего Северный Кавказ как свои «охотничьи угодья», позволявшие поставлять на османские рынки «живой товар» – пленников, превращаемых в рабов. Не прочь в Стамбуле были ослабить влияние русских на Кабарду, которая считалась наиболее пророссийски ориентированным регионом на Северном Кавказе. Достаточно вспомнить, что именно из кабардинских родовитых фамилий были инкорпорированы в русскую элиту многие знаковые фигуры, пользовавшиеся авторитетом, как в Московском царстве, так и за его пределами [10, с. 4]. Отсюда и зыбкость позиций в выполнении условий мирных договоренностей, которые прекрасно осознавались сторонами, заключившими договор в турецкой столице.

Исследователи не раз поднимали вопросы, связанные с характеристикой русско-кабардинских взаимоотношений, пытаясь определить статус каждой из сторон этого сближения. Здесь оценки расходятся. Для одних речь идет о равноправном союзе. Другие это отрицают, указывая на несопоставимость статуса Московского государства и разрозненных, непрестанно конфликтующих между собой и с соседями кабардинских княжеств.

Мы склонны разделять точку зрения тех, кто оспаривает равноправие такого военно-политического союза. В пользу этого говорит, в том числе, и тот факт, что инициатива о принятии в подданство исходила именно от кабардинской стороны, что не исключает и российскую заинтересованность в наметившемся сближении. В любом случае здесь присутствовал прагматизм с обеих сторон и желание совместно решать вопросы обеспечения безопасности, в которых были заинтересованы как на Кавказе, так и в Москве. Это предопределяло устойчивость данного процесса, который не избежал конъюнктурных колебаний, но в целом оставался неизменным.

Примечательно, что с ослаблением возможности со стороны русского царя поддержать своих кабардинских протеже, последовали регулярные вторжения со стороны крымских ханов, старавшихся воспользоваться благоприятной возможностью и компенсировать свои потери за те годы, когда этому препятствовали русские штыки. Эти шаги поощрялись турецким султаном и его администрацией, в частности, Кубанским сераскером Бахты-Гиреем [6, с. 435]. Оставаясь формально нейтральной, османская Порта всячески содействовала ослаблению позиций своего геополитического соперника, демонстрируя неспособность русских оказать своевременную и эффективную поддержку тем северокавказским обществам, которые сделали ставку на Россию.

Безусловно, кабардинцы, сопротивляясь крымским набегам, отстаивали, прежде всего, собственные интересы и право на суверенность. Вынужденные платить дань Бахчисараю, в том числе людьми, кабардинские владетели не желали всякий раз в угоду очередному хану отдавать в качестве платы растущее

число собственных юношей и девушек [6, с. 435]. Но объективно, это сопротивление позволяло снизить и военную угрозу, обращенную на южные границы Российской державы, вынужденной сосредоточить все ресурсы на северо-западном направлении.

Да и для самих кабардинцев, как это ни парадоксально, внешняя угроза становилась стимулом позабыть о внутренних распрях, терзавших их общество, и сосредоточиться на борьбе с более опасным противником. Крымский фактор оставался определяющим в сохранявшейся русофильской ориентации значительной части местной знати и «черного народа». В то же время исследователи обращают внимание на то, что при ослаблении военно-политической напряженности, кабардинская аристократия быстро меняла свое отношение к общим интересам и предпочитала интересоваться лишь собственным положением и выгодой [6, с. 437].

Политика османов в отношении горских сообществ Северного Кавказа была достаточно гибкой и не заикливалась только на акциях силового устремления. Османы активно использовали разнообразные дипломатические приемы для усиления своего влияния среди своих северокавказских контрагентов. Отмечается активная деятельность османской агентуры в рассматриваемый исторический период. Призывая к исламской солидарности и обещая щедрую награду, посланцы султана стремились заручиться поддержкой местного населения и рассчитывали, что оно окажет содействие туркам в случае начала военных действий против русских [3, с. 243].

Добиться массовой поддержки османам не удалось. Народы Кавказа, как правило, придерживались прагматической позиции в своих внешнеполитических предпочтениях. Они могли не испытывать симпатий к русским, но это не означало, что горцы готовы были враждовать с Москвой ради османских посулов. В глазах значительной части местного населения Стамбул был покровителем крымского хана, а тот принес немало бед и разорения своими регулярными вторжениями. Достаточно вспомнить, что в результате русско-турецкого противоборства 1686–1700 гг., именно крымские татары вынудили переселиться значительную часть черкесского населения Кабарды на Кубань, чтобы подорвать позиции России на Центральном Кавказе [7, с. 432]. Религиозные лозунги только тогда овладевали умами масс, когда подкреплялись политическими, социальными и экономическими выгодами.

О накале антитатарских настроений среди черкесов говорил тот факт, что в 1699 г. от их рук пал крымский царевич Шахбаз-Гирей. Данное событие связывают с борьбой за власть в семействе Гиреев, но в любом случае знатный крымский предводитель пал от рук бесленеевцев, которые затем бежали и нашли убежище среди кабардинцев. Они явно рассчитывали, что там смогут спастись от гнева ханских мстителей, а Кабарда не выдаст своих сородичей на расправу [18, с. 52–53].

В 1707 г. для осуществления мщения в Кабарду двинулся отряд под командованием калги Менгли-Гирея. Реальной задачей, поставленной

перед этим полководцем его ханом Каплан-Гиреем, был захват добычи, чем татары и занялись, грабя местное население. В течение полугода продолжались их действия, вызвавшие ненависть со стороны кабардинцев, не сумевших убедить калгу закончить дело миром. В итоге люди Менгли-Гирея были перебиты, хотя самому командующему удалось бежать. Он сообщил в Бахчисарай о случившемся, и хан стал просить султана одобрить масштабное вторжение крымских войск на Кавказ. Реакция султана заставляет предположить, что провокационные действия калги были заранее спланированы и османы хотели разорить Кабарду под благовидным предлогом. В качестве поощрения хану подарили саблю и дорогую одежду и позволили привлечь под свои бунчуки до 40 тысяч всадников. Они должны были «черкесов разорить», а их поселения «пожечь» [17, л. 278].

Надо отметить, что такие сулившие обогащение акции с одобрением воспринимались населением ханства. Они ценили своего повелителя, прежде всего, за его воинскую удачу, а если тот редко ходил в походы или возвращался без трофеев, такого хана считали неудобным и готовы были поддерживать его соперников в борьбе за престол. Но в этот раз мурзы высказывались против вторжения в Кабарду. Они считали, что поход сулит неоправданные риски, которые не окупят ценности потенциальных трофеев.

Однако задачи, поставленные перед крымским войском, были несравнимо шире, чем простой грабеж. Судя по успешному удару по крепости Терки, вторжением должно было вытеснить русских с Северного Кавказа, и ради этой военно-политической цели хан готов был рисковать.

Воспользовавшись фактором внезапности, 12 февраля 1708 г. татары на рассвете ударили по пригороду Терков и сумели застать врасплох его защитников. Не помогли и повышенные меры безопасности, которые обычно практиковались русскими воеводами, не без основания опасавшимися враждебных действий со стороны горцев, а потому всегда находившимися настороже. Им строго приказывали в случае серьезной угрозы не покидать укреплений и дожидаться помощи из Астрахани [15, с. 309]. Захватить цитадель ханские отряды не смогли, но сам город был полностью разграблен, а множество людей, преимущественно жены и дети стрельцов, составлявших ядро гарнизона, оказались в плену. Лишь немногим удалось укрыться в кремле, но возникший в результате осады голод привел к высокой смертности в рядах осажденных. Немало защитников крепости погибло и при отражении неприятельских штурмов [5, с. 42].

О последствиях этого разорения говорил тот факт, что в дальнейшем было принято решение перенести Терки на новое место расположения, поскольку укрепление будет слишком уязвимо, если сохранит свою прежнюю дислокацию. Следует отметить, что город имел не только военное, но и экономическое значение, как для проживавших в нем русских воинов и их семейств, так и для горцев, приезжавших туда по хозяйственной надобности. Данное обстоятельство сыграло роковую роль и обусловило целый ряд негативных последствий.

Многие избы, харчевни, гостиные дворы быстро растущего города оказались за пределами укреплений и были разграблены в первую очередь.

Как нам представляется, исследователи не обращают внимания на то обстоятельство, что неприятелю удалось незамеченным подойти к крепости, несмотря на имевшиеся дозоры. Такое течение событий было возможным лишь в том случае, если татары имели помощников среди местных жителей. Поэтому следует отметить, что османо-крымская партия на Северном Кавказе была достаточно многочисленной и влиятельной.

Мы склонны оценивать такой подход как аргумент в пользу вывода о том, что данная территория не рассматривалась русским правительством как перспективная с точки зрения ее экономического освоения. Россия в сложившихся обстоятельствах нуждалась в надежных рубежах, а все остальное имело для нее второстепенное значение. Присутствие в крае московских ратников было скорее символическим и должно было лишь «демонстрировать флаг», поскольку для серьезных действий в регионе в ту пору Россия не имела достаточных сил.

В этой связи последовавшее переселение гребенских казаков на левый берег реки Терек сопряжено с последствиями описанных выше событий [11, с. 13]. При очередном витке военной угрозы, нависшей над Северным Кавказом в 1711–1712 гг., российское командование окончательно убедилось в необходимости таких шагов. При всем желании сохранить максимальную независимость и не допустить вмешательства со стороны государевых людей в их образ жизни, казаки осознавали возросшую опасность и видели в гарнизоне русского города естественного союзника. Здесь казачьи интересы совпадали с чаяниями местных воевод, а потому резонно предположить наличие неких договоренностей между сторонами, которые гарантировали казакам их привычные права и свободы.

Такая ситуация объясняет нейтралитет, которого придерживалась Россия в начавшейся войне между крымскими отрядами и кабардинцами. Судя по всему, царь Пётр I опасался спровоцировать османов на открытое вмешательство в обозначенное противоборство, поскольку такое течение дел лишало шансов на благополучный исход для пророссийской партии на Северном Кавказе. В данном случае все свелось к столкновению соперников, каждый из которых имел шансы на победу. Нельзя было недооценивать военных возможностей Кабарды, на тот момент имеющей качественное преимущество над своими оппонентами в силу большей насыщенности княжеских дружин огнестрельным оружием [14, с. 215].

При всей конфронтационности, бытовавшей среди кабардинцев, обусловленной непрекращающейся борьбой между знатными владельческими фамилиями и их узденями (достаточно вспомнить материалы, собранные Коллегией иностранных дел «...владельцы издавна одни другого убивают и с Кабарды выгоняют» [9, с. 153]), появление внешней угрозы заставило местную знать на время отказаться от распрей и консолидированно выступить против общего врага.

Ситуация обострялась также потому, что Каплан-Гирей не желал договариваться с кабардинской знатью, а выдвигаемые им требования не могли быть удовлетворены кабардинской стороной. Вновь камнем преткновения становилась численность ясырей, численность которых татары оценивали в 3 000 человек. Непримируемость сторон привела к столкновениям, в результате которых крымчаки, действуя в непривычных для них ландшафтных условиях, стали проигрывать своим соперникам. Решающая битва произошла в сентябре 1708 г. в Канжальской долине, где ханские войска понесли наиболее серьезные потери [2, с. 37–38]. Подчеркнем то обстоятельство, что, помимо кабардинцев, в документах упоминаются и «другие горские народы», которые вместе с ними участвовали в сражениях. Далеко не случайно, что память об этом сражении сохранилась в исторической памяти осетин [19, с. 313–316], карачаевцев и балкарцев [13, с. 317–321]. Неприятель не только был истреблен силой оружия, но и стал жертвой голода, отрезанный от снабжения и не имевший возможности пополнить свои запасы за счет местных ресурсов.

Столь большие потери подорвали авторитет хана Каплан-Гирея в глазах соплеменников. Он лишился престола, уступив это место хану Девлет-Гирею, которому пришлось ликвидировать последствия неудачного похода своего предшественника, воспользовавшись средствами дипломатии. Хотя агенты хана старались уговорами и новыми посулами расположить к себе горцев Северного Кавказа, большого успеха на этой стезе они не снискали. Слишком живы были в памяти местных жителей насильственные действия татар, которые они допускали ранее, а яркая победа над ними в Кабарде развенчала миф об их несокрушимости.

Формирующееся южное пограничье являлось территорией неопределенности, что подразумевает отсутствие четких границ, закрепленных за местными политическими акторами, и непрерывную череду вооруженных столкновений, участники которых могли привлекать для отстаивания своих интересов внешние силы. Россия была заинтересована в использовании северокавказских сообществ для нейтрализации общей угрозы, которая заключалась в систематических набегах, устраиваемых Крымским ханством для захвата ясырей (пленников, рабов) и прочей добычи. Таким образом, именно военно-политические интересы являлись приоритетными в складывавшемся историческом партнерстве.

Отражение крымской агрессии осложнялось тем, что Бахчисараю оказывала поддержку Османская империя, готовая поддержать своего вассала, в том числе и с помощью оружия. Учитывая тот факт, что внешнеполитические приоритеты Московского царства в рассматриваемый период были связаны с Северной войной и конфликт с Турцией был нежелателен, русское правительство старалось проявлять сдержанность и максимальный нейтралитет при разрешении местных проблем, стараясь не доводить ситуацию до прямых столкновений. Тем не менее на Северном Кавказе сохранялись влиятельные пророссийские силы, которые считали Москву своим главным покровителем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ. – Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 3. – Текст : непосредственный.
2. Бгажноков, Б. Х. Историческое значение Канжальской битвы / Б. Х. Бгажноков. – Текст : непосредственный // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века : исследования и материалы. – Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – С. 9–50.
3. Виноградов, Б. В. Внешнеполитический фактор в российско-северокавказских отношениях конца XVII – середины XIX в. (по исследованиям представителей Кавказоведческой Школы) / Б. В. Виноградов, Ю. В. Приймак, И. М. Скибицкая. – Текст : непосредственный // Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути : сборник научно-исследовательских очерков и библиографических материалов / под редакцией С. Л. Дударева. – Армавир ; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2013. – С. 221–241.
4. Виноградов, Б. В. Очерки истории формирования северокавказской и причерноморской окраины России в конце XVII в. – 1783 г. / Б. В. Виноградов, С. Л. Дударев, Ю. В. Приймак. – Армавир ; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2019. – 210 с. – Текст : непосредственный.
5. Гарунова, Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Гарунова Нина Нурмагомедовна. – Махачкала, 2007. – 393 с. – Текст : непосредственный.
6. Гугов, Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией / Р. Х. Гугов. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. – 687 с. – Текст : непосредственный.
7. Гуськов, А. Г. Русско-турецкая война 1686–1700 годов / А. Г. Гуськов, К. А. Кочегаров, С. М. Шамин. – М. : Русское слово, 2022. – 528 с. – Текст : непосредственный.
8. Дегоев, В. В. Большой Юг в политике и дипломатии Петра I / В. В. Дегоев. – М. : Аспект Пресс, 2023. – 408 с. – Текст : непосредственный.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. : документы и материалы : в 2 томах. Том 2 / составитель В. М. Букалова. – М. : АН СССР, 1957. – 424 с. – Текст : непосредственный.
10. Казаков, А. В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. / А. В. Казаков. – Нальчик : Эль-Фа, 2006. – 407 с. – Текст : непосредственный.
11. Клычников, Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.) : исторические очерки / Ю. Ю. Клычников. – М. : Ленанд, 2015. – 368 с. – Текст : непосредственный.
12. Клычников, Ю. Ю. «Он мне давай гору золоту и мне с ним не миривитца»: к оценке последствий возведения русской крепости на Тереке в 1567 году / Ю. Ю. Клычников. – Текст : непосредственный // Третьи Виноградовские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (г. Армавир, 5 апреля 2023 г.). – Армавир ; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2023. – С. 7–10.

13. Малкондуев, Х. Х. Карачаево-балкарский фольклор о Канжальской битве / Х. Х. Малкондуев. – Текст : непосредственный // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века : исследования и материалы. – Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – С. 317–321.

14. Пенской, В. В. Вооруженные силы Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. / В. В. Пенской. – Текст : непосредственный // Средневековые тюрко-татарские государства : сборник статей. – Казань : Ихлас, 2010. – Выпуск 2. – С. 208–216.

15. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года : в 45 томах. Том 3. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 691 с. – Текст : непосредственный.

16. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года : в 45 томах. Том 4. – СПб. : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 887 с. – Текст : непосредственный.

17. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. 2. – Текст : непосредственный.

18. Сокуров, В. Н. Канжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре / В. Н. Сокуров. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения : сборник статей. – Нальчик : КБНИИИФЭ, 1986. – С. 48–64.

19. Таказов, Ф. М. Кабардино-крымские отношения в фольклоре осетин / Ф. М. Таказов. – Текст : непосредственный // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века : исследования и материалы. – Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – С. 313–316.

REFERENCES

1. *Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii. Istoriko-dokumental'nyj departament MID RF* [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation], fund 119, inventory 1, case 3. (In Russian).

2. Bgazhnokov B.H. The historical significance of the Battle of Kanjal. *Kanzhal'skaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy pervoj poloviny XVIII veka = The Battle of Kanjal and the Political History of Kabarda in the First Half of the 18th Century*. Nalchik, Publishing House of M. and V. Kotlyarovs, 2008, pp. 9–50. (In Russian).

3. Vinogradov B. V., Prijmak Yu. V., Skibickaya I. M. Foreign policy factor in Russian-North Caucasian relations of the late 17th – mid-19th centuries (based on research by representatives of the Caucasian Studies School). *Kavkazovedcheskaya Shkola V.B. Vinogradova. 50 let v puti = Caucasian Studies School of V.B. Vinogradov. 50 years on the road*. Armavir; Stavropol, Dizajn-studiya B, 2013, pp. 221–241. (In Russian).

4. Vinogradov B. V., Dudarev S. L., Prijmak Yu. V. *Ocherki istorii formirovaniya severokavkazskoj i prichernomorskoj okrainy Rossii v konce XVII v. – 1783 g.* [Essays on the history of the formation of the North Caucasian and Black Sea outskirts of Russia at the end of the 17th century – 1783]. Armavir; Stavropol, Dizajn-studiya B, 2019. 210 p. (In Russian).

5. Garunova N. N. *Rossijskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoj polovine XIX v.: problemy politicheskoi, ekonomicheskoi i kul'turnoi integracii* [Russian Fortress Cities in the Context of Russia's Policy in the North-Eastern Caucasus in the 18th – First Half of the 19th Century: Problems of Political, Economic and Cultural Integration]. Mahachkala, 2007. 393 p. (In Russian).

6. Gugov R. H. *Kabarda i Balkariya v XVIII veke i ih vzaimootnosheniya s Rossiej* [Kabarda and Balkaria in the 18th century and their relations with Russia]. Nalchik, El-Fa, 1999. 687 p. (In Russian).

7. Gus'kov A. G., Kocheharov K. A., Shamin S. M. *Russko-tureckaya vojna 1686–1700 godov* [Russo-Turkish War 1686–1700]. M., Russkoe slovo, 2022. 528 p. (In Russian).

8. Degoev V. V. *Bol'shoj Yug v politike i diplomatii Petra I* [The Great South in the Politics and Diplomacy of Peter I]. M., Aspekt Press, 2023. 408 p. (In Russian).

9. *Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* [Kabardino-Russian relations in the 16th–18th centuries], vol. 2. M., USSR Academy of Sciences, 1957. 424 p. (In Russian).

10. Kazakov A. V. *Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe. Voevody i oficery. Seredina XVI – nachalo XX v.* [Adyghe (Circassians) in Russian military service. Voivodes and officers. Mid-16th – early 20th century]. Nalchik, El-Fa, 2006. 407 p. (In Russian).

11. Klychnikov Yu. Yu. *Rossijskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arhaika: V poiskah preodoleniya protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.)* [Russian Statehood and North Caucasian Archaism: In Search of Overcoming Contradictions (XVIII – Early XXI Centuries)]. M., Lenand, 2015. 368 p. (In Russian).

12. Klychnikov Yu. Yu. "He gave me a mountain of gold and I wouldn't make peace with him": on the assessment of the consequences of the construction of the Russian fortress on the Terek in 1567. *Tret'i Vinogradovskie chteniya = The Third Vinogradov Readings*. Armavir; Stavropol, Dizajn-studiya B, 2023, pp. 7–10. (In Russian).

13. Malkonduev H. H. *Karachay-Balkar folklore about the Battle of Kanzhal. Kanzhal'skaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy pervoj poloviny XVIII veka = The Battle of Kanjal and the Political History of Kabarda in the First Half of the 18th Century*. Nalchik, Publishing House of M. and V. Kotlyarovs, 2008, pp. 317–321. (In Russian).

14. Penskoj V. V. The armed forces of the Crimean Khanate in the late 15th – early 17th centuries. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva = Medieval Turkic-Tatar states*, iss. 2. Kazan, Ihlas, 2010, p. 208–216. (In Russian).

15. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649], vol. 3. SPb., Printing House of the II Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 691 p. (In Russian).

16. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649], vol. 4. SPb., Printing House of the II Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 887 p. (In Russian).

17. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 89, inventory 1, case 2. (In Russian).

18. Sokurov V. N. The Battle of Kanzhal and its reflection in Kabardian folklore. *Aktual'nye voprosy kabardino-balkarskoj fol'kloristiki i literaturovedeniya = Current issues of Kabardino-Balkarian folklore and literary studies*. Nalchik, KBNIIFE, 1986, pp. 48–64. (In Russian).

19. Takazov F. M. Kabardino-Crimean relations in Ossetian folklore. *Kanzhal'skaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy pervoj poloviny XVIII veka = The Battle of Kanjal and the Political History of Kabarda in the First Half of the 18th Century*. Nalchik, Publishing House of M. and V. Kotlyarovs, 2008, pp. 313–316. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Клоков, А. Н. Народы Северного Кавказа и Московское царство в первые десятилетия XVIII века / А. Н. Клоков. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 95–105.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Klokov A. N. The Peoples of the North Caucasus and the Kingdom of Moscow in the First Decades of the 18th Century / A. N. Klokov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 95–105. (In Russian).

УДК 94(47).084.3

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В РОССИИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ (1948–1989 ГГ.)**

И.Н. Колесников, К.В. Каспарян, Н.Ю. Рогожина

**TRANSFORMATION OF THE REPRESENTATION OF THE CIVIL WAR
IN RUSSIA IN LITERARY WORKS (1948–1989)**

I.N. Kolesnikov, K.V. Kasparyan, N.Yu. Rogozhina

Аннотация. Гражданская война в России является одним из ключевых событий новейшей отечественной истории. Анализ данного внутривойского военного конфликта в художественной литературе в 1940-х – 1980-х гг. позволяет проследить динамику изменений в восприятии Гражданской войны в общественном сознании. В статье рассмотрены интерпретации событий военного противостояния большевиков и Белого движения в литературном искусстве в контексте изменений отечественной политической парадигмы во второй половине XX в. В работе исследованы причины снижения интереса к истории Гражданской войне в период Великой Отечественной войны. В статье также произведен анализ изображения военного конфликта большевиков и Белого движения в период «оттепели» и во времена правления Л.И. Брежнева. В работе исследованы причины и последствия трансформации государственной политики в вопросе освещения событий Гражданской войны в искусстве в перестроечный период.

Abstract. The Russian Civil War is one of the key events in modern Russian history. An analysis of this domestic military conflict in fiction in the 1940s–1980s allows us to trace the dynamics of changes in the perception of the Civil War in public consciousness. The article examines the interpretations of the events of the military confrontation between the Bolsheviks and the White movement in literary art in the context of changes in the domestic political paradigm in the second half of the 20th century. The work examines the reasons for the decline in interest in the history of the Civil War during the Great Patriotic War. The article also analyzes the depiction of the military conflict between the Bolsheviks and the White movement during the Thaw and during the reign of L.I. Brezhnev. The work examines the causes and consequences of the transformation of state policy in the issue of covering the events of the Civil War in art during the perestroika period.

Ключевые слова: Белое движение, партия большевиков, Добровольческая армия, Вооруженные силы Юга России, повстанческое движение зеленых, политическая сатира, коммунистическая концепция, перестройка, либеральная политическая доктрина.

Keywords: White movement, Bolshevik party, "Volunteer army", Armed forces of the South of Russia, Green rebel movement, political satire, communist concept, perestroika, liberal political doctrine.

С начала 1940-х гг. в советской литературной среде снижается интерес к событиям Гражданской войны из-за начавшейся Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и логичной потребностью акцентирования внимания

на данном военном конфликте. Тем не менее в послевоенный период был создан ряд значимых произведений о событиях конца 1910-х – начала 1920-х гг.

В 1948 г. писатель-эмигрант И.С. Шмелев завершил работу над романом «Солнце Мертвых», в котором высказал свою точку зрения о военных действиях на Крымском полуострове осенью 1920 г. Его произведения преисполнены печалью по поводу поражения Белого движения, необходимости покинуть Отечество и трагической участи тех белогвардейцев, которые не сумели выехать из страны. Введенные в сюжет персонажи, представляющие красный лагерь, основаны на реальных личностях, которые были известны писателю [1, с. 105].

В 1953 г. Л.М. Жариков, в детстве ставший свидетелем боев на Донбассе, выпустил автобиографическую «Повесть о суровом друге». Образы белогвардейцев в книге крайне отрицательны, однако, в данном случае автор создал их на основе реальных людей, с которыми вступал в борьбу [2, с. 170].

В 1955 г. Б.Л. Пастернак закончил работу над романом «Доктор Живаго». Жесткая критика Октябрьской революции и действий Красной армии в годы Гражданской войны вызвала ожидаемую негативную реакцию со стороны как политического руководства СССР, так и большей части советских писателей, которая усилилась после публикации романа за рубежом и присвоения ему Нобелевской премии в 1958 г. Характерно, что отрицательные рецензии были составлены не только в Советском Союзе, но и в эмигрантской среде. К примеру, В.В. Набоков назвал «Доктора Живаго» слабым и банальным произведением, и косвенно признал, что Нобелевская премия была присуждена роману не из-за художественной ценности, а по причине резко антисоветской позиции автора [3, с. 57].

В 1966 г. был опубликован роман Ю.С. Семенова «Пароль не нужен», являющийся первым по хронологии произведением о Максиме «Исаеве – Штирлице». Главный герой, молодой советский разведчик Всеволод Владимиров (будущий Максим Исаев) в 1921 г. прибывает во Владивосток – политический центр последнего Белого правительства России, созданного крупными предпринимателями братьями Меркуловыми. В данном романе, как и во всех произведениях Ю.С. Семенова, представлены реальные политические фигуры: Ф.Э. Дзержинский, создатель советской службы государственной безопасности; военачальники Красной армии В.К. Блюхер, П.П. Постышев; лидеры Белого движения на Дальнем Востоке С.Д. Меркулов, Н.Д. Меркулов, атаман Г.М. Семенов, генерал В.М. Молчанов. При этом советский писатель изображает представителей Белого движения опасными и достойными противниками советской власти [4, р. 401].

В 1963–1969 гг. вышла трилогия А.Т. Черкасова и П.Д. Москвитиной – «Хмель», «Конь Рыжий», «Черный тополь», повествующая о Гражданской войне на территории Енисейской губернии. Данные произведения отличаются изображением участников антибольшевистского движения в крайне отрицательном виде, при этом авторами удалось отразить колорит и специфику боевых действий в описываемом регионе [5, р. 167].

В 1960-х гг. началась публикация произведений авторов, которые были либо младшими современниками Гражданской войны, либо родились после ее окончания. И.Я. Болгарин и В.В. Смирнов в 1969 г. опубликовали роман «Адъютант его превосходительства», повествующий о красном разведчике Павле Кольцове (прототип – П.В. Макаров), действующем в штабе командующего Добровольческой армией генерала Ковалевского (прототип – генерал В.З. Май-Маевский). По существу, данное произведение представляет собой интеллектуальный поединок между разведывательными и контрразведывательными органами Красной и Белой армий. Также в романе показан один из лидеров зеленых – крестьянских повстанцев, враждебных и красным, и белым, – т. н. Батяка Ангел [6, с. 312].

В.П. Аксенов, писатель-диссидент, в 1979 г. опубликовал роман «Остров Крым», который одновременно относят к жанрам альтернативной географии, политической сатиры и альтернативной истории. Согласно сюжету, Красной армии не удается взять Крым, являющийся по замыслу автора островом. На данной территории, в итоге, формируется независимая демократическая республика с развитой экономикой, находящаяся под защитой Запада – по аналогии с Тайванем [7, с. 489].

В 1963–1980 гг. А.С. Иванов опубликовал ряд произведений, связанных с тематикой Гражданской войны: «Повитель», «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», «Вражда». События данных романов и повестей происходят на территории Сибири; в основном раскрыты особенности действий как красных, так и белых партизан. Следует отметить, что А.С. Иванов, занимающий четкие советские позиции, создает яркие образы красных бойцов и командиров: Фрола Курганова, Марии Вороновой, Поликарпа Кружилина, Якова Олейникова. В то же время у автора проявляется четкая градация его отношения к белогвардейским офицерам как таковым и к представителям зажиточного крестьянства (кулачества) [8, с. 763].

Не только среди строевых командиров Белого движения, таких как полковник Зубов, но и в среде белых контрразведчиков (в лице следователя Свиридова) автор показывает людей, ожесточенных войной, но воюющих за идею, способных, несмотря на жесткость, на сострадание или понимание позиций другой стороны. В то же время образы кулаков, как и представителей купечества и предпринимательства – Михаила Кафтанова, братьев Меньшиковых, Серафимы Клычковой, Федотьи Пилюгиной представлены в однозначно негативном свете, и лишены политической позиции – все они руководствуются лишь стремлением вернуть утраченное после Октябрьской революции имущество. По существу, произведения А.С. Иванова следует сравнить с творчеством М.А. Шолохова, поскольку оба автора акцентируют внимание на одной социальной группе – автор «Тихого Дона» – на расколе казачества, а создатель «Вечного зова» – на противоречиях в крестьянской среде [9, с. 126].

В начале 1980-х гг. была опубликована диалогия В.В. Карпенко «Тучи идут на ветер» и «Красный генерал», написанная в соавторстве с профессиональным историком С.В. Карпенко, и повествует о боях Красной армии

с войсками генерала А.И. Деникина осенью 1919 г. – весной 1920 г. В данной масштабной эпопее авторы изобразили лидеров противоборствующих сторон и крупных военачальников как незаурядных людей, со всеми их достоинствами и недостатками [10, с. 147].

В 1985 г., после прихода к власти в Советском Союзе М.С. Горбачева, в стране началось реформирование политической системы (именуемое перестройкой), которое оказало воздействие на вектор развития отечественной культуры и, в частности, художественной литературы. Критика И.В. Сталина и периода его пребывания у власти в итоге трансформировалась в обструкцию всего «доперестроечного» советского периода отечественной истории, которая нашла отражение в советской художественной литературе.

В то же время основными аспектами критики являлись политика коллективизации, военная стратегия, политика и экономическое планирование в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., послевоенный период, времена Хрущевской оттепели, правление Л.И. Брежнева [11, с. 135].

Критика Октябрьской революции и позиции красных в Гражданской войне были отражены в гораздо меньшей степени по ряду причин. В первые годы периода политических преобразований М.С. Горбачев и его окружение позиционировали себя в качестве подлинных последователей В.И. Ленина и его идейного и политического наследия, а его преемников трактовали в качестве политиков, искаживших ленинские принципы управления государством и партийными органами. С учетом данного обстоятельства, трансформация отношения к событиям Гражданской войны в тот период не одобрялась советским руководством [12, р. 61].

С 1988 г. политика высшей партийной элиты СССР по отношению к ленинскому периоду в целом, и, в частности, к Гражданской войне изменилась. Данная метаморфоза была обусловлена активными действиями М.С. Горбачева, направленными на сближение с США и странами Западной Европы. При этом партнерство с Западом, базирующемся на либеральной политической доктрине и враждебной марксизму, фактически не допускало позитивное отношение к главному коммунистическому идеологу России. Кроме того, национализация частной собственности, инспирированная В.И. Лениным после прихода к власти осенью 1917 г., противоречила принципам западной рыночной экономической модели, на которую в конце 1980-х гг. начали ориентироваться М.С. Горбачев и его единомышленники в советском политическом истеблишменте [13, с. 386].

Тем не менее следует отметить, что политическое руководство Советского Союза не проявляло большой активности в вопросе поддержки нового взгляда на Гражданскую войну. Инициаторы Перестройки полагали, что активное освещение позиций Белого движения, которое осуществлялось в советской прессе, а также начало публикации в Советском Союзе произведений писателей-эмигрантов, было достаточным для формирования нового представления о Гражданской войне в России, которому не могли воспрепятствовать сторонники

коммунистической концепции. По данным причинам советское правительство не препятствовало публикации просоветских произведений по Гражданской войне [14, с. 278].

В 1988 г. издание «Простор», расположенное в Казахской ССР, начало публикацию первых глав романа В.Д. Успенского «Тайный советник вождя», повествующего о политической биографии И.В. Сталина и его тайного консультанта Николая Лукашева (бывшего офицера Русской Императорской армии), прообразом которого являлся генерал П.А. Ермолин. В данном произведении автор повествует о деятельности И.В. Сталина в период Гражданской войны, в первую очередь о действиях, направленных на оборону Царицына от частей Добровольческой армии. При этом оперирование автором численностью воинских соединений противоборствующих сторон, количества артиллерийских стволов и боеприпасов не противоречит, к примеру, статистическим данным, которые приводит в своих «Очерках Русской Смуты» А.И. Деникин, командующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). В произведении подробно описан конфликт между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким в вопросе использования на фронте военспецов (военных специалистов), выходцев из российского офицерского корпуса, а также оборонительной стратегии в целом. Книга вызвала активное обсуждение в читательской среде, послужив причиной для острых дискуссий между сторонниками различных политических концепций [15, с. 353].

Следует отметить, что книга вызвала жесткую критику сторонников «перестройки», фактически адептов новой российской либеральной идеи, большая часть которых (как, в частности, писатель и литературный критик Н.А. Потапов, автор работы «Родом из революции», вышедшей в 1980 г.) до 1985 г. занимала ярко выраженную советскую позицию. В.Д. Успенского обвиняли в пристрастности и стремлении изобразить И.В. Сталина и большевистский лагерь в Гражданской войне в одностороннем, позитивном ключе. При этом те же критики одобрительно отзывались о произведениях с диаметрально противоположной, антисталинской направленностью, повествовавших о событиях Великой Отечественной войны, или о тех сторонниках Белого движения, чьи романы и повести ранее не публиковались в СССР [16, с. 148].

В то же время роман В.Д. Успенского в действительности являлся откровенно апологетическим и по своей субъективности не уступал произведениям антисоветских авторов перестроечного периода в данном вопросе. Кроме того, он вызвал критические замечания и сторонников И.В. Сталина, считавших, что откровенное стремление автора изобразить советского лидера человеком без недостатков и политиком, никогда не совершавшим просчетов, является активной антисталинской пропагандой [17, с. 367].

В 1989 г. А.Н. Першин опубликовал свой роман «Мечь», посвященный политической и военной деятельности Г.Г. Анджиевского, утверждавшего советскую власть в г. Пятигорске и районе Кавказских Минеральных Вод осенью 1917 г. – весной 1918 г. По существу, произведение А.Н. Першина

своей стилистикой и идеологической направленностью идентично «допостреочным» романам и повестям о Гражданской войне. Автор провел активную работу с источниками, изучив как архивные материалы, так и воспоминания очевидцев. В романе подробно описана биография Г.Г. Анджиевского с ранних лет и до его казни в конце августа 1919 г.; А.Н. Першину удалось детально раскрыть процесс становления личности главного героя. Автор уделит внимание особенностям прихода большевиков к власти в Пятигорске, осветил проблемы создания новой городской управленческой структуры, системы органов правопорядка, восстановления коммунального хозяйства, системы здравоохранения и народного образования.

В романе «Мечь» практически отсутствуют вымышленные персонажи. В произведении представлены крупные военачальники Русской Императорской армии – А.А. Брусилов и Р.Д. Радко-Димитриев, под началом которых Г.Г. Анджиевский служил в годы Первой мировой войны, глава Советского государства В.И. Ленин, лидер большевиков на Северном Кавказе С.М. Киров, командующий XI Красной армией (и всеми вооруженными силами красных на Северном Кавказе) И.Л. Сорокин, руководители Северо-Кавказской Советской Республики А.И. Рубин и М.И. Крайний, лидеры большевиков Закавказья И.А. Малыгин и А.И. Микоян, один из лидеров Белого движения на Юге России А.Г. Шкуро [18, с. 209].

При этом следует принять во внимание важный факт, что автор стремится соблюдать максимальную (насколько это возможно для человека с четкой политической позицией) объективность. А.Н. Першин акцентирует внимание на борьбе с белыми повстанцами в течение 1918 г., междоусобном конфликте среди красных в 1918 г., связанном с военным мятежом И.Л. Сорокина, сопровождавшегося уничтожением руководства Северо-Кавказской Республики и большого числа заложников. Он так же описывает в своем романе неизвестные широкой публике подробности неудачной попытки локального переворота в Пятигорске, осуществленного начальником городского военно-революционного штаба Н.И. Нежевьясовым.

Автор показывает контакты Г.Г. Анджиевского с проживавшими в Ессентуках генералами Р.Д. Радко-Димитриевым и Н.В. Рузским (позднее убитым во время путча И.Л. Сорокина) с целью привлечения их на службу в Красную армию. В романе продемонстрированы тяжелые бои, которые вела отступающая Одиннадцатая армия зимой 1919 г., а также подпольная деятельность Г.Г. Анджиевского в Закавказском регионе, его арест сотрудниками британских контрразведывательных служб в г. Баку, суд над руководителем пятигорских большевиков и поведение Анджиевского перед казнью.

В произведении так же раскрыта сложная судьба дочери главного героя, Ю.Г. Анджиевской, в грудном возрасте потерянной матерью во время отступления 1919 г., и попавшей в семью бывшего белогвардейского офицера Н.А. Кугатиева, а после его гибели удочеренной семьей Тарановых. В результате Ю.Г. Анджиевская узнала о своем происхождении в возрасте двадцати девяти лет. Дочь пятигорского большевика была ученым-историком, в 1950-х гг.

посещала г. Пятигорск с целью контакта с участниками Гражданской войны и пионерами, которые интересовались биографией ее отца [19, с. 233].

Также в 1989 г. было выпущено второе, дополненное и переработанное издание документальной повести-хроники («Именем ВЧК: Документальная Повесть-хроника о ставропольских чекистах») А.Л. Попутько и Ю.С. Христинина, раскрывающей деятельность советских органов государственной безопасности на территории Северного Кавказа, и, в частности, на территории Ставропольского края. В первых главах данного произведения авторы демонстрируют действия чекистов Ставрополя, направленные на ликвидацию повстанческого бело-зеленого движения в 1920–1921 гг.

Значительное внимание в первом из очерков уделено Я.А. Бухбанду, руководившему Пятигорской Чрезвычайной комиссией в 1920–1921 гг. В произведении раскрыта организованная им эффективная операция по проникновению советского агента И.А. Маносова в ряды повстанческого соединения полковника Даутокова-Серебрякова, способствовавшего его поражению. Кроме того, в очерке раскрыты подробности ареста представителей бело-зеленого подполья в Пятигорске, в котором состояли представители городских властей, включая одного из руководителей городской милиции Магульского. Публикация данных произведений (изданных в Ставропольском крае) не вызвала препятствия со стороны местного руководства; локальный характер их распространения (как и подобных книг в других советских регионах) не мог являться препятствием для распространения антисоветской пропаганды на общесоюзном уровне [20, с. 26].

По существу, большинство лучших книг о Гражданской войне было создано в 1920-х – 1940-х гг., то есть до начала Великой Отечественной войны – события, переключившего внимание деятелей искусства на новый, еще более трагический конфликт. Тем не менее, в середине 1940-х – начале 1980-х гг. Б.Л. Пастернак, Ю.С. Семенов, И.Я. Болгарин и В.В. Смирнов, В.П. Аксенов, А.С. Иванов создали ряд произведений о Гражданской войне, которые относятся к лучшим романам данного жанра.

В период середины 80-х – начала 90-х гг. XX в. отечественная литература оказалась под воздействием фактической ликвидации советской идеологии, основанной на позитивной оценке окончания Гражданской войны в России в пользу партии большевиков. В то же время интерес писателей был сконцентрирован на пересмотре освещения иных периодов советской эпохи. Гражданская война освещалась только в произведениях, которые выходили малыми тиражами в региональных изданиях. Центральные издательства лишь публиковали работы авторов-эмигрантов, запрещенных в СССР до начала перестроечных процессов. Просоветская позиция региональных писателей не вызывала опасений у советского руководства в силу незначительности своей аудитории. При этом, к примеру, произведения А.Н. Першина, А.Л. Попутько и Ю.С. Христинина имели как художественную, так и фактологическую ценность, и раскрывали специфику военных действий и работу советской контрразведки на Ставрополье в годы Гражданской войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ливанов, В. Б. Невыдуманный Борис Пастернак / В. Б. Ливанов. – М. : Родина, 2022. – 288 с. – Текст : непосредственный.
2. Сорокина, В. В. Тема войны в литературе первой волны русской эмиграции / В. В. Сорокина. – Текст : непосредственный // Русское зарубежье. – 2015. – № 2. – С. 165–172.
3. Бабичева, Ю. В. Гражданская война в России начала XX века в зеркалах отечественной литературы / Ю. В. Бабичева. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 2. – Том 2. – С. 54–58.
4. Mass Culture in Soviet Russia: Tales, Poems, Songs, Movies, Plays, and Folklore, 1917–1953 / Ed. by J. Von Geldern, R. Stites. – Bloomington : Indiana University Press, 1995. – 544 p.
5. Barcz A. Environmental Cultures in Soviet East Europe: Literature, History and Memory / A. Barcz. – Bloomsbury : Bloomsbury Academic, 2020. – 208 p. – Текст : непосредственный.
6. Голиков, Д. Л. Правда о врагах народа / Д. Л. Голиков. – М. : Алгоритм, 2007. – 448 с. – Текст : непосредственный.
7. Семенова, О. Ю. Юлиан Семенов / О. Ю. Семенова. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 512 с. – Текст : непосредственный.
8. Цветков, В. Ж. Белое дело в России: 1920–1922 гг. / В. Ж. Цветков. – М. : Яуза, 2019. – 1056 с. – Текст : непосредственный.
9. Прилепин, З. Н. Михаил Шолохов. Незаконный / З. Н. Прилепин. – М. : Молодая гвардия, 2023. – 1031 с. – Текст : непосредственный.
10. Ермаков, В. П. Белое движение на Юге России и Антанта: военно-политические и экономические отношения (1918 – начало 1920 гг.). / В. П. Ермаков, П. И. Гришанин. – Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2005. – 172 с. – Текст : непосредственный.
11. Линец, С. И. История политических партий и движений в России / С. И. Линец, В. П. Ермаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2019. – 193 с. – Текст : непосредственный.
12. Kenez P. Red Advance, White Defeat: Civil War in South Russia / P. Kenez. – Washington : New Academia, 2008. – 492 p. – Текст : непосредственный.
13. Цветков, В. Ж. Последняя битва Белого Юга. 1920 / В. Ж. Цветков. – М. : Яуза, 2022. – 576 с. – Текст : непосредственный.
14. Едигарова, Г. Н. К вопросу о причинах поражения Белого движения: оценки идеологов и политических лидеров / Г. Н. Едигарова. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 1. – С. 276–280.
15. Спицын, Е. Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах / Е. Ю. Спицын. – М. : Концептуал, 2020. – 592 с. – Текст : непосредственный.
16. Храмова, Е. Л. Культура России 1941–1945 гг.: отечественная историография рубежа XX–XXI веков / Е. Л. Храмова. – Самара : Научно-технический центр, 2006. – 470 с. – Текст : непосредственный.
17. Спицын, Е. Ю. Брежневская партия. Советская держава в 1964–1985 годах / Е. Ю. Спицын. – М. : Концептуал, 2021. – 784 с. – Текст : непосредственный.
18. Ванюков, Д. А. Демократическая Россия конца XX – начала XXI века / Д. А. Ванюков. – М. : Мир Книги, 2007. – 240 с. – Текст : непосредственный.

19. Кара-Мурза, С. Г. Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века / С. Г. Кара-Мурза. – М. : ЭКСМО, 2003. – 384 с. – Текст : непосредственный.
20. Попутько, А. Л. Именем ВЧК: Документальная повесть-хроника о ставропольских чекистах / А. Л. Попутько, Ю. Н. Христинин. – Ставрополь : Книжное издательство, 1988. – 400 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Livanov V. B. *Nevyдуманый Boris Pasternak* [The Uninvented Boris Pasternak]. M., Rodina, 2022. 288 p. (In Russian).
2. Sorokina V. V. The theme of war in the literature of the first wave of Russian emigration. *Russkoe zarubezh'e = Russian Abroad*, 2015, no. 2, pp. 165–172. (In Russian).
3. Babicheva Yu. V. The Civil War in Russia at the Beginning of the 20th Century in the Mirrors of Russian Literature. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*, 2012, no. 2, vol. 2, pp. 54–58. (In Russian).
4. *Mass Culture in Soviet Russia: Tales, Poems, Songs, Movies, Plays, and Folklore, 1917–1953*, ed. by J. Von Geldern, R. Stites. Bloomington, Indiana University Press, 1995. 544 p.
5. Barcz A. *Environmental Cultures in Soviet East Europe: Literature, History and Memory*. Bloomsbury, Bloomsbury Academic, 2020. 208 p.
6. Golinkov D. L. *Pravda o vragah naroda* [The Truth About the Enemies of the People]. M., Algoritm, 2007. 448 p. (In Russian).
7. Semenova O. Yu. *Yulian Semenov* [Julian Semenov]. M., Molodaya gvardiya, 2011. 512 p. (In Russian).
8. Cvetkov V. Zh. *Beloe delo v Rossii: 1920–1922 gg.* [The White Case in Russia: 1920–1922]. M., Yauza, 2019. 1056 p. (In Russian).
9. Prilepin Z. N. *Mihail Sholohov. Nezakonnyj* [Mikhail Sholokhov. Illegal]. M., Molodaya gvardiya, 2023. 1031 p. (In Russian).
10. Ermakov V. P., Grishanin P. I. *Beloe dvizhenie na Yuge Rossii i Antanta: voenno-politicheskie i ekonomicheskie otnosheniya (1918 – nachalo 1920 gg.)* [The White Movement in Southern Russia and the Entente: Military, Political and Economic Relations (1918 – early 1920)]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Linguistic University, 2005. 172 p. (In Russian).
11. Linec S. I., Ermakov V. P. *Istoriya politicheskikh partij i dvizhenij v Rossii* [The history of political parties and movements in Russia]. M., Yurajt, 2019. 193 p. (In Russian).
12. Kenez P. *Red Advance, White Defeat: Civil War in South Russia*. Washington, New Academia, 2008. 492 p.
13. Cvetkov V. Zh. *Poslednyaya bitva Belogo Yuga. 1920* [The Last Battle of the White South. 1920]. M., Yauza, 2022. 576 p. (In Russian).
14. Edigarova G. N. On the question of the reasons for the defeat of the White Movement: assessments of ideologists and political leaders. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2013, no. 1, pp. 276–280. (In Russian).
15. Spicyn E. Yu. *Hrushchevskaya slyakot'. Sovetskaya derzhava v 1953–1964 godah* [Khrushchev's Slush. Soviet State in 1953–1964]. M., Konceptual, 2020. 592 p. (In Russian).
16. Hramkova E. L. *Kul'tura Rossii 1941–1945 gg.: otechestvennaya istoriografiya rubezha XX–XXI vekov* [Culture of Russia 1941–1945: Russian historiography of the turn of the XX–XXI centuries]. Samara, Scientific and Technical Center, 2006. 470 p. (In Russian).

17. Spicyn E. Yu. *Brezhnevskaya partiya. Sovetskaya derzhava v 1964–1985 godah* [Brezhnev's Party. Soviet State in 1964–1985]. M., Konceptual, 2021. 784 p. (In Russian).

18. Vanyukov D. A. *Demokraticeskaya Rossiya konca XX – nachala XXI veka* [Democratic Russia of the late 20th – early 21st centuries]. M., Mir Knigi, 2007. 240 p. (In Russian).

19. Kara-Murza S. G. *Grazhdanskaya vojna (1918–1921). Urok dlya XXI veka* [The Civil War (1918–1921): A Lesson for the 21st Century]. M., EKSMO, 2003. 384 p. (In Russian).

20. Poput'ko A. L., Hristinin Yu. N. *Imenem VCHK: Dokumental'naya povest'-hronika o stavropol'skih chekistah* [In the Name of the All-Russian Extraordinary Commission: Documentary Chronicle of the Stavropol Chekists]. Stavropol', Knizhnoe izdatel'stvo, 1988. 400 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Колесников, И. Н. Трансформация изображения Гражданской войны в России в литературных произведениях (1948–1989 гг.) / И. Н. Колесников, К. В. Каспарян, Н. Ю. Рогожина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 106–115.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kolesnikov I. N., Kasparyan K. V., Rogozhina N. Yu. Transformation of the Representation of the Civil War in Russia in Literary Works (1948–1989) / I. N. Kolesnikov, K. V. Kasparyan, N. Yu. Rogozhina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 106–115. (In Russian).

УДК 94(47)

**К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ
СУВОРОВСКИХ УЧИЛИЩ
С 1950-х ГОДОВ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ**

Д.Ф. Коханов, Л.Г. Орчакова

**ON THE ISSUE OF PERIODIZATION OF THE DEVELOPMENT
OF SUVOROV SCHOOLS
FROM THE 1950s TO THE PRESENT**

D.F. Kokhanov, L.G. Orchakova

Аннотация. В статье предпринимается попытка усовершенствовать существующую периодизацию истории суворовских военных училищ (далее – СВУ). Первый период (период становления) предлагается начинать от самой идеи создания таких училищ. Наибольшее внимание в статье уделяется второму периоду, который начался в 1956 году. Он проходил на фоне меняющейся политической ситуации в стране и масштабных сокращений численности армии, а также падения престижа офицерской службы. Третий период предлагается отсчитывать с середины 1960-х годов. В это время престиж офицерской службы оставался низким, а продолжительность обучения в суворовских училищах резко сократилась. Распад СССР и становление современной независимой России стали естественной точкой отсчета нового, четвертого периода в развитии СВУ. Наконец, пятый этап, продолжающийся до настоящего момента, связан с закреплением в ст. 86 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» суворовских училищ как общеобразовательных организаций.

Abstract. The article attempts to improve the existing periodization of the history of Suvorov military schools. The first period, the period of formation, is proposed to begin with the very idea of creating such schools. The greatest attention in the article is paid to the second period, the beginning of which dates back to 1956. This period takes place against the backdrop of a changing political situation in the country, large-scale reductions in the size of the army, and the decline in the prestige of the officer service. The third period is proposed to be counted from the mid-1960s. At this time, the prestige of officer service remains low, and the duration of training at Suvorov schools is sharply reduced. The collapse of the USSR and the period of formation of modern independent Russia became the natural starting point for a new, fourth period in the development of Suvorov schools. Finally, the fifth stage, which continues to this day, is associated with the Art. 86 of the Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ "On Education in the Russian Federation". This Law recognizes the Suvorov schools as general educational organizations.

Ключевые слова: суворовские военные училища, история суворовских училищ, периодизация истории суворовских училищ, сокращение численности советских Вооруженных сил, подготовка кадровых военных, подготовка офицеров.

Keywords: Suvorov military schools, history of Suvorov schools, periodization of the history of Suvorov schools, reduction of the Soviet Armed Forces, training of military personnel, training of officers.

Ведущие историки суворовских училищ – А.И. Владимиров и Н.З. Кунц – к 70-летию СВУ представили свое видение периодов в развитии данного института [7]. Однако предложенная в их работе периодизация, на наш взгляд, требует уточнения и детализации. Это связано с тем, что некоторые выделенные указанными авторами периоды включают в себя разные по сути и содержанию этапы развития СВУ. Так, Владимиров и Кунц выделяют в качестве первого периода истории СВУ значительный временной отрезок – от создания первых училищ до начала 70-х годов. Однако внутри него можно выделить этапы, характеризующиеся качественными изменениями самой государственной политики по отношению к СВУ. Значительный вклад в детализированное описание истории суворовских военных училищ в 1950-х – 1960-х годах внес Р.А. Соловьев в своей работе, посвященной 80-летию СВУ [19]. Однако хронологические рамки его работы ограничены лишь указанным периодом. В настоящей работе предпринимается попытка уточнить периодизацию истории СВУ за весь период их существования, при этом для периода 1950-х – 1960-х гг. в оборот вводится ряд архивных источников, не задействованных Р.А. Соловьевым, которые проливают свет на важные детали и особенности функционирования СВУ, проистекающие из изменений позиции руководства страны по отношению к развитию СВУ.

Нами предлагается **первый период**, период становления, начинать от самой идеи создания СВУ. Сюда необходимо включить процесс организации работы первой «волны» училищ и начало их функционирования. Появление СВУ в августе 1943 года совпало с моментом коренного перелома в Великой Отечественной войне. Училища решали задачу организации попечения над малолетними сиротами, детьми, оставшимися без крова, в том числе – детьми офицеров и красноармейцев.

Завершение первого и начало **второго периода** в развитии СВУ связано с новым этапом в истории СССР в целом. Заметный отпечаток на развитие СВУ наложила меняющаяся политическая ситуация в стране. Роль партии в подготовке военных кадров существенно возросла после принятия постановления «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте» на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1957 года [15]. Для истории СВУ важно, что данный период («хрущевские реформы») кадровые военные вспоминают как чрезвычайно болезненный – не только для армии, но и для обеспечения необходимого уровня патриотического воспитания в обществе в целом.

В 1955–1958 годах произошло первое сокращение советских Вооруженных сил. Численность военнослужащих уменьшилась почти на 2,14 млн человек. Из них, согласно расчетам Р.А. Соловьева, треть составляли офицеры [18]. Однако при этом не были достаточно проработаны социальные последствия данных реформ, что отразилось не только на судьбе уволенных в запас офицеров, но и на престиже армии, офицерской профессии и развитии СВУ.

В мае 1956 года было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О порядке приема в суворовские военные и нахимовское училища» [14]. По значимости этот документ аналогичен Постановлению

1943 года. Г.К. Жуков сделал обязательным условием для поступления в СВУ отличное состояние здоровья, необходимое для будущих офицеров. Это изменение было связано с «перепрофилированием» СВУ с изначально поставленной задачи «устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов» [3, с. 259] на задачи подготовки будущих офицеров. Это решение представлялось вполне своевременным, поскольку к тому моменту задача призрания детей, осиротевших в результате Великой Отечественной войны, была фактически выполнена, и дети эти, повзрослев, уже не нуждались в «обустройственной» и воспитательной функциях СВУ. Задача же подготовки будущих офицеров, напротив, становилась все более актуальной.

В середине и второй половине 1950-х годов СВУ затронула волна реформ армии. В первую очередь это касалось сокращения их количества за счет объединения некоторых СВУ друг с другом и преобразования в «суворовско-офицерские училища» [3, с. 46].

Министерство обороны СССР в начале 1958 года предложило первое серьезное сокращение числа СВУ притом, что суворовские офицерские училища предполагалось ликвидировать полностью. Инициатива получила ход лишь частично: суворовским офицерским училищам был возвращен статус обычных СВУ, а сам институт СВУ сокращению не подвергся [17, с. 295, 299].

Значимой вехой в истории СВУ, когда курс их развития был фактически развернут в противоположном направлении и вместо вопросов о поддержке и расширении был поставлен вопрос о целесообразности их дальнейшего существования как такового, стало совещание в ЦК КПСС о сокращении Вооруженных сил СССР от 18 декабря 1959 года. Показательны слова лидера СССР Н.С. Хрущева: «Я очень восхищался и всегда хвалил суворовские и нахимовские школы, но сейчас у меня, товарищи, лично есть некоторые критические сомнения. Это, товарищи, тепличные растения. С точки зрения военной подготовки они хороши, но с точки зрения отрыва от жизни, от народа – это не в интересах нашей политики. Это, знаете, холерный аристократ» [16, л. 41–42]. Этой же линии придерживался Главнокомандующий Сухопутными войсками Маршал Советского Союза А.А. Гречко: «Что касается суворовских и нахимовских училищ, я также считаю, что в этих училищах отпала необходимость... Мы действительно создаем военную касту. С такого возраста в этих училищах мы прививаем им, что военная специальность – это самая лучшая и т. д. Они оторваны от своих сверстников и воспитываются в направлении чисто военном. И, кроме того, особой пользы в военном отношении от воспитанников суворовских военных училищ нет... *Настало время отказаться от суворовских и других училищ подобного рода (курсив мой – Д.К.)*» [16, л. 59–60].

Согласно Постановлению Совета Министров Союза СССР от 31 марта 1960 года 375-151 все СВУ и нахимовские училища должны были в течение

двух лет быть переданы в Министерства просвещения союзных республик для их реорганизации в школы-интернаты; в 1960 году – одиннадцать училищ, в 1961 году – шесть. 1 июня 1960 года в ЦК КПСС было направлено письмо Министра обороны СССР, в котором указывалось на трудности практической реализации данного постановления. Министр указывал, что «поступают многочисленные письма и жалобы родителей и опекунов, в которых выражается горечь и обида на невозможность мальчикам, избравшим для себя военную профессию, доучиться в суворовских училищах» [6, л. 70]. Кроме того, указывалось, что «сами суворовцы высказывают просьбы не нарушать порядка их обучения и воспитания, как лиц, посвятивших себя военному делу, ибо изменение порядка обучения наносит им серьезную травму» [6, л. 71]. Помимо моральных факторов указывалось, что передача суворовских военных училищ в столь короткие сроки затруднит комплектование военных (командных) училищ в ближайшие несколько лет, так как СВУ – в соответствии с запиской – являлись одним из основных источников их комплектования [6]. В связи с этим в письме предлагалась более постепенная передача училищ в ведение министерств просвещения с отменой приема в СВУ в 1960 году.

В соответствии с Постановлением Секретариата ЦК КПСС от 20.06.1960 на основании протокола 153 параграф 5 от 14 июня 1960 года заседания ЦК КПСС был утвержден проект Постановления Совета Министров СССР по «Реорганизации суворовских военных и нахимовского военного училищ в школы-интернаты» [12]. Этот проект вылился в Постановление Совета Министров СССР № 662 от 24 июня 1960 года. Предполагалось принимать в интернаты исключительно детей военнослужащих, проходящих службы за рубежом или в отдаленных частях страны, сохранив разрешение пользование материальным потенциалом училищ за Минобороны. Московское военно-музыкальное училище преобразовывалось в военно-музыкальную школу с аналогичной миссией [13].

Уже 14 сентября 1960 года Министр обороны СССР Маршал Р. Малиновский направил в ЦК КПСС предложение о сохранении в системе министерства «на прежних основаниях» шести суворовских и одного нахимовского училища – Московского, Ленинградского, Киевского, Минского, Кавказского (в г. Орджоникидзе) и Дальневосточного (в г. Уссурийске), а также Ленинградского нахимовского. К письму министра был приложен проект соответствующего постановления.

Перипетии завершились одобрением данного предложения на заседании Президиума ЦК КПСС 10 января 1961 года (п. 39 протокола № 314) и соответствующим Постановлением Совета министров СССР № 27 той же даты. В соответствии с ним указанные училища сохранялись в системе Министерства обороны СССР «в частичное изменение постановления Совета Министров СССР от 24 июня 1960 года № 662». При этом Министерству обороны СССР предписывалось совместно с Советом Министров РСФСР установить новые сроки передачи в течение 1961–1965 годов в ведении Министерства просвещения РСФСР остальных суворовских военных училищ [10, л. 77–78].

Итак, в процессе этих перипетий закрылись Саратовское, Тамбовское, Тульское (1960 год), Сталинградское (1961 год), Новочеркасское, Ставропольское (1962 год), Воронежское (1963 год), Куйбышевское (1964 год) и Орджоникидзевское (1968 год) СВУ, а также Ташкентское СВУ и Ленинградское пограничное. «Выжившие» после этой волны упразднений и закрытий СВУ насчитывали всего восемь учреждений, одно нахимовское военно-морское училище и одно суворовское военно-музыкальное училище – итого 10 учреждений [2, с. 30].

Таким образом, события второй половины 1950-х – начала 1960-х годов отражают тот факт, что меняющаяся политика государства в значительной степени повлияла на институт СВУ. Это было обусловлено как социально-экономическими причинами, так и стремлением руководства страны к усилению партийного контроля над военными. Вместе с тем в высказываниях руководства страны и ее вооруженных сил обращает на себя внимание посыл к борьбе с «элитным», привилегированным положением армии и системы подготовки ее кадров. Особенно ярко этот посыл проявляется, к примеру, в процитированном выше выступлении А.А. Гречко, где он в негативном ключе характеризовал функционирование суворовских училищ как создание «военной касты». Борьба эта осуществлялась с таким размахом, что привела ко многим негативным последствиям. Работа и обучение в СВУ потеряли существенную долю престижности на фоне общего снижения социального статуса военных в стране. Это негативно сказывалось на работе СВУ и потере квалифицированных кадров.

Таким образом, проанализировав основные события и наиболее значимые решения правительства страны, предлагаем следующую периодизацию истории СВУ. Можно определить, что **первый период** – период становления СВУ как военно-образовательного института в СССР – приходится на 1943–1956 годы. Затем начинается **второй период** (1956–1964 годы), связанный с сокращением числа училищ и общего количества воспитанников. Многочисленные изменения, которые претерпели СВУ в этот период, были связаны с реформой (сокращением) армии и необходимостью экономии средств, а также завершением приоритетной реализации СВУ функции социального попечения над оставшимися после Великой Отечественной войны сиротами.

В **третий период** развития СВУ (начавшийся в середине 1960-х годов) училища в полной мере столкнулись с проблемой, порожденной описанными выше решениями руководства страны. В условиях падения престижа офицерской службы необходимо было обеспечить гарантированный приток хорошо подготовленных абитуриентов. Выходом из ситуации стал отказ от многолетнего начального военного профессионального образования, на смену которому пришла трехлетняя образовательная программа, утвержденная Совмином СССР в 1964 году (лишь в начале 1980-х годов последовали новые преобразования, в результате которых продолжительность обучения

была сокращена до двух лет [11, ст. 1421]). Планка для абитуриентов была поднята до 14–15 лет и не менее 7 классов образования. Тем самым при сохранении числа воспитанников в училищах формально увеличивался выпуск будущих офицеров, а время обучения сократилось.

Хотя никаких формальных структурных перестроек после сокращений 1960-х гг. СВУ не испытывали до середины 1980-х гг., некоторые изменения в системе образования их все же затронули не по форме, но по сути своей. Одним из наиболее значимых таких изменений стало введение в 1967 году в старших классах школ, а также учреждениях среднего профессионального преобразования, такого обязательного предмета, как начальная военная подготовка [5, с. 552]. Этот предмет сделал начальное военное обучение массовым, на фоне чего военная подготовка, обеспечиваемая СВУ, несколько утратила свой «особый» статус.

В начале 1950-х годов общее число СВУ и НВМУ доходило до 19, а к началу же 1970-х гг. осталось лишь 8 училищ¹. Тем не менее за счет того, что срок обучения сократился, а численность обучающихся продолжала составлять «традиционные» 500–600 человек в каждом СВУ и НВМУ, оставшиеся 8 училищ могли обеспечить приток в армию до 1,6 тыс. будущих офицеров ежегодно. Это даже больше, чем во время максимальной численности училищ.

Распад СССР и период становления современной независимой России стал естественной точкой отсчета нового, **четвертого периода** в развитии СВУ. Срок обучения в российских СВУ в 1992 году был вновь продлен до трех лет. Система довузовского военного образования пополнилась такими «коллегами» СВУ и НВМУ, как президентские кадетские училища, морские и казачьи кадетские корпуса, кадетские школы, филиалы НВМУ, пансион воспитанниц.

Директива Министра обороны Российской Федерации А.Э. Сердюкова (№ Д-30 от 21.04.2008) вновь ввела в СВУ семилетний образовательный цикл. Документ требовал в обязательном порядке ввести такой срок обучения (с 4-го класса) в Екатеринбургском, Казанском, Московском, Санкт-Петербургском, Тверском, Ульяновском, Уссурийском суворовских и Нахимовском военно-морском училищах. Начался своего рода «ренессанс» в развитии начального военного профессионального образования. Для СВУ этот новый период ознаменовался важным изменением: продолжение обучения суворовцев в военных вузах стало уже необязательным, тем не менее эту стезю по-прежнему выбирал значительный процент выпускников.

Данный период характеризуется также активным развитием общественных объединений выпускников СВУ и НВМУ, которое началось в последние годы СССР. В 1986 году был создан Всесоюзный суворовско-нахимовский

¹ Казанское, Калининское, Киевское, Ленинградское, Московское, Свердловское и Уссурийское СВУ, а также единственное НВМУ.

клуб (сопредседатели Ю. Г. Стрельцов и В. А. Джанибеков), а двумя годами позже – Московский суворовско-нахимовский клуб². Аналогичные суворовско-нахимовские объединения возникали и в других крупных городах и гарнизонах.

В 2012 году ветеранам СВУ при поддержке депутата Государственной Думы И.А. Яровой удалось инициировать закрепление в ст. 86 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» создание и функционирование ряда учреждений общего и среднего общего образования. Среди них «президентское кадетское училище», «суворовское военное училище», «нахимовское военно-морское училище», «кадетский (морской кадетский) военный корпус», «кадетская школа», «кадетский (морской кадетский) корпус», «казачий кадетский корпус» и профессиональные образовательные организации со специальным наименованием «военно-музыкальное училище» [22]. В качестве цели кадетского образования в Законе была отражена «подготовка несовершеннолетних обучающихся к военной или иной государственной службе, в том числе к государственной службе российского казачества» [22, ст. 86]. Таким образом, можно выделить начало **пятого этапа** в развитии СВУ, продолжающегося и поныне.

На 2018 год в России работали десять суворовских военных училищ Минобороны РФ, а также шесть суворовских училищ Министерства внутренних дел РФ [20]. Если к 1917 году число кадетских корпусов в России достигало 29, то сегодня в нашей стране 32 учебных организации начального военного профессионального образования. Всего же на 2023 год в России действовало около 200 образовательных организаций кадетского типа (куда включаются и СВУ). Как заявил 18 августа 2022 года на форуме «Армия-2022» заместитель министра обороны Российской Федерации, статс-секретарь Н.А. Панков, «в части нашего, да и зарубежного общества бытует мнение, что обучение детей в образовательных организациях кадетского типа направлено на подготовку подрастающего поколения к участию в военных действиях. Это неправда. Предназначение суворовских, нахимовских и кадетских училищ совсем другое – это воспитание будущей национально-ориентированной элиты общества» [9].

Можно говорить об элите исключительно с точки зрения ее принадлежности к власти или даже полной тождественности с властью [21], но можно и воспринимать ее шире, как всю совокупность людей, на которых, образно говоря, «держится государство». Ее воспроизводство в очень значительной степени зависит от качества системы образования. Принимаемые Россией меры по поддержке одаренных детей и молодежи начиная с 2000-х годов говорят о стремлении к равновесию между качественным массовым и эффективным элитным образованием. Многие исследователи элиты считают, что именно эффективное элитное образование обеспечивает успешную реализацию стратегии

² В апреле 2010 года переименован в «Московское содружество суворовцев, нахимовцев и кадет».

развития России в постиндустриальном мире [1; 8]. Вместе с тем у ряда исследователей возникают и сомнения в результативности данной стратегии, что говорит о продолжении дискуссии об элитном и эгалитарном образовании [4]. При этом востребованность юношей (а теперь и девушек), специально подготовленных со школьной скамьи к военной и военизированной государственной службе, можно сказать, не уменьшилась с 1991 года, а даже выросла и продолжает расти с учетом обострившейся международной обстановки и началом Специальной военной операции на Украине.

Приведенная периодизация процесса становления и развития системы СВУ тесно связана как с социально-экономическими, демографическими, политическими, политико-идеологическими процессами в нашей стране, так и с развитием образовательных технологий и требований к образованию. Это заставляет поставить вопрос об определении уровня значимости данной института, как и начального военного профессионального образования в целом, для обеспечения безопасности нашей страны и укрепления ее государственности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашин, Г. К. Стратегия России в постиндустриальном мире и элитное образование / Г. К. Ашин. – Текст : непосредственный // Власть. – 2008. – № 1. – С. 3–11.
2. Бученков, П. А. Суворовское военное / П. А. Бученков. – М. : Воениздат, 1981. – 95 с. – Текст : непосредственный.
3. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская Армия: годы реформ и испытаний. В 2 томах. Том 2. – М. : Историческая литература, 2018. – 480 с. – Текст : непосредственный.
4. Волков, Е. А. Обеспечит ли экономическую безопасность страны элитное образование? / Е. А. Волков. – Текст : непосредственный // Экономика образования. – 2008. – № 4. – С. 160–162.
5. Закон «О всеобщей воинской обязанности». Утвержден Верховным Советом СССР 12 октября 1967 г. – Текст : непосредственный // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1967. – № 42.
6. Записка Р. Малиновского, А. Гречко; указание о рассылке № П1338. 01.06.1960 г. 69с. вх. 3661. – Текст : непосредственный // Российский государственный архив новейшей истории. – Ф. 3. – Оп. 50, ед. хранения № 224. – Д. 34А 10-е. – Л. 70–72.
7. Кунц, Н. З. Становление и развитие суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ / Н. З. Кунц, А. И. Владимиров. – Текст : непосредственный // Академический военный журнал. – 2015. – № 3 (7). – С. 49–61.
8. Российское образование как основа национальной безопасности / Г. Г. Малинецкий, А. В. Гусев, С. А. Торопыгина, О. Н. Капелько. – Текст : непосредственный // Безопасность Евразии. – 2015. – № 1 (49). – С. 306–325.
9. Минобороны назвало суворовские училища местом взращивания элиты будущего. – URL: <https://ria.ru/20220818/uchilischa-1810437655.html> (дата обращения: 19.12.2024). – Текст : электронный.
10. Постановление Президиума ЦК «О суворовских военных и нахимовском военно-морском училищах», 10.01.61 г. П314/39. – Текст : непосредственный // Российский государственный архив новейшей истории. – Ф. 3. – Оп. 50, ед. хранения № 224. – Д. 34А 10-е. – Л. 77–78.

11. Постановление Совета Министров СССР от 8 сентября 1980 г. № 769 «О суворовских военных, нахимовских военно-морских и военно-музыкальных училищах». – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10456.htm (дата обращения: 03.12.2024). – Текст : электронный.

12. Постановление Секретариата ЦК «О реорганизации суворовских военных и нахимовского военно-морского училищ в школы-интернаты», 14.06.60 г. Ст. 153/5с // Российский государственный архив новейшей истории. – Ф. 3. – Оп. 50, ед. хранения № 224. – Д. 34А 10-е. – Л. 73–76. – Текст : непосредственный.

13. Постановление Совета министров СССР от 24 июня 1960 г. № 662 «О реорганизации суворовских военных и нахимовского военно-морского училищ в школы-интернаты». – Текст : непосредственный.

14. Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 25 мая 1956 г. № 720 «О порядке приема в суворовские военные и нахимовские военно-морские училища». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38546&dst=100094#7WYI26UKGMHAnjq51> (дата обращения: 03.12.2024). – Текст : электронный.

15. Протокол № 118 от 19 октября. Постановление Президиума ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». 19 октября 1957 г. // Российский государственный архив новейшей истории. – Ф. 3. – Оп. 14. – Д. 157. – Л. 1. – Текст : непосредственный

16. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 165. – Д. 153. – Л. 41–42. – Текст : непосредственный.

17. Сокращение Вооруженных Сил СССР в середине 50-х годов. – Текст : непосредственный // Военные архивы России. – 1993. – № 1. – С. 271–308.

18. Соловьев, Р. А. Сокращение вооруженных сил СССР 1953–1964 годов в воспоминаниях Н.С. Хрущева / Р. А. Соловьев. – Текст : непосредственный // XX век и Россия: общество, реформы, революции. – 2020. – № 8. – С. 108–115.

19. Соловьев, Р. А. «Специфика военного ремесла требует привития к нему вкуса с детских лет...». Опыт реорганизации системы суворовских военных училищ в 1950–1960-х годах / Р. А. Соловьев. – Текст : непосредственный // Военно-исторический журнал. – 2023. – № 11. – С. 54–61.

20. Суворовские военные училища. Досье. – URL: <https://tass.ru/info/3579999> (дата обращения: 01.10.2024). – Текст : электронный.

21. Тев, Д. Б. Элитное образование как канал рекрутирования властных групп: зарубежный опыт / Д. Б. Тев. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 9 (377). – С. 102–110.

22. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (дата обращения: 11.12.2024). – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Ashin G. K. Strategy of Russia in the post-industrial world and elite education. *Vlast' = Power*, 2008, no. 1, pp. 3–11. (In Russian).

2. Buchenkov P. A. *Suvorovskoe voennoe* [Suvorov military]. M., Voenizdat, 1981. 95 p. (In Russian).

3. *Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii. Sovetskaja Armija: gody reform i ispytaniy* [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation. Soviet Army: years of reforms and trials]. Vol. 2. Moscow: Historical literature, 2018. 480 p. (In Russian).

4. Volkov E.A. Will elite education ensure the economic security of the country? *Jekonomika obrazovanija = Economics of Education*, 2008, no. 4, p. 160–162. (In Russian).

5. Law "On universal military service". Approved by the Supreme Soviet of the USSR on October 12, 1967. *Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR = Gazette of the Supreme Soviet of the USSR*, 1967, no. 42. (In Russian).

6. Note by R. Malinovsky, A. Grechko; instruction on mailing No. P1338. 01.06.1960 г. 69s. vh. 3661. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii = Russian State Archive of Contemporary History*, Fund 3, Inventory 50, Case 224, D. 34A 10, List 70–72. (In Russian).

7. Kunz N. Z., Vladimirov A. I. Formation and development of the Suvorov military and Nakhimov naval schools. *Akademicheskij voennyj zhurnal = Academic military journal*, 2015, no. 3 (7), pp. 49–61. (In Russian).

8. Malinetsky G. G., Gusev A. V., Toropygina S. A., Kapelko O. N. Russian education as the basis of national security. *Bezopasnost' Evrazii = Security of Eurasia*, 2015, no. 1 (49), pp. 306–325 (In Russian).

9. *Minoborony nazvalo suvorovskie uchilishha mestom vzrashhivaniya jelity budushhego* [The Ministry of Defense called the Suvorov schools a place for cultivating the elite of the future]. URL: <https://ria.ru/20220818/uchilishha-1810437655.html>. (In Russian).

10. Resolution of the Presidium of the Central Committee "On the Suvorov Military and Nakhimov Naval Schools", 10.01.61. P314/39. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii = Russian State Archive of Contemporary History*, Fund 3, Inventory 50, Case 224, D. 34A 10. List 77–78. (In Russian).

11. *Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 8 sentjabrja 1980 g. № 769 "O suvorovskih voennyh, nahimovskih voenno-morskih i voenno-muzykal'nyh uchilishhah"* [Resolution of the Council of Ministers of the USSR of September 8, 1980, No. 769 "On Suvorov military, Nakhimov naval and military music schools"]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10456.htm. (In Russian).

12. Resolution of the Secretariat of the Central Committee "On the reorganization of the Suvorov military and Nakhimov naval schools into boarding schools", 14.06.60. Art. 153/5c. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii = Russian State Archive of Contemporary History*, Fund 3, Inventory 50, Case 224, D. 34A 10. List 73–76. (In Russian).

13. *Postanovlenie Soveta ministrov SSSR ot 24 ijunja 1960 g. № 662 "O reorganizacii suvorovskih voennyh i nahimovskogo voenno-morskogo uchilishh v shkoly-internaty"* [Decree of the Council of Ministers of the USSR of June 24, 1960, No. 662 "On the reorganization of the Suvorov military and Nakhimov naval schools into boarding schools"]. (In Russian).

14. *Postanovlenie Central'nogo Komiteta KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 25 maja 1956 g. № 720 "O porjadke priema v suvorovskie voennye i nahimovskie voenno-morskie uchilishha"* [Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated May 25, 1956, No. 720 "On the procedure for admission to the Suvorov military and Nakhimov naval schools"]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38546&dst=100094#7WYI26UKGMHAnjq51>. (In Russian).

15. Protocol No. 118 of October 19. Resolution of the Presidium of the CPSU Central Committee "On the Improvement of Party and Political Work in the Soviet Army and Navy". October 19, 1957. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii = Russian State Archive of Contemporary History*, Fund 3, Inventory 14, Case 157, List 1. (In Russian).

16. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History], Fund 17, Inventory 165, Case 153. (In Russian).
17. Sokrashhenie Vooruzhjonnyh Sil SSSR v seredine 50-h godov [Reduction of the Armed Forces of the USSR in the mid-50s]. *Voennye arkhivy Rossii = Military Archives of Russia*, 1993, no. 1, pp. 271–308. (In Russian).
18. Solovyov R. A. Reduction of the armed forces of the USSR 1953–1964 in the memoirs of N.S. Khrushchev. *XX vek i Rossija: obshhestvo, reformy, revoljucii = 20th century and Russia: society, reforms, revolutions*, 2020, no. 8, pp. 108–115. (In Russian).
19. Solovyov R. A. "The specificity of military craft requires instilling a taste for it from childhood..." Experience of reorganizing the system of Suvorov military schools in the 1950s–1960s. *Voенно-istoricheskij zhurnal = Military History Journal*, 2023, no. 11, pp. 54–61. (In Russian).
20. *Suvorovskie voennye uchilishha. Dos'e* [Suvorov military schools. Dossier]. URL: <https://tass.ru/info/3579999>. (In Russian).
21. Tev D. B. Elite education as a channel for recruiting power groups: foreign experience. *Sociologicheskie issledovanija = Sociological research*, 2015, no. 9 (377), pp. 102–110. (In Russian).
22. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" [Federal Law of December 29, 2012, No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation"]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Коханов, Д. Ф. К вопросу о периодизации развития суворовских училищ с 1950-х годов по настоящее время / Д. Ф. Коханов, Л. Г. Орчакова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 116–126.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kokhanov D. F., Orchakova L. G. On the Issue of Periodization of the Development of Suvorov Schools From the 1950s to the Present / D. F. Kokhanov, L. G. Orchakova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 116–126. (In Russian).

УДК 93.94

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ РЕФОРМЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.:
ЗАМЫСЛЫ И КРИТЕРИИ**

В.А. Матвеев

**DESIGNING THE DECENTRALIZATION REFORM
OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY:
IDEAS AND CRITERIA**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отражен результат исследования намечавшихся в начале XX в. преобразований существовавшей российской субъектности. Наряду с проработанными реформами в экономической и социальной сферах в повестку ставилась также федерализация империи с приданием автономного статуса образуемым областям. Предполагалось установление видоизмененного баланса между центром и периферией, так как самоуправления с внешними государственными ограничениями являлись сопутствиями обустройства и ранее. Самостоятельность повышалась за счет ожидавшегося учреждения в областях местных парламентов (земских собраний) и подотчетных им правительств. Необходимая для обеспечения территориальной целостности государства и эффективности управления унитарная составляющая нормативными описаниями не исключалась. Оптимизация с такой направленностью, по мнению автора, предоставляла дополнительные возможности для сплочения в согражданство при сохранении самобытности всех российских народов. Тем не менее допускались и иные подходы. Соблюдался при этом эволюционный критерий постепенности перемен.

Abstract. The article presents the results of a study on the planned transformations of Russian statehood at the beginning of the 20th century. Alongside ongoing reforms in the economic and social spheres, the federalization of the empire, involving the granting of autonomous status to newly formed regions, was also on the agenda. The intention was to establish a modified balance between the center and the periphery, as self-government with external state constraints had previously accompanied governance structures. Independence was expected to be strengthened through the establishment of local parliaments (zemstvo assemblies) and governments accountable to them. At the same time, the unitary component, necessary to ensure the territorial integrity of the state and the effectiveness of governance, was not excluded from normative descriptions. According to the author, such an optimization approach provided additional opportunities for fostering civic unity while preserving the cultural identity of all Russian peoples. Nevertheless, alternative approaches were also considered. Throughout this process, the evolutionary criterion of gradual change was observed.

Ключевые слова: автономная субъектность, государственная подчиненность, децентрализация империи, земские собрания, местные правительства, областная реформа, оптимизация устройства, разновидность федерализации, унитарные связи.

Keywords: autonomous statehood, state subordination, decentralization of the empire, zemstvo assemblies, local governments, regional reform, structural optimization, a form of federalization, unitary ties.

В биографическом очерке о представителе исторической школы Киевского императорского университета М.П. Драгоманове (1841–1895) правовед и социолог Б.А. Кистяковский (1868–1920) упрекнул С.Ю. Витте (1849–1915) в том, что он при использовании его наследия только в отдельных случаях делает ссылки на заимствования, хотя многие другие из него положения «списывает» без соответствующих указаний [1, с. XXXV]. Замечание касалось прежде всего выделенной в публицистике ученого необходимости преобразования Российской империи в федерацию, в которой все субъекты будут наделены автономным статусом. Существовавшие губернии М.П. Драгомановым предлагалось переименовать в области с предоставлением им возможности самоуправления.

Изменение в его публицистике получило между тем лишь самое общее не всегда соотносившееся с конкретными условиями обозначение в качестве актуальной для сохранения целостности российской государственности реформы. Привязка же к источникам использованной информации обязательна лишь в научных исследованиях. Из них в проводимую политику отбираются, как правило, только отдельные соотносящиеся с существующими проблемами содержащиеся в концептуальных версиях аспекты. На основе их перспективных вариантов оформляются критерии (принципы), придающие направленность преобразовательной деятельности. О федерализации Российской империи в оставленных мемуарных заметках между тем С.Ю. Витте ничего не упоминал.

Если бы он имел причастность к соответствующим реформаторским инициативам, изложил бы свою позицию и по этому поводу. Ведь отразил же С.Ю. Витте свои соображения о невозможности проводить в Российской империи «узконациональную политику» [2, с. 30]. Предостережения на этот счет он не единожды делал в служебной переписке. Каких-либо соображений о федерализации С.Ю. Витте между тем в воспоминаниях не представил. Концепцию же реформ в экономической и социальной сферах даже при наличии длительного опыта государственной службы в значительной мере он воспринял от предшественников.

Приближенные к системным усовершенствованиям в политическом строе Российской империи допускались, к слову, еще в предназначавшемся для Николая II «всеподданнейшем докладе» министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского (1857–1914). Должность он занимал с 26 августа 1904 г. Не исключено, что какие-то обсуждения преобразований Российской империи в министерстве внутренних дел велись и до назначения на руководство им П.Д. Святополк-Мирского. Подготовленный же проект появился тем не менее лишь в период, когда он возглавлял ведомство. Именно при П.Д. Святополке-Мирском курс на реформы получил предварительные наброски.

На их основе 12 декабря 1904 г. был издан высочайший указ «О начертаниях к усовершенствованию государственного порядка», предусматривавший по воспоминаниям помощника министра внутренних дел

С.Е. Крыжановского (1862–1935), «введение большей части предложений», изложенных во всеподданнейшем докладе. Занимая в ведомстве вспомогательные должности, он как юрист привлекался и до этого к экспертизам и редактированию нормативных постановлений. С возлагавшимися поручениями С.Е. Крыжановский справлялся блестяще. О «разработанных мерах» по преобразованию важнейших государственных сфер, согласно его свидетельству, в высочайшем указе от 12 декабря 1904 г. «говорилось в общей форме». Программа реформ П.Д. Святополк-Мирского сводилась к «устройству крестьянской жизни, расширению прав земских и городских учреждений... введению начал религиозной терпимости и т. д.» [3, с. 34].

Намечалось привлечение «к делам местного устройства более широких кругов населения» и предоставление областным «учреждениям большей хозяйственной самостоятельности». Предусматривалось допущение народных представителей «к участию в законодательной деятельности» [3, с. 23]. Предполагалось также распространить земские структуры «на всю империю и расширение слоев населения, в них представленных» [3, с. 24]. К управлению в составленном С.Е. Крыжановским и поддержанным П.А. Столыпиным проекте предусматривалось более широко, чем прежде, привлекать представителей от местного населения и на окраинах [4, с. 18]. Реформой создавались, таким образом, условия для постепенного обеспечения народного представительства в законодательной деятельности. Разработчики полагали, что это поспособствует оптимизации государственного управления «как в географическом отношении, так и в смысле углубления социального базиса» его поддержки [3, с. 24].

Дифференцированность с признаками особой разновидности федерализации до этого существовала внутри субъектов Российской империи. Так, в представлении Николаю II специфики обустройства Ставропольской губернии упоминалось, что в ее составе находится «пять уездов и особая территория инородцев» [5, л. 252]. Занимаемые пространства «туземными обществами» на Кавказе и других окраинах российским законодательством признавались неприкосновенными. Русская колонизация допускалась только на целинные и заброшенные земли. Наделенные статусом самоуправления административные образования функционировали везде, где был имевший этническую или иную самобытность состав населения. Общероссийские государственные ограничения устанавливались лишь внешние. Система управления являлась косвенной.

Вмешательство в традиционные распорядки, на которых преимущественно строилось ее функционирование, при соблюдении имперских законов не происходило. По мере же развития интеграционного процесса данное обустройство также нуждалось в соответствии с изменившимися обстоятельствами в совершенствовании. К проектированию реформы с направленностью на установление в Российской империи не только внутренних локальных, но и субъектных соединенных в федерацию автономий на правительственном

уровне приступили, по всей видимости, тогда, когда другие инициативы получили надлежащую предварительную оформленность.

Редактировавший нормативные сопровождения предполагавшихся преобразований С.Е. Крыжановский засвидетельствовал в воспоминаниях, что к всеподданнейшему докладу П.Д. Святополк-Мирского прилагался и предварительный вариант высочайшего манифеста, «возвещавшего намеченные меры и устанавливающего порядок разработки соответствующих законоположений особой комиссией». Ей, как и привлекавшемуся к обсуждениям Государственному совету, устанавливались самые короткие сроки [3, с. 24]. По ряду инициатив С.Ю. Витте выступал первоначально с возражениями.

Вспоминая об этом, С.Е. Крыжановский предположил, что он намеревался «вырвать дело... и оставить себе» [3, с. 28]. Если это так, то С.Ю. Витте цели удалось достигнуть. Через непродолжительное время на посвященном обсуждению реформ заседании ему действительно «высочайше» было поручено «рассмотреть в Комитете министров вопрос о намечаемых преобразованиях» и взять для этого у отправленного 18 января 1905 г. в отставку П.Д. Святополк-Мирского доклад и прилагавшийся к нему предварительный текст манифеста [3, с. 28]. Исходившее от Николая II распоряжение указывает на то, что проектировавшиеся реформы он так или иначе намеревался поддержать.

У С.Ю. Витте как председателя Комитета министров опасения вызывало то, что политические преобразования будут происходить при крайне низком культурном уровне населения. Выступая по различным поводам на совещаниях, он нередко, по свидетельству С.Е. Крыжановского, демонстрировал то, что «имел... очень неясное представление о внутренних делах империи» [3, с. 57]. Однако в ряде вопросов С.Ю. Витте показывал все же хорошую осведомленность и понимание в ряде случаев, какие необходимо производить преобразования для обеспечения прогресса [6, с. 242–261]. Перехватывал же он передовые и перспективные идеи. Заимствования, которые впоследствии приносили известность, С.Ю. Витте производились и в период, когда приходилось возглавлять министерство финансов. Им использовались тогда рекомендации предшественника Н.Х. Бунге (1823–1895), имевшего глубокие научные познания и выверенные представления об экономических реформах.

Вступив в 1906 г. в должность председателя Совета министров И.Л. Горемыкин (1839–1917) попросил С.Е. Крыжановского предоставить ему копию всеподданнейшего доклада князя П.Д. Святополк-Мирского. Какой-то разговор об этом, видимо, у него предварительно состоялся с Николаем II, который был не только ознакомлен с его содержанием, но и благосклонно относился к намечавшимся преобразованиям. Но и в этом случае твердость в его позиции отсутствовала. Колебания выражались в том числе в смещениях министров. В отставке вскоре оказался и И.Л. Горемыкин. Полученную копию доклада по просьбе Николая II совместно с другими бумагами он при сдаче дел передал П.А. Столыпину (1862–1911). С.Е. Крыжановский засвидетельствовал,

что избранные им направленность и программа реформ были именно те, которые «проектировал два года назад князь Святополк-Мирский» [3, с. 86].

Некоторые места отражавшего подходы доклада, по свидетельству С.Е. Крыжановского, были подчеркнуты монархом или имели сделанные им пометки [3, с. 29]. Их Николай II по обыкновению оставлял на полях при просмотре предоставлявшихся ежегодных отчетов губернаторов и начальников областей, издававшихся в местных типографиях. Подчеркиваниями в тексте и комментариями он выражал свое отношение к тем или иным описаниям или излагавшимся предложениям. Пометки кем-либо из приближенных помощников заверялись указанием на полях справа: «Собственно его величества рукою подчеркнуто...» [7, л. 34 об.]. Иногда Николаем II вписывались отражавшие его восприятие резолюции. У одного из вызвавших одобрительную реакцию фрагментов он оставил, например, резюме «Безусловно – да» [8, л. 42 об.].

Размышления монарха по поводу предложений передавались внизу после его записей также на полях кем-либо из уполномоченных на это. Повторы с полной передачей содержания написанного императором заверял, пока обладал полномочиями, «генерал от кавалерии Сухомлинов», а в другие периоды кто-то другой из высокопоставленных сановников [9, л. 11]. По оставлявшимся Николаем II на полях отчетов записям также прослеживается, что реакция его на те или иные предложения оказывалась «двойственной и нерешительной» [4, с. 17]. Возможность же опереться на талантливых и обладавших опытом представителей аппарата управления у него между тем существовала.

Одним из них как раз и был С.Е. Крыжановский. Сын П.А. Столыпина А.П. Столыпин (1903–1990), учитывая и другие отзывы, причислил его к «выдающимся деятелям» Российской империи начала XX в. В воспоминаниях об отце он засвидетельствовал, что проекты государственных преобразований С.Е. Крыжановским «были составлены почти все... лично». Наряду с некоторыми другими чиновниками он относился к категории честных и преданных «своему делу» государственных служащих [4 с. 15]. С изданием соответствующих высочайших указов, предварительно подготовленных по поручению П.А. Столыпина или им самим, ряд намеченных реформ осенью 1906 г. начали осуществляться [3, с. 29]. Проектирование областной реформы при нем опиралось на какие-то предварительные наработки. В качестве назревшей необходимости обозначалась и децентрализация Российской империи [10, с. 21].

Установку на это П.А. Столыпин дал С.Е. Крыжановскому в 1907 г. [4, с. 17]. Подходы к преобразованию существовавшей субъектности в федерацию самоуправляющихся областей, как можно судить по проектированию, ослабления объединяющей государственное управление вертикали не предполагали. Производился поиск баланса. Соблюдался вместе с тем критерий исторической справедливости и преемственности. При проектировании по-прежнему учитывалась этническая специфика местностей, бравшаяся за основу при определении границ

того или иного субъекта. В предшествующих административно-территориальных преобразованиях данный критерий выдерживался, но не получал из-за возникавших сложностей повсеместного воплощения.

Подтверждением может, в частности, служить статус в составе Царства Польского Холмского края, преобладающая часть населения которого в начале XX в. не утратила еще русской идентичности. Вследствие сохранявшейся угрозы ее полного подавления П.А. Столыпин поручил С.Е. Крыжановскому составить проект, опирающийся не только на исходившие от православного восточнославянского населения пожелания. Оформлялись они неоднократно и направлялись в правительственные инстанции в виде ходатайств. Принимались во внимание и обоснования ученых Варшавского императорского университета. О ситуации в Холмском крае С.Е. Крыжановский имел и личную осведомленность, так как там находилось имение его родителей и он неоднократно туда приезжал из Киева на каникулы в разные периоды получения образования. Посещения происходили и впоследствии.

Зная специфику Холмского края, позицию П.А. Столыпина и в данном вопросе С.Е. Крыжановский полностью разделял. Проектирование соответствующего преобразования на него было возложено в 1908 г., когда составление областной реформы еще только происходило и не имело завершенности. Именно поэтому Холмскую Русь предполагалось выделить из Царства Польского в губернию. В ее состав «должны были быть включены лишь местности, в которых население сохранило русский облик» [4, с. 16]. Уезды (поветы), где оно уже восприняло католицизм и подверглось «ополячиванию», оставались по первоначальному варианту в Царстве Польском [4, с. 16]. Корректировка на полное включение появилась из-за вмешательства относившихся к русским националистам депутатов Государственной думы.

По предупреждению С.Е. Крыжановского утратившее в той или иной степени прежнюю восточнославянскую идентичность меньшинство может в совокупности с проживавшими поляками при возникновении каких-либо кризисных обстоятельств проявить склонность к сепаратизму и поспособствовать отрыву всего Холмского края от России. Взамен выделявшимся уездам предусматривалась территориальная компенсация. В состав Царства Польского передавались населенные поляками «части Вельского и Белостокского уездов» Гродненской губернии [4, с. 16]. Размежевание, как видно, основывалось на соблюдении признававшегося руководством Российской империи «этнографического» и конфессионального признака. Официально же «вопрос о Холмщине» на правительственном уровне стал рассматриваться после неоднократных многолетних ходатайств, исходивших от местного восточнославянского населения, «желавшего слиться с общерусской стихией» [4, с. 16].

Но была и другая причина, не подлежавшая до поры до времени официальной огласке. А.П. Столыпин засвидетельствовал в воспоминаниях наличие у отца понимания необходимости определения выверенной «национально-государственной границы между Россией и Польшей», так как на 1920 г.

намечалось полное отделение этой подвергнувшейся лишь поверхностной интеграции окраины [4, с. 16]. Поскольку проект областной реформы находился в стадии разработки и к его практическому осуществлению еще не приступили, намечавшееся выделение из Царства Польского Холмской Руси и производилось, как уже отмечалось, по губернскому варианту. Дальнейшие изменения статуса вместе с тем не исключались.

Осведомленность об этом и содержании проектировавшихся реформ А.П. Столыпин, судя по всему, получил из находившегося в его распоряжении семейного архива. Привлекавшиеся им для воспоминаний об отце документы имели отредактированность и подготовленность для формирования законодательной платформы. Собственные познания А.П. Столыпин использовать не мог, так как в момент гибели отца в 1911 г. от рук террориста Д.Г. Богрова был еще восьмилетним ребенком. Поскольку в воспоминаниях он отразил краткое содержание реформ П.А. Столыпина, в том числе и предполагавшиеся преобразования субъектности, можно сделать вывод, что децентрализации Российской империи придавалось немаловажное значение. Использовался данный вариант преобразования и для противодействия угрозам сепаратизма.

Выделение «в особую административную единицу местностей, в которых сосредотачивается истари чисто русское население» предусматривалось также со временем произвести в Западном и Прибалтийском краях. При этом учитывалось то, что оно так же, как и в Царстве Польском, имеет «свои специальные интересы», которые правительством игнорироваться не могут [11, с. 58]. В отличие от преобразования субъектности «Холмской Руси» конкретной оформленности данному намерению не было придано. Децентрализация Российской империи сводилась в соответствии с реформаторской инициативой прежде всего к приданию большей самостоятельности местным земским учреждениям. В свою очередь на них должно было опираться управление волостей. Сословная представленность в нем так же, как и в земских ячейках на местах, согласно проектированию, отменялась [11, с. 57].

Децентрализация выводилась на самые низшие уровни системы управления Российской империи. П.А. Столыпиным при обсуждениях отстаивалась потребность «создания устойчивых самоуправляющихся ячеек». Данный критерий и закладывался в основу проектировавшейся реформы. Осуществлением ее предусматривалось достичь приближения «органов самоуправления к населению в виде установления всесословной волости как мелкой земской единицы». Намечалось вместе с тем «привлечение большого числа лиц к задачам самоуправления посредством уменьшения цензовых норм». Расширялись и «компетенции органов самоуправления» [12, с. 71].

Оформлявшаяся при поддержке П.А. Столыпина концепция переустройства Российской империи предполагала и областную реформу, отражавшую следующий уровень в преобразовании существовавшей субъектности. Эволюционный отбор наиболее жизнеспособных элементов обеспечивался

и в этом случае. Наряду с нововведениями достигалось, по сути, усовершенствование того, что было. По разрабатывавшейся областной реформе Российскую империю предусматривалось разделить на области, с предоставлением им права самоуправления. На начальной стадии намечалось создать 11 таких субъектов, а затем увеличить их количество [10, с. 21].

Разделение Российской империи «на области, располагающие правами самоуправления», проектировалось с допущением в них «представительных учреждений». Реформа распространялась в соответствии с ним прежде всего на те государственные субъекты, которые имели «однородное целое... в этническом отношении». Поскольку данный показатель в ареалах со смешанным составом населения не всегда можно было выделить, при установлении границ признавалось необходимым учитывать бытовые особенности и установившиеся экономические связи [4, с. 17].

Поддержанный П.А. Столыпиным проект включал создание в областях наделенных полномочиями составления и принятия местных законов избираемых представительных органов (земских собраний). Исполнительные функции предоставлялись подотчетным перед ними и центральной властью правительствам [10, с. 21]. Автономность обеспечивалась и за счет того, что к управлению после осуществления реформы должны были привлекаться «местные деятели». Областные земские собрания наделялись законодательной инициативой «по всем предметам, не имеющим общегосударственного значения» [10, с. 21]. Образование их намечалось «на общих основаниях, привитых для земских выборов». Областные земские собрания, согласно замыслу, наделялись правом местного законодательства [4, с. 17].

В западных ареалах Российской империи наряду с предоставлением автономии Прибалтийской и Северо-Западной областям введение ее предусматривалось также для Левобережной и Правобережной Украины [10, с. 21]. В ее состав, вопреки вожелениям приверженцев зарождавшегося украинского национализма, Новороссия не включалась. На государственном уровне во внимание принимались объективные показатели, выделявшиеся из практического опыта управления. При формировании северной административной границы Новороссии часть сопредельных территорий присоединялась к ней лишь на какое-то время. При дальнейших административных размежеваниях «древние пределы Малороссии» восстанавливались и последующими изменениями не затрагивались [13, с. 275]. Временное присоединение вызывалось, судя по всему, нехваткой на ранних этапах после присоединения людских ресурсов для колонизации и освоения края [14, с. 20].

В дальнейшем на всей протяженности от Днестра и до Кавказских гор складывалась региональная совмещенность не только пространства, но и общность населения. Наряду с внешними внутренними различия, безусловно, существовали [14, с. 21]. Интеграционные процессы приводили к ослаблению субэтнических восточнославянских слагаемых и утверждению русской идентичности. Пространство Северного Причерноморья и Приазовья как Украина

проживавшими в его пределах не воспринималось. Бытовавшие утверждения об этом были оторваны от реальности. В начале XX в. к малороссам, к слову, на Кавказе относили себя лишь «недавние переселенцы» из губерний Левобережья и Правобережья Днепра [14, с. 119]. Это позволяет заметить, что такое самоотождествление сохранялось именно там и украинство на него еще только под воздействием пропаганды насаждалось.

Сельское население в ареалах смешанной колонизации на юге при опросах заявляло «Мы русские» [14, с. 121]. Показательны в этом отношении и заявления депутатов Государственной думы, избранных в относившихся к Украине субъектах. На заседаниях в случаях, если кто-то называл их «иногородцами», они категорически протестовали, а в возражениях подчеркивали, что они русские и просили это учитывать [14, с. 124]. Встречавшиеся отклонения являлись исключениями. При сохранявшемся единстве государственного пространства значения им не придавалось. Проектировавшееся разделение Российской империи на наделяемые автономным статусом области в начале XX в. способствовало бы установлению симметричной федерации. Пределы же самостоятельности субъектов никогда не могут быть полными. Государственные ограничения для поддержания взаимодействия по вертикали также необходимы.

Местные управленческие элиты в своей деятельности обязаны руководствоваться общим законодательством и распоряжениями правительства. Это принималось во внимание при составлении проектов преобразований субъектности и окраин Российской империи. Их статус намечалось привести с ненарушением условий сохранения самобытности в соответствии «к предполагаемому новому строю внутренних губерний». Применявшийся в проводимой политике на окраинах и в отношении всех иноэтнических подданных критерий «единого Отечества» при этом по-прежнему полностью выдерживался. Выступая 16 ноября 1907 г. в Государственной думе П.А. Столыпин заявил, что «руководящей» для правительства служит «идея государственного единства и целостности». Соответствующий проект реформы намечалось «предложить на обсуждение Государственной думы» [15, с. 110].

Проектировавшаяся децентрализация Российской империи, как можно проследить по изложенному выше, завершенности не имела. Производился поиск наиболее соответствовавшего реалиям варианта реформы. Замыслы разработчиками соотносились с соответствовавшими действительности критериями. В намечавшемся преобразовании выдерживался показатель равной субъектности. Это привело бы к установлению федерации областей, самоуправление которых наделялось автономными полномочиями. Разрабатывавшийся при П.А. Столыпине проект областной реформы не отвергал сохранение унитарной взаимозависимости. В предварительных описаниях ее преобразующего предназначения она, во всяком случае, так или иначе прослеживается.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кистяковский, Б. А. М.П. Драгоманов. Его политические взгляды, литературная деятельность и жизнь / Б. А. Кистяковский. – Текст : непосредственный // Драгоманов М. П. Политические сочинения. Том I / под редакцией профессора И. М. Гревса и Б. А. Кистяковского. – М. : Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1907. – С. IX–LXXII.
2. Витте, С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. / С. Ю. Витте. – М. : Мысль, 1991. – 708 с. – Текст : непосредственный.
3. Крыжановский, С. Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи / С. Е. Крыжановский. – М. : Центрополиграф, 2022. – 191 с. – Текст : непосредственный.
4. Столыпин, А. П. Слово об отце / А. П. Столыпин. – Текст : непосредственный // Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия! : полное собрание речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / составление, примечания, вступительная статья Ю. Г. Фельштинского. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2011. – С. 14–19.
5. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 970 (Военно-походная канцелярия Е.И.В. при императорской квартире). – Оп. 3. – Д. 1939. – Текст : непосредственный.
6. Записка С.Ю. Витте по «мусульманскому вопросу», 1900 г. – Текст : непосредственный // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) : сборник материалов / составитель и автор вступительной статьи, предисловия и комментариев Д. Ю. Арапов. – М. : Наталис, 2006. – С. 242–261.
7. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 970 (Военно-походная канцелярия Е.И.В. при императорской квартире). – Оп. 3. – Д. 1115. – Текст : непосредственный.
8. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 970 (Военно-походная канцелярия Е.И.В. при императорской квартире). – Оп. 3. – Д. 1945. – Текст : непосредственный.
9. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 970 (Военно-походная канцелярия Е.И.В. при императорской квартире). – Оп. 3. – Д. 1518. – Текст : непосредственный.
10. Столыпин, П. А. Нам нужна Великая Россия... : полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 411 с. – Текст : непосредственный.
11. Первое выступление П.А. Столыпина во Второй Государственной думе в качестве председателя Совета министров 6 марта 1907 года. – Текст : непосредственный // Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия! : полное собрание речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / составление, примечания, вступительная статья Ю. Г. Фельштинского. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2011. – С. 52–66.
12. Заявление П.А. Столыпина в связи с производством выборов во Вторую Государственную думу // Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия! : полное собрание речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / составление, примечания, вступительная статья Ю. Г. Фельштинского. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2011. – С. 70–72. – Текст : непосредственный.
13. Рождение Новороссии. От Екатерины II до Александра I. События, воспоминания, документы / авторы-составители: В.В. Артемов, Ю.Н. Лубченков. – М. : Вече, 2015. – 320 с. – Текст : непосредственный.

14. Марчуков, А. В. Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.) / А. В. Марчуков. – М. : Кучковое поле, 2018. – 512 с. – Текст : непосредственный.

15. Первая речь П.А. Столыпина в Третьей Государственной думе, произнесенная 16 ноября 1907 года // Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия! : полное собрание речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / составление, примечания, вступительная статья Ю. Г. Фельштинского. – М. : Книжный Клуб Книговек, 2011. – С. 106–111. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Kistyakovskii B. A. M. P. Dragomanov. His political views, literary activity and life. *Dragomanov M. P. Politicheskie sochineniya = Dragomanov M. P. Political writings*, vol. I. M., Printing House of the I.D. Sytin Partnership, 1907, pp. IX–LXXII. (In Russian).

2. Vitte S. Yu. *Izbrannye vospominaniya, 1849–1911 gg.* [Selected memoirs, 1849–1911]. M., Mysl, 1991. 708 p. (In Russian).

3. Kryzhanovskii S. E. *Vospominaniya: iz bumag poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiiskoi imperii* [Memoirs: from the papers of the last state Secretary of the Russian Empire]. M., Centropoligraf, 2022. 191 p. (In Russian).

4. Stolypin A. P. A word about the father. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya! : polnoe sobranie rechej P.A. Stolypina v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg.* = *We need a Great Russia! The Complete collection of speeches by P.A. Stolypin in the State Duma and the State Council. 1906–1911.* M., Book Club Knigovok, 2011, pp. 14–19. (In Russian).

5. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 970 (Military Campaign Chancellery of E.I.V. at the Imperial apartment), Op. 3, D. 1939. (In Russian).

6. S. Y. Witte's note on the "Muslim question", 1900. *Imperatorskaya Rossiya i musul'manskij mir (konec XVIII – nachalo XX v.) = Imperial Russia and the Muslim world (late XVIII – early XX centuries)*. M., Natalis, 2006, pp. 242–261, (In Russian).

7. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 970 (Military Campaign Chancellery of E.I.V. at the Imperial apartment), Op. 3, D. 1115. (In Russian).

8. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 970 (Military Campaign Chancellery of E.I.V. at the Imperial apartment), Op. 3, D. 1945. (In Russian).

9. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 970 (Military Campaign Chancellery of E.I.V. at the Imperial apartment), Op. 3, D. 1518. (In Russian).

10. Stolypin P. A. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya... : polnoe sobranie rechej v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg.* [We need a Great Russia... : Complete collection of speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. M., Molodaya Gvardiya, 1991. 411 p. (In Russian).

11. The first speech of P.A. Stolypin in the Second State Duma as Chairman of the Council of Ministers on March 6, 1907. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya! : polnoe sobranie rechej P.A. Stolypina v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg.* = *We need a Great Russia! The Complete collection of speeches by P.A. Stolypin in the State Duma and the State Council. 1906–1911.* M., Book Club Knigovok, 2011, pp. 52–66. (In Russian).

12. Statement by P.A. Stolypin in connection with the conduct of elections to the Second State Duma. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya! : polnoe sobranie rechej P.A. Stolypina v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg.* = *We need a Great Russia! The Complete collection of speeches by P.A. Stolypin in the State Duma and the State Council. 1906–1911.* М., Book Club Knigovok, 2011, pp. 70–72. (In Russian).

13. Artemov V. V., Lubchenkov Yu. N. (authors-compilers). *Rozhdenie Novorossii. Ot Ekateriny II do Aleksandra I. Sobytiya, vospominaniya, dokumenty* [The birth of Novorossiia. From Catherine II to Alexander I. Events, memories, documents]. М., Veche, 2015. 320 p. (In Russian).

14. Marchukov A. V. *Novorossiya: formirovanie natsional'nykh identichnostei (XVIII–XX vv.)*. [Novorossiia: formation of national identities (XVIII–XX centuries)]. М., Kuchkovo pole, 2018. 512 p. (In Russian).

15. The first speech of P.A. Stolypin in the Third State Duma, delivered on November 16, 1907. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya! : polnoe sobranie rechej P.A. Stolypina v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg.* = *We need a Great Russia! The Complete collection of speeches by P. A. Stolypin in the State Duma and the State Council. 1906–1911.* М., Book Club Knigovok, 2011, pp. 106–111. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Проектирование реформы децентрализации Российской империи в начале XX в.: замыслы и критерии / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 127–138.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. Designing the Decentralization Reform of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century: Ideas and Criteria / V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 127–138. (In Russian).

УДК 94 (470.6) "18"

**ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО
И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В СЕРЕДИНЕ XIX В.**

И.В. Середина

**TRADITIONAL ECONOMY
AND CAPITALIST PROSPECTS
FOR THE AUTOCHTHONIC POPULATION OF THE NORTH CAUCASUS
IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY**

I.V. Seredina

Аннотация. В статье раскрывается проблема, связанная с переходом традиционного хозяйства горцев Северного Кавказа к капиталистическому способу производства. Показаны перспективы внедрения рыночной экономики в местный уклад, ориентированный на удовлетворение потребностей замкнутого общества, жившего в условиях натурального хозяйства. Анализируются тенденции экономического развития народов региона, позволяющие видеть зарождение таких изменений, отражавшихся не только на деятельности местных сообществ, но и на трансформации менталитета жителей края. Постепенно преодолевались предубеждения, связанные с торговой деятельностью, считавшейся «постыдной» с точки зрения воинской культуры. Власти всячески приветствовали и поощряли такие изменения. Демонстрируется наличие специализации в выполнении определенного вида работ. Выясняются причины, ограничивающие возможности традиционных горских видов хозяйственной деятельности адаптироваться к новым историческим вызовам.

Abstract. The article reveals the problem associated with the transition of the traditional economy of the highlanders of the North Caucasus to the capitalist mode of production. The prospects for introducing a market economy into the local way of life, focused on meeting the needs of a closed society living in a subsistence economy, are shown. The trends in the economic development of the peoples of the region are analyzed, allowing us to see the emergence of such changes, which affected not only the activities of local communities, but also the transformation of the mentality of the inhabitants of the region. Gradually, prejudices associated with trading activities, which were considered "shameful" from the point of view of military culture, were overcome. The authorities strongly welcomed and encouraged such changes. The presence of specialization in performing a certain type of work is demonstrated. The reasons that limit the ability of traditional mountain types of economic activity to adapt to new historical challenges are revealed.

Ключевые слова: торговля, горцы, земледелие, скотоводство, ремесло, рынок, товар, производство, Северный Кавказ.

Keywords: trade, highlanders, agriculture, cattle breeding, craft, market, goods, production, North Caucasus.

Даже в разгар вооруженного противостояния с Россией горские общества не отказывались от взаимодействия с ней в экономической сфере. Использовать в полной мере те возможности, которые готова была предложить им

империя, они, сдерживаемые суровой деспотией мюридов, не могли, но и в этих неблагоприятных обстоятельствах, находились ниши, позволявшие наладить сотрудничество. В традиционном укладе горцев был потенциал, который мог реализоваться на качественно новом уровне и при распространении капиталистического способа производства. Именно он должен был стать базисом для последующих революционных изменений в жизни народов Кавказа, должен был трансформировать их повседневность, отразившись на материальной культуре, а затем и изменив духовные потребности.

К середине XIX в. стало понятно, на какие результаты можно рассчитывать, пытаясь привязать северокавказские общества к русскому рынку. Правительство избавилось от иллюзий, которые долго сохранялись в отношении способов бесконфликтного «умиротворения» воинственных обитателей суровых гор. Уже не звучали голоса в поддержку благотворных «роскошеств», приобщение к которым должно было, по мысли части имперской элиты, изменить потребности сторонников маскулинных ценностей. Только сочетание военных и мирных, культурных и социальных рычагов воздействия могло привести к кардинальным переменам в крае. При этом именно военные способы давления признавались доминирующими в сложившихся обстоятельствах.

Однозначно отвергать благотворное влияние хозяйственных связей царская администрация не собиралась. Тщательно анализировались приемлемые виды экономического взаимодействия, которые оказывались полезны как горцам, так и их русским соседям. Власти поощряли подобное сближение, весьма прагматично пытаясь монополизировать целый ряд товаров и услуг, которые местные жители должны были получать исключительно от империи. И здесь способом сближения становилась торговля, значимость которой не отвергалась ни одной из сторон формирующейся политико-экономической и культурной коммуникации.

Горцам далеко не просто было отказаться от доминирующих стереотипов о «постыдности» такой деятельности. Доминировали стереотипы морали, при которых истинный мужчина-воин не может заниматься торговлей [13, с. 47]. Неоднократно отмечалось, что в качестве посредников в обмене привлекались армяне и евреи, которые создали разветвленную торговую сеть в крае, обзавелись покровителями, которые защищали жизнь и имущество купцов [11, с. 100]. Впрочем, достигшие высокого уровня специализации кубачинские ремесленники среди прочего практиковали вид услуг, когда «некоторые дома занимаются собственно торговлей, т. е. развозят чужое оружие по Кавказу и Закавказью» [17, с. 415].

Первое время такой пример был скорее исключением, нежели повсеместно распространенной практикой. Но к середине XIX века и в самой горской среде появились пассионарии, которые были готовы самостоятельно заниматься коммерцией, вопреки мнению своих консервативных соплеменников. Причем торговля становилась основным видом деятельности для этих наиболее открытых для новаций автохтонов, как правило, из числа перебрававшихся

жить на равнине. Показателен в данных обстоятельствах факт просьбы с их стороны разрешения о постройке при меновых дворах «для постоянной торговли» лавок, о чем упоминается в официальной переписке [7, л. 490].

К этому времени власти уже пошли на снятие части ограничительных мер в торговых операциях, что нашло отражение в росте товарооборота на меновых дворах и ярмарках. В 1846 г. было принято новое положение о меновой торговле с горцами, в котором обобщался уже полученный опыт взаимодействия и учитывалось изменившееся отношение к коммерческим контактам со стороны местных народов. К уже имеющимся шести официальным торговым площадкам в виде меновых дворов добавили еще пять.

Но важно отметить не только количественный рост, но и качественные изменения, касавшиеся ассортимента товаров. Если в прежние годы все ограничивалось солью – пусть и важным, но не единственным продуктом, в котором нуждались горцы, – то теперь перечень допустимых к обмену вещей возрастал. Хотя под запретом остались оружие и драгоценные металлы, но зато увеличился перечень товаров повседневного спроса – материи, бижутерии, качественной посуды и т. п.

Власти осознали, что запретительные меры не могут остановить процесса сближения горцев и русских, основанного на взаимной выгоде. На попытки ограничить товарообмен население отвечало ростом контрабанды. Что касается запросов горских покупателей, то их вполне исчерпывающе демонстрировали ярмарки, на которых приобретали «шелковые и полупелюшковые материи, китайки, бурмет, нанку, холст, позументы, табак, стеклянные и медные изделия». В свою очередь горцы реализовывали «медь, овечью шерсть также и пушной товар, променивая на предметы им необходимые» [10, с. 65]. Это лишь часть перечня товаров, которые можно было встретить на местных базарах. В официальных отчетах об их работе списки гораздо разнообразнее.

Базары становились не только местом обмена, но и сферой культурной жизни, разновидностью досуга. Сюда приходили за информацией, ставшей наряду с вещами важным элементом удовлетворения потребностей. Описывая базар, все отмечали великий шум, издаваемый его посетителями, которые «лапочут» между собой [9, с. 107]. Носитель новостей по возвращении домой мог рассчитывать на повышенный интерес к себе со стороны земляков. В частности, наблюдая за дагестанцами, подмечали, что у них «каждого новопривезшего тотчас окружает толпа с вопросами: «На хабар? Хабар вар?» – Что нового? Есть ли новости), и никогда не случается, чтобы прибывший не рассказывал какой-нибудь новости; сообщенная весть всегда становится предметом толков и суждений, до которых гости большие охотники» [18, с. 63].

Из наблюдений современников можно сделать вывод о наличии хозяйственной этноспециализации, которая формировалась на Кавказе и позволяла выстроить эмерджентный механизм региональной экономики. Отсюда весьма колоритные типы торговцев, которые принадлежали к разным

народам, но вместе встретились в Кизляре: осетин, продававших сыр и бурки, черкесов с медовыми сотами, лезгин с медной посудой, чеченцев и кистин, реализующих холодное оружие, карангайцев со скотом, калмыков с тулупами, мерлушками, казаков с оружием и рыбой, кумыков с таркалами и дровами и т. п. [9, с. 108]. Россия создала условия если не для возникновения рынков, то как минимум для их дальнейшего совершенствования. Они, по мере своего расширения и охвата ранее недоступных из-за военно-политических обстоятельств территорий, становились важнейшим инструментом влияния на местную социокультурную общность, постепенно воздействуя даже на ментальные особенности народов региона.

Появилась еще одна перспективная экономическая ниша, связанная с сервисом, интерес к которой будет увеличиваться по мере роста благосостояния людей. Вновь возвращаясь к кизлярским зарисовкам, отметим такие черты местного базара, как наличие «дуканов», т. е. мелочных лавок, в которых продавали вино, жарили шашлык, шили одежду, чинили сбрую и т. п. При этом спрос, судя по всему, был выше предложения, т. к. «кабаки и харчевни, по малочисленности своей, едва заметны на площади. У первых толпятся в особенности татары, большие охотники до «русской араки», как они называют хлебное вино, и бондари; а последние, т. е. харчевни, посещают лишь любители «двенадцати пар чаю» и солянки со ржавой осетриной» [9, с. 109].

Подобные запросы инициировал процесс урбанизации, запущенный в крае российской политикой. Новые формы досуга для военного и гражданского населения крепостей и городов могли обеспечить трудоустройство и части горцев. Например, в Анапе, судя по перечисляемым источникам пополнения городского бюджета, успешно действовали лавки и дома, отдаваемые в наем для временного проживания, трактиры, бани, пекарни, питейные дома и т. п. [16, с. 24]. Да и сами горцы со временем становились потребителями подобных услуг.

Торговцы демонстрировали невероятную прагматичность, и умело подстраивались под политическую конъюнктуру. Попытки с помощью запретов и блокады наказать непокорные племена оказались тщетными. Не спасали даже радикальные распоряжения переселить «мирные» племена вглубь Линии, чтобы прекратить «сношения с тамошними народами», не подконтрольными кавказской администрации [14, с. 243].

Горные селения получали столь необходимое им продовольствие от своих формально лояльных соплеменников, живущих на плоскости. Те, в свою очередь, готовы были предлагать посреднические услуги русским поселенцам, доставляя товары от считавшихся «немирными» обществ [5, с. 99]. В их среде появлялись те, кто уже не столь трепетно относился к патриархальным табу и охотно участвовал в выгодной коммерции. Данная сфера услуг оказалась весьма перспективной, и прагматичные горцы не собирались ее игнорировать.

Об удовлетворении в должной мере потребностей регионального рынка продуктами питания говорить не приходилось. Колонисты из внутренних

губерний страны крайне трудно адаптировались к непривычным для себя ландшафтно-климатическим реалиям. В этой связи горцы имели некоторое преимущество перед ними, т. к. прекрасно знали все особенности, связанные с посевным календарем, спецификой почвы и т. п. важными нюансами сельского труда. Конечно, со временем такой опыт приобретали и славянские земледельцы, перенимавшие его у своих соседей. Но до той поры, пока это не произошло, известно немало случаев закупок у них хлеба, фруктов и т. п. товаров нуждающимися новоселами. Так, к примеру, поступили жители Новоджерелиевской станицы в 1848 г., закупив десятки пудов зерна, груш, кислицы у жителей аула Бжегако [8, л. 1, 9, 14].

Горцы настолько приобщились к меновым связям с русскими, что попытки пресечь такие контакты в итоге отвергались даже наиболее непримиримыми противниками империи. На народных собраниях черкесов неоднократно поднимался вопрос о наказании осмелившихся вступать в торговые сношения с «неверными». Но пафосные призывы «оставались без исполнения» [12, с. 24]. Стремясь «сохранить лицо» новоявленные представительные органы горской власти в конечном итоге ограничили свой запрет связями с гарнизонами небольших русских укреплений, но черкесы вполне легально могли посещать рынки Анапы и Новороссийска, куда привозили свой товар и приобретали на него необходимые вещи и соль. Здесь они, что весьма показательно, успешно пользовались российскими деньгами, ценность и удобство которых были для черкесов очевидны.

Впрочем, даже такое ограничение чаще всего игнорировалось. В качестве примера приводился опыт форта Навагинского, куда безбоязненно приходили убыхи. В исследовании Н. Карлгофа подробно говорится о разновидностях горских товаров, преимущественно являвшихся результатами скотоводства, земледелия, охоты и собирательства. Отметим и такой необычный вид горского экспорта как пиявки, использовавшиеся в медицинских целях. Следует обратить внимание и на то, что они «разводят виноград и в некоторых местах выделывают даже вино, которое сами употребляют, не следуя запрещению корана» [12, с. 25]. Попытки склонить черкесов к религиозной аскезе, которые предпринимались наибами Шамиля, приезжавшими на Северо-Западный Кавказ, оказались безуспешными. Местные сообщества готовы были не только торговать с русскими, но и вернуться к радостям мирной жизни, а свое благополучие обеспечить мирным трудом.

Достаточно критично и даже предвзято оценивавший усилия русской администрации советский исследователь-кавказовед Т.Х. Кумыков вместе с тем пришел к выводу, что «торговые связи до некоторой степени оказывали влияние на рост хозяйства горцев, на восприятие ими новых методов ведения сельского хозяйства. Торговля способствовала адаптации не только отдельных лиц, но и целых групп общества к новым жизненным условиям русского капитализма. Вопреки Кавказской войне перед горцами открывались новые перспективы» [15, с. 16]. Фактически речь идет о создании

предпосылок для качественных изменений в укладе населения Кавказа, явственно видевшихся ученому, который ввел в научный оборот огромный массив архивных документов, посвященных торгово-экономическим связям России и Северного Кавказа интересующего нас периода.

Не стоит сбрасывать со счетов и возможность восстановления внешне-торговых связей горцев. Черкесы достаточно успешно поставляли османам крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Часто в перечне товаров фигурировали буйволиные, коровьи, козьи и бараньи кожи, масло, сало, рога. Пользовались спросом пшеница, ячмень, овес, орехи, фрукты, табак. Вывозились продукты пчеловодства, меха диких животных и т. п. [19, с. 265]. Считалось, что на Черноморском побережье Кавказа было около 60 пристаней, куда приходили суда с товарами и за товаром [3, с. 280].

В результате усилий, предпринятых российским командованием, грузопоток сократился, а контрабандисты стали отдавать предпочтение более дорогостоящему товару, в частности, рабам, вывоз которых сулил большие барыши. От остальных вещей так же не отказывались, но их брали в качестве дополнения. Вызывают интерес сведения, которые сообщал из Трапезунда в 1858 г. российский консул А.Н. Машнин. Русский дипломат поведал, что торговые сделки необычайно выгодны европейским и турецким негодичантам. Первые обеспечивают доставку в Турцию большой партии мануфактуры, а османские купцы, в свою очередь, контрабандно доставляют ее в Черкесию. Здесь они обменивают ее на местные произведения и устремляются обратно, плотно забив свои барки женщинами, детьми, пшеницей, медом, ценными породами дерева и т. п. Обычно в год торговец совершает три рейса, получая за каждый до 35 % прибыли, таким образом, зарабатывая до 100 % «на свой капитал». Если оценивать их обороты деньгами, то только за 1857 г. было заработано 2 500 руб. серебром на один барк, а в порт всего вошло 700 купеческих судов [1, с. 568].

По отношению к работоторговле российское правительство было непреклонно, и продажа людей должна была быть окончательно искоренена. Но остальные виды деятельности вполне могли возродиться, когда «замиренные» горцы сделались бы законопослушными подданными империи.

Анализ спроса и предложения демонстрировал те хозяйственные сферы, в которых горцы могли найти для себя выгодную область деятельности. Горцы готовы были поставлять продукцию, преимущественно связанную с земледелием и скотоводством.

Что касается вклада горских ремесленников в наполнение местного рынка товарами, то они занимали нишу, которая не была занята фабрично-заводской продукцией массового производства. Это могли быть различные деревянные изделия, одежда и обувь, отвечающая запросам потребителя и обусловленная ментальными предпочтениями и ландшафтно-климатическими особенностями территории, ювелирные украшения. Естественно, ожидать выхода такой продукции за рамки региона не приходилось.

Обратим внимание на то обстоятельство, что значительную часть работ из этого перечня должны были выполнять женщины. Для них это являлось не только, а вернее, не столько частью приработка, сколько необходимостью удовлетворить нужды в одежде для собственной семьи. Вырученные от продажи таких изделий средства чаще всего не могли покрыть все потребности и должны были рассматриваться как элемент разнопланового хозяйства горцев. Расширению рынка сбыта и, соответственно, изменению значения ремесла в горской экономике мешали «внутренние неурядицы и бедность жителей» [6, с. 52]. Предлагаемая Россией модель развития вполне могла разрешить данную проблему и, по крайней мере, сделать устойчивым внутренний рынок. Уже в первой половине столетия было заметно, как возрастает роль ремесла на равнине. В частности, селения, расположенные по Тереку и Сунже, которые контролировались российской властью, сумевшей обеспечить им защиту от военных невзгод, демонстрировали повышенный интерес к приносимым на продажу изделиям чеченских и ингушских кустарей [4, с. 49]. По мере угасания вооруженного конфликта в крае эта тенденция должна была неминуемо усилиться.

Рассчитывать на расширение рынка сбыта не приходилось, а потому, желая сохранить традиционные виды занятий, местные мастера должны были рассчитывать главным образом на регионального потребителя. Таковым оставался индивидуальный покупатель, для которого продукт изготавливался под заказ, с учетом его личных пожеланий. Либо, если речь шла об обезличенном рынке, это была небольшая группа лиц, запросы которых фабрика закрывать не бралась из-за мелкосерийности заказа.

Отметим, что уже сформировавшиеся в крае ремесленные центры демонстрировали свою готовность к такому развитию событий. В частности, посетивший селение табасаранцев путешественник А. Андреев не без удивления отмечал, что встретил здесь «нечто подобное мечтаниям Фурье, Прудона и других ученых. Обитатели селения... занимаются гончарным производством на артельных началах. Целыми товариществами ходят они на заработки в соседние округа...» [2, с. 1091].

Близость источников собственного дешевого сырья и высокая квалификация горских мастеров позволяли ожидать, что и в дальнейшем они сумеют реагировать на динамично меняющуюся рыночную конъюнктуру, став основой для формирования на Кавказе легкой промышленности. Но для этого следовало поменять мировоззрение горцев, привить им страсть к «роскошествам», о чем не раз говорили российские интеллектуалы. В этом случае возросшая потребность стимулировала рынок, поощряла горских ремесленников к освоению новых видов изделий.

Завершение военных действий открывало перед горскими обществами Северного Кавказа перспективы для мирного выстраивания отношений

с Российской империей. Но этот диалог порождает немало проблем для населения региона, т. к. неминуемо требовал изменения сложившегося хозяйственно-культурного типа, рассчитанного на автаркию. Горцам предстояло не только отказаться от части привычных занятий («индустрии набегов»), но и освоить новый капиталистический уклад, с его непривычными морально-этическими нормами, способами организации производства и т. п.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 томах. Том 12. – Тифлис : Тип. Гл. упр. Наместника Кавк., 1904. – 1552 с. – Текст : непосредственный.
2. Андреев, А. П. По дебрям Дагестана / А. П. Андреев. – Текст : непосредственный // Исторический вестник. – 1899. – № 12. – С. 1081–1116.
3. Архив князя Воронцова. Письма к князю М.С. Воронцову А.И. Левшина, А.П. Бутенева, И.В. Сабанеева. – М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1893. – 534 с. – Текст : непосредственный.
4. Ахмадов, Ш. Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII–XIX веках / Ш. Б. Ахмадов // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). – Грозный : [б. и.], 1986. – С. 45–60. – Текст : непосредственный.
5. Берже, А. П. Чечня и чеченцы / А. П. Берже. – Грозный : Книжное издательство, 2008. – 155 с. – Текст : непосредственный.
6. Броневский, С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе : в 2 частях. Часть 1 / С. Броневский. – М. : Тип. С. Селивановского, 1823. – 353 с. – Текст : непосредственный.
7. Государственный архив Ставропольского края. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 435. – Текст : непосредственный.
8. Государственный архив Ставропольского края. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 1874. – Текст : непосредственный.
9. Записки о Кизляре. – Текст : непосредственный // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга IV. Октябрь–декабрь. – М. : Университетская типография, 1861. – С. 99–124.
10. Зубов, П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях : в 4 частях. Часть 2 / П. Зубов. – СПб. : Тип. К. Вингебера, 1835. – 274 с. – Текст : непосредственный.
11. Илясова, А. А. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков / А. А. Илясова, Ю. Ю. Гранкин. – Пятигорск : Издательство ПГЛУ, 2013. – 224 с. – Текст : непосредственный.
12. Карлгоф, Н. Военно-статистическое обозрение Восточного берега Чёрного моря / Н. Карлгоф. – Текст : непосредственный // Военно-статистическое обозрение Российской империи : в 16 томах. Том 16. Часть 10. – СПб. : Тип. Департамента Генерального штаба, 1853. – С. 77–102.
13. Карпов, Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана / Ю. Ю. Карпов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. – 656 с. – Текст : непосредственный.

14. Керашев, А. Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х гг. XIX в. / А. Т. Керашев. – Текст : непосредственный // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Выпуск VIII. – Майкоп : [б. и.], 1991. – С. 227–245.

15. Кумыков, Т. Х. Из истории торгово-экономических связей России и Северного Кавказа в период Кавказской войны / Т. Х. Кумыков. – Текст : непосредственный // Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40–50-е гг. XIX в.) : сборник архивных документов / выявление, археография и составление Т. Х. Кумыкова. – Нальчик : Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2005. – С. 4–18.

16. Новицкий, Г. В. Анапа и Закубанские поселения / Г. В. Новицкий. – Текст : непосредственный // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества : в 30 книгах. Книга 2. – Тифлис : [б. и.], 1853. – С. 14–43.

17. Петухов, П. Кубачинское племя (Листки из портфеля служащего) / П. Петухов. – Текст : непосредственный // Кавказ. – 1866. – № 87. – С. 415.

18. Свечин, Д. Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев / Д. Свечин. – Текст : непосредственный // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества : в 30 книгах. Книга 2. – Тифлис : [б. и.], 1853. – С. 54–65.

19. Чирг, А. Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов / А. Ю. Чирг. – Текст : непосредственный // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Выпуск VIII. – Майкоп : [б. и.], 1991. – С. 246–274.

REFERENCES

1. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission], vol. 12. Tiflis, 1904. 1552 p. (In Russian).

2. Andreev A. P. Through the wilds of Dagestan. *Istoricheskij vestnik = Historical Bulletin*, 1899, no. 12, pp. 1081–1116. (In Russian).

3. *Arhiv knyazya Voroncova* [Archive of Prince Vorontsov]. Letters to Prince M.S. Vorontsov A.I. Levshina, A.P. Buteneva, I.V. Sabaneeva. M., 1893. 534 p. (In Russian).

4. Ahmadov Sh. B. Crafts of Chechens and Ingush in the XVIIIth – XIXth centuries. *Voprosy politicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya Checheno-Ingushetii (XVIII – nachalo XX veka) = Issues of political and economic development of Checheno-Ingushetia (XVIII – early XX centuries)*. Groznyj, 1986, pp. 45–60. (In Russian).

5. Berzhe A. P. *Chechnya i chechency* [Chechnya and Chechens]. Groznyj, Knizhnoe izdatel'stvo, 2008. 155 p. (In Russian).

6. Bronevskij S. *Novejshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The latest geographical and historical news about the Caucasus], part 1. M., 1823. 353 p. (In Russian).

7. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archive of the Stavropol Territory], F. 20, Op. 1, D. 435. (In Russian).

8. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archive of the Stavropol Territory], F. 261, Op. 1, D. 1874. (In Russian).

9. Notes about Kizlyar. *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete = Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University*, book IV, October–December. M., University Printing House, 1861, pp. 99–124. (In Russian).

10. Zubov P. *Kartina Kavkazskogo kraja, prinallezhashchego Rossii, i sopredel'nyh onomu zemel' v istoricheskom, statisticheskom, etnograficheskom, finansovom i torgovom otnosheniyah* [Picture of the Caucasian region belonging to Russia and the lands adjacent to it in historical, statistical, ethnographic, financial and trade relations], part 2. SPb., 1835. 274 p. (In Russian).

11. Пыасова А. А., Grankin Yu. Yu. *Torgovyj faktor v sisteme politiko-ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v XVIII – pervoj polovine XIX vekov* [Trade factor in the system of political and economic development of the North Caucasus in the XVIII – first half of the XIX centuries]. Pyatigorsk, Izdatel'stvo PGLU, 2013. 224 p. (In Russian).

12. Karlhof N. Military statistical review of the Eastern Shore of the Black Sea. *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii = Military statistical review of the Russian Empire*, vol. 16, part. 10. SPb., 1853, pp. 77–102. (In Russian).

13. Karpov Yu. Yu. *Vzglyad na gorcev. Vzglyad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i social'nyj opyt gorcev Dagestana* [A look at the mountaineers. View from the mountains: Worldview aspects of culture and social experience of the mountaineers of Dagestan]. SPb., Petersburg Oriental Studies, 2007. 656 p. (In Russian).

14. Kerashev A. T. Fugitive Circassians in Russia in the XVIII – early 60s years of the XIX century. *Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya) = Culture and life of the Circassians (ethnographic research)*, iss. VIII. Maykop, 1991, pp. 227–245. (In Russian).

15. Kумыков Т. Н. From the history of trade and economic relations between Russia and the North Caucasus during the Caucasian War. *Torgovo-ekonomicheskie svyazi Rossii i Severnogo Kavkaza v period Kavkazskoj vojny (40–50-e gg. XIX v.) = Trade and economic relations between Russia and the North Caucasus during the Caucasian War (40–50s of the XIX century)*. Nalchik: Republican Printing Plant Named After the Revolution of 1905, El-Fa, 2005, pp. 4–18. (In Russian).

16. Novickij G. V. Anapa and Trans-Kuban settlements. *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva = Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*, book 2. Tiflis, 1853, pp. 14–43. (In Russian).

17. Petuhov P. Kubachi tribe (Leaves from an employee's briefcase). *Kavkaz = Caucasus*, 1866, no. 87, p. 415. (In Russian).

18. Svechin D. Essay on the population, morals and customs of the Dagestanis. *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva = Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*, book 2. Tiflis, 1853, pp. 54–65. (In Russian).

19. Chirg A. Yu. Circassian life support culture. *Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya) = Culture and life of the Circassians (ethnographic research)*, iss. VIII. Maykop, 1991, pp. 246–274. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Середина, И. В. Традиционное хозяйство и капиталистические перспективы автохтонного населения Северного Кавказа в середине XIX в. / И. В. Середина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 139–148.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Seredina I. V. Traditional Economy and Capitalist Prospects for the Autochthonic Population of the North Caucasus in the Middle of the XIX Century / I. V. Seredina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 139–148. (In Russian).

УДК 94 (461,22)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ И ЭТНОИДЕНТИЧНОСТИ ИНГУШЕЙ

А.Я. Цечоев

ON THE QUESTION OF ETHNOGENESIS AND ETHNIC IDENTITY OF THE INGUSH

A.Ya. Tsechoev

Аннотация. Вопросы относительно этногенеза и этноидентичности для каждого народа актуальны, как с научной, так и практической точки зрения, так как отражают этапы, уровень и перспективы его прогресса. В статье анализируются такие аспекты и факторы этногенеза и формирования идентичности ингушей, как исторические предпосылки, мультикультурная синергия, хронологические рамки формирования, природно-географические условия, а также геолокация этноса. Результаты анализа источников и литературы позволяют делать вывод о том, что этногенез и формирование идентичности у ингушей происходили на основе собственного «этнического ядра», в котором принимали активное участие соседние этнокультурные элементы. К периоду вступления в состав России (1770 г.) ингуши обладали выраженным этническим самосознанием, как одного из главных атрибутов этноса.

Abstract. Questions about ethnogenesis and ethnic identity are relevant for each nation, both from a scientific and practical point of view, as they reflect the stages, level and prospects of progress. The article analyzes such aspects and factors of ethnogenesis and identity of the Ingush as historical background, multicultural synergy, chronological framework of formation, natural and geographical conditions, as well as geolocation of the ethnic group. The results of the analysis of sources and literature allow us to conclude that the ethnogenesis and formation of identity among the Ingush took place on the basis of their own "ethnic core", in which neighboring ethnocultural elements actively participated. By the time they joined Russia (1770), the Ingush had a pronounced ethnic identity as one of the main attributes of the ethnic group.

Ключевые слова: ингуши, этногенез, идентичность, этническое ядро, экологический фактор, мультикультурная синергия, интеграция в Россию.

Keywords: Ingush, ethnogenesis, identity, ethnic core, environmental factor, multicultural synergy, integration into Russia.

Научное осмысление и интерпретация проблемы этногенеза и идентичности у ингушей способствует раскрытию других проблем культурного прогресса народа, чем обусловлена актуальность предлагаемой разработки. Проблемы этногенеза и формирования идентичности также способствует выявлению и мониторингу уровня и этапов социально-экономического, политического и идеологического прогресса этноса.

Проблема этногенеза и этноидентичности у ингушей, наряду с другими народами, является одной из менее разработанных и соответственно недостаточно

освещенных в отечественной историографии. Значительный вклад в осмысление этой проблемы внес Е.И. Крупнов (Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С. 39–58). Однако с момента проведения исследования прошло достаточно времени, за которое научный интеллект продвинулся значительно вперед, и наука избавилась от идеологических установок, что требует иных интерпретаций с учетом новых методологических подходов.

В настоящее время в научном сообществе актуальным является концепция Л.Н. Гумилева, согласно которой географическая «среда – ландшафт, природа, климат и интенсивность взаимодействия с представителями различных культур и этносов – напрямую влияет на формирование наций, этносов, их культуры, политических традиций и государственности» [4].

Необходимо отметить, чтобы считать этногенез завершенным, требуется наличие таких атрибутов, как единая территория, общая материальная и духовная культура (фольклор), история, язык общения, на основе которых формируется этноидентичность по принципу «Мы – они». Однако на практике сложно найти случаи, когда все указанные атрибуты совпадали, с учетом чего в качестве основного признака возможно принять национальное самосознание / идентичность, как наиболее важный признак этногенеза.

Этногенез – сложный, многофакторный и продолжительный процесс, обусловленный интеграцией мультикультурных компонентов в единое общество. В историографии, ссылаясь на сходство материальной культуры, отмечается, что формирование ингушского народа восходит к первым векам 1 тысячелетия до н. э. [7, с. 56]. В свое время была предпринята попытка интерпретировать происхождение ингушей от алан. Однако Е.И. Крупнов отрицает подобную концепцию и считает, что «для установления прямой генетической преемственности ингушей или абхазов от алан нет никаких оснований» [7, с. 40].

Этногенез и формирование идентичности у ингушей, обусловленный количественными и качественными изменениями, а также культурными взаимодействиями из других этнокультурных компонентов с разной степенью интенсивности продолжался до XIX в. Подобная практика является стандартной в этногенезе многих народов мира, в результате которого происходит культурная интеграция и взаимообогащение. Такая интеграция также нивелирует культурные процессы в регионе и мире, обеспечивая относительно равномерный культурный прогресс.

В основе этногенеза ингушей находился автохтонный субстрат и тот факт, что Чах Ахриев отмечает, что «происхождение Галгаевского общества не известно» [1, с. 5] является одним из тому подтверждений. При этом автор указывает, что представители других сообществ – кистины и джераховцы считаются пришлыми из Сирии и Персии.

Относительно того, что генезис ингушей происходил на основе автохтонного субстрата Б. Далгат, в том числе отмечает: «По имени основателей – главарей трех больших тайп, сыновей богатыря Галгая – Эги, Хамхи и Таргилима три огромных тайпы: Таргимхоевы, Эгиевы и... называются у ингушей «Жокелай – Хой»,

т. е. «три фамилии». Все эти три тайпы выселились на плоскость... » [6, с. 102]. Этому же мнению относительно этнического субстрата ингушей придерживался известный антрополог И. Пантюхов, который писал, что «судя по преобладающему, среднему типу ингушей, родоначальники их не могли принадлежать ни к одному из соседних народностей» [10, с. 70].

На основе местного субстрата, «этнического ядра» происходил дальнейший этногенез и формирование идентичности ингушей, в котором наглядно прослеживается активное участие представителей соседних этнических компонентов. С разной степенью интенсивности интеграционные процессы прослеживаются на протяжении всей истории народа вплоть до XIX в. Наибольшую активность в этом процессе наблюдается со стороны Грузии, с которыми ингуши исторически непосредственно граничили. Соответственно между двумя народами прослеживаются не только культурные, но также в отдаленном прошлом – родственные связи. Так, по свидетельству грузинского историка Теймураза «кистины, галгаи и дзурдзуки прежде говорили на грузинском языке и были христиане» [13, с. 36]. Также прослеживается терминологическое сходство в ингушском и грузинском языках. Таковы, например, понятия «известь», «верхние этажи», «башни», «палка», «коса», «серп», «мотыга», «люлька», «лук», «пламя», «огонь», «полный комплект пахотных орудий» и т. д. Грузинские заимствования встречаются также в названиях животных: «осел», «курица», «кошка», «маленькая лошадь» и т. д. [7, с. 43].

О том, что грузины, в том числе принимали активное участие в этногенезе и формировании идентичности ингушей наряду с чеченцами и другими, пишет также Е.И. Крупнов, который замечает: «Почти в каждом ингушском горном ауле можно услышать предание о связях ингушей с отдельными грузинскими племенами... В специальной литературе опубликовано немало сведений о переселении в далеком прошлом ингушей из Грузии, об уходе ингушей в Грузию и об обратном возвращении их на родину» [7, с. 49]. Поэтому, Е.И. Крупнов отмечает, что ингушские общества следует рассматривать сформировавшимися из глубокого прошлого «этнического ядра» с включением разноплеменных родовых групп.

Наряду с грузинским культурным компонентом в этногенезе ингушей и чеченцев также прослеживается много общего, чему способствовали схожая экология, хозяйственно-экономическая деятельность, ментальная близость и другие факторы. А потому «выходцы из других стран: грузины, аварцы, хевсуры и другие, водворялись между ними (вайнахами. – А.Ц.); иноземцы с охотой селились у них, как вольных людей, не имевших ни правления, ни правителя»... «Таким образом, персияне, разбитые аварцами при Надир-шахе, расселились по Дагестану, из них некоторые поселились между чеченцами и составили собою новые фамилии, как-то: Туркой, Хуркой, Хой, Парсеной и проч.» [8, с. 10]. Тем самым дагестанцы в период борьбы с Надир-шахом (первая пол. XVIII в.) вместе с персами, разбитыми горцами Дагестана в Андалальском сражении, в том числе оседали между чеченцами и ингушами, интегрируясь

в основной этнический субстрат, и принимали участие в формировании идентичности у ингушей.

Несомненно, что близкие из соседей – осетины, также имели культурные обмены и принимали участие в этногенезе и формировании идентичности ингушей. Более интенсивно этот процесс наблюдался в постмонгольский период, когда на территории Центрального Кавказа появляются новые этнокультурные субъекты, «которые формируются на местном кавказском субстрате. В этот период «кавказский этнический элемент, вошедший в качестве субстрата в этногенез осетин, был вайнахоязычным» (т. е. ингушским. – С.Р.)» [12, с. 109]. Основанием для такого утверждения стало то обстоятельство, что «свадебные обычаи, обряды во время родов, при выборе имени для ребенка и т. п. у ингушей и осетин почти совершенно одинаковые. Занести именно эту категорию обычаев и обрядов к ингушам могли только невесты и матери ... » [2, с. 12–13]. Тем самым Г.А. Вертепов обращает внимание на частые взаимные брачные связи ингушей и осетин в прошлом.

Как утверждает Е.И. Крупнов в фольклоре чеченцев и ингушей сохранилось множество упоминаний о южном происхождении чеченских и ингушских родов. «Некоторые фамилии выводят своих мифических предков из Ирана, Турции, Аравии, Сирии, Дагестана» [9, с. 272]. На эту же особенность обращал внимание известный ингушский просветитель Чах Ахриев, который, ссылаясь на народные предания, писал, что основоположником Кистиновского общества, был «Кисть, сын одного знаменитого сирийского владельца», который «во время первых крестовых походов убежал из Сирии в Абхазию», а затем в Грузию. Отсюда «Кисть принужден был убежать в неприступные Кавказские горы... недалеко от верховьев Терека. Здесь он основал аул Арзия – слово, значащее в переводе на русский язык – орел» [1, с. 1]. С учетом того, что первый крестовый поход был совершен в 1096–1099 гг., то события, описываемые Ч. Ахриевым, происходили в XI–XII вв.

Итак, выраженной особенностью этногенеза и формирования идентичности у ингушей является культурное взаимодействие собственного этнического ядра с соседними этнокомпонентами. Тем самым происходила синергия, когда посредством культурного взаимообогащения происходил процесс этногенеза и формирования этноидентичности ингушей.

Консолидация этноса и формирование его идентичности имеет в основе синергию и сопровождается конкурентной борьбой. Так, относительно полиэтничности в этногенезе чеченцев У. Лаудаев отмечал: «Со временем беспокойные люди других стран и беглецы разных народностей увеличивали собою число чеченских фамилий. Пришельцы были умнее, предприимчивее туземцев – ламоройцев, почему брали верх над ними и теснили их, чему лучшим доказательством служит то, что фамилии пришельцев завладели лучшими и выгоднейшими землями, оставив ламоройцам бесплодные высоты лысых гор» [8, с. 11]. Консолидация этноса посредством синергии у ингушей происходила по такой же парадигме, то есть на основе конкурентной борьбы разных культур.

В поликультурном синтезе ингушей прослеживается тейповая социальная структура этносов, которая первоначально представляла собой образование, восходившее к единому общему предку и кровному родству. Однако со временем тейпы стали территориальными, куда принимались представители других тейпов, а также одинокие семьи [5]. Соответственно, первоначально тейп был «патриархальной группой людей или семейств, происходящих от одного общего предка» [14, с. 200], который со временем обрел сущность территориальной общины.

Одной из важных факторов обретения территориального характера тейпом была локация ингушей исторически в центре Северного Кавказа: «Ингуши населяют исключительно центральную и южную часть Сунженского отдела Терской области, находясь в соседстве на востоке с чеченцами, на западе с осетинами, на северо-западе с кабардинцами, на юге с тушинцами, хевсурами и грузинами» [2, с. 9]. Подобная геолокация на открытой местности, доступная для оседания носителей разных культур и этнических групп оказало непосредственное влияние на этногенез и формирование идентичности ингушей.

С учетом всех этих обстоятельств, в числе которых собственное этническое ядро / субстрат, этнокультурные связи с соседями, геолокация в центре Северного Кавказа и транспортного коридора между Грузией и Россией формировался этнос и идентичность ингушей.

Хронологически формирование этнической идентичности у ингушей имело место в середине XVIII в. Эту концепцию достоверно возможно подтвердить сведениями от У. Лаудаева: «Назрановцы, составлявшие много больших фамилий, назывались прежде фамильными именами: галгай, галой, ингушь (ангушь) и т. д. Когда в конце прошлого столетия они основали аул Несерь (Назрань), то стали принимать название несерхой, т. е. назрановцев; когда же русские основали укрепление Назрановское, то имя несерхой делается для них официальным» [8, с. 5]. Важным критерием для формирования этноса является эндоэтноним и экзоэтноним: «Ингуши сами себя называют «галгай» или «ламур» (горцы). Кумыки и чеченцы также называют ингушей галгайями, а осетины дают им название «макалон» (от речки Макал-дон)» [6, с. 42].

Здесь же надо заметить, что другой исследователь Б. Далгат дает несколько иную, более раннюю датировку самоидентификации ингушей: «название ингушей известно русским еще в 1744 году, если не ранее, когда на них обратили внимание с целью восстановления среди них христианства, а в 1747 г. велено принимать их в подданство» [6, с. 69–70].

Уже в начале XIX в. в официальном документе о вхождении ингушей в состав России от 28 апреля 1810 г., заключенном между «Его Императорского Величества Всероссийского Государя Императора... и всего *ингушского народа* (Курсив мой. – А.Ц.)... мы, шесть фамилий ингушского вольного и никому *неподвластного народа* (Курсив мой. – А.Ц.)» [3, с. 5–6] признается, что этнос сформировался.

Однако этногенез с идентичностью – процесс продолжительный, и, находясь в составе России, он продолжался с большей интенсивностью.

Религия является одним из важных компонентов, формирующим этноидентичность и у ингушей до XIX в. наблюдался религиозный плюрализм – сосуществование языческих верований, христианства и ислама. В историографии имеется достаточно обширный источниковый материал, относящийся к XIX в., который свидетельствует о том, что российские власти настойчиво стремились внедрить среди ингушей христианство, что не имело успех.

В условиях религиозного плюрализма ингуши, как этнос, в XIX в. для себя идеологическим приоритетом твердо определили ислам, а потому консолидация и культурное становление, а также формирование этноидентичности происходили на исламской идеологической основе.

Следует учитывать и тот фактор, что все народы по соседству, в числе которых: кабардинцы, русские (казаки), чеченцы, грузины с хевсурами, численно превосходили ингушей [15, с. 4]. А потому, несмотря на происламскую ориентацию, которая противоречила интересам России, для ингушей выгодно было развиваться, находясь в составе и под покровительством такого крупного политического образования, как Россия.

Фактор самосохранения от внешней или внутренней агрессии консолидировал этнос, формировал чувство солидарности в отстаивании национальных интересов. Тем самым, этногенез и формирование идентичности ингушей происходил в остром конфликтном противостоянии со внешней или внутренней агрессией и для самосохранения необходимо было находиться под покровительством России.

Таким образом, этногенез и формирование идентичности у ингушей, подобно другим народам, происходил продолжительно и со значительными рисками. В основе формирования этноидентичности у ингушей находился собственное этническое ядро, наряду с которым активное участие принимали представители соседних этнических культур. Полиэтничность на основе собственного автохтонного субстрата были существенной особенностью формирования этногенеза и идентичности у ингушей.

Накануне вхождения в состав России в 1770 г. у ингушей было сформировавшееся этническое самосознание, как важный атрибут этногенеза. Вхождение в состав России имело прогрессивное значение для ингушей тем, что обеспечивало самосохранение и относительно стабильное социально-экономическое и культурное развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахриев, Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) / Ч. Ахриев. – Текст : непосредственный // Сборник сведений о Кавказских горцах. – Выпуск VIII. – Тифлис : Типография Главного управления наместника Кавказского, 1875. – С. 1–26.
2. Вертепов, Г. Сказания об ингушах : историко-этнографические очерки об ингушах / Г. Вертепов, И. Пантюхов. – Майкоп : [б. и.], 1991. – 72 с. – Текст : непосредственный.

3. Грабовский, Н. Ф. Ингуши (Их жизнь и обычаи) / Н. Ф. Грабовский. – Текст : непосредственный // Сборник сведений о Кавказских горцах. – Выпуск IX. – Тифлис : Типография Главного управления наместника Кавказского, 1876. – С. 1–32.
4. Гумилев, Л. Н. Пассионарная теория: роль личности в истории / Л. Н. Гумилев. – URL: <https://4brain.ru/blog/passionarnaya-teoriya-rol-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 14.12.2024). – Текст : электронный.
5. Далгат, Б. К. Материалы по обычному праву ингушей / Б. К. Далгат. – URL: <https://galgamed.livejournal.com/64819.html> (дата обращения: 12.01.2025). – Текст : электронный.
6. Далгат, Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892–1894 гг. / Б. К. Далгат. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004158493/ (дата обращения: 12.12.2024). – Текст: электронный.
7. Крупнов, Е. И. Средневековая Ингушетия / Е. И. Крупнов. – М. : Наука, 1971. – 206 с. – Текст : непосредственный.
8. Лаудаев, У. Чеченское племя / У. Лаудаев. – Текст : непосредственный // Сборник сведений о кавказских горцах. – Выпуск VI. – Тифлис : Типография Главного управления наместника Кавказского, 1872. – С. 1–32.
9. Марковин, В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна ДЧИ / В. И. Марковин. – М. : Наука, 1963. – 272 с. – Текст : непосредственный.
10. Пантюхов, И. Ингуши : этнографическо-антропологический очерк / И. Пантюхов. – Текст : непосредственный // Вертепов Г., Пантюхов И. Сказания об ингушах. – Майкоп : [б. и.], 1991. – 72 с.
11. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 13454. – Оп. 6. – Д. 162. – Л. 15–18. – Текст : непосредственный.
12. Сагов, Р. З. Центральный Кавказ по материалам археологии и антропологии (к вопросу этногенеза ингушей) / Р. З. Сагов. – Текст : непосредственный // Кавказоведение: научные традиции и современность : материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (8 апреля 2014 г.). – Магас : [б. и.], 2014. – С. 103–113.
13. Теймураз Царевич. История Грузии / Теймураз Царевич. – СПб. : [б. и.], 1948. – 224 с. – Текст: непосредственный.
14. Чабиева, Т. С. Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в Ингушском обществе / Т. С. Чабиева. – Текст : непосредственный // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 5–6. – С. 200–205.
15. Яковлев, Н. Ингуши / Н. Яковлев. – М.–Л. : Государственное издательство, 1925. – 180 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Ahriev Ch. The Ingush (their legends, beliefs and superstitions). *Sbornik svedenij o Kavkazskih gorcah = Collection of information about the Caucasian highlanders*, iss. VIII. Tiflis, Printing house of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1875, pp. 1–26. (In Russian).
2. Vertepov G., Pantyuhov I. *Skazaniya ob ingushah : istoriko-etnograficheskie ocherki ob ingushah* [Tales of the Ingush: historical and ethnographic essays on the Ingush]. Majkop, 1991. 72 p. (In Russian).

3. Grabovskij N. F. Ingush (Their life and customs). *Sbornik svedenij o Kavkazskih gorcah = Collection of information about the Caucasian highlanders*, iss. IX. Tiflis, Printing house of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1876, pp. 1–32. (In Russian).

4. Gumilev L. N. *Passionary Theory: the Role of the Individual in History* [Passionarnaya teoriya: rol' lichnosti v istorii]. URL: <https://4brain.ru/blog/passionarnaya-teoriya-rol-lichnosti-v-istorii/>. (In Russian).

5. Dalgat B. K. *Materials on the customary law of the Ingush* [Materialy po obychnomu pravu ingushej]. URL: <https://galgamed.livejournal.com/64819.html>. (In Russian).

6. Dalgat B. K. *Rodovoj byt i obychnoe pravo chechencev i ingushej: issledovanie i materialy 1892–1894 gg.* [Tribal life and customary law of the Chechens and Ingush: research and materials from 1892–1894]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004158493/. (In Russian).

7. Krupnov E. I. *Srednevekovaya Ingushetiya* [Medieval Ingushetia]. M., Nauka 1971. 206 p. (In Russian).

8. Laudaev U. The Chechen Tribe. *Sbornik svedenij o Kavkazskih gorcah = Collection of information about the Caucasian highlanders*, iss. VI. Tiflis, Printing House of the Main Administration of the Viceroy of the Caucasus, 1872, pp. 1–32. (In Russian).

9. Markovin V. I. *Chechenskie srednevekovye pamyatniki v verhov'yah r. Chanty-Arguna DChI* [Chechen medieval monuments in the upper reaches of the Chanty-Argun River DChI]. M., Nauka, 1963. 272 p. (In Russian).

10. Pantyuhov I. Ingush: an ethnographic and anthropological essay. *Skazaniya ob ingushah = Tales of the Ingush*. Majkop, 1991. 72 p. (In Russian).

11. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 13454, Op. 6, D. 162, L. 15–18. (In Russian).

12. Sagov R. Z. Central Caucasus Based on Archaeology and Anthropology (towards the Ethnogenesis of the Ingush). *Kavkazovedenie: nauchnye tradicii i sovremennost' = Caucasus Studies: Scientific Traditions and Modernity*. Magas, 2014, pp. 103–113. (In Russian).

13. Tejmuraz Carevich. *Istoriya Gruzii* [History of Georgia]. SPb., 1948. 224 p. (In Russian).

14. Chabieva T. S. Some features of the relationship between the concepts of "teip" and "vird" in Ingush society. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasova*, 2011, no. 5–6, 2011, pp. 200–205. (In Russian).

15. Yakovlev N. *Ingushi* [Ingushi]. M., L., State Publishing House, 1925. 180 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Цечоев, А. Я. К вопросу об этногенезе и этноидентичности ингушей / А. Я. Цечоев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 149–156.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tsechoev A. Ya. On the Question of Ethnogenesis and Ethnic Identity of the Ingush / A. Ya. Tsechoev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 149–156. (In Russian).

УДК 94(470.62) 061.22

**ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В АРМАВИРЕ В НАЧАЛЕ 1920-х ГГ.**

В.Г. Шнайдер

**PROBLEMS OF PUBLIC EDUCATION
IN ARMAVIR IN THE EARLY 1920s**

V.G. Schneider

Аннотация. Статья посвящена истории деятельности отдела народного образования Армавирского революционного комитета с момента установления в городе советской власти в марте 1920 г. и в течение примерно первого года ее существования. В статье рассмотрены организационные мероприятия ревкома, направленные на создание системы народного образования и просвещения в Армавире, налаживание работы с учительским составом города, меры по ликвидации безграмотности, в том числе организация школ грамотности, пунктов ликбеза, элементы программы обучения безграмотных. Отдельно в статье уделено внимание мероприятиям по организации дошкольного воспитания. Уже в первый же год своего существования в Армавире советская власть в лице своих местных органов занялась и социально проблемными категориями детей и подростков, в том числе детьми с ограниченными возможностями здоровья и несовершеннолетними преступниками. В Армавире были организованы детские приюты, детские трудовые колонии, детские площадки.

Abstract. The article is devoted to the history of the activities of the Department of Public Education of the Armavir Revolutionary Committee from the moment of the establishment of Soviet power in the city in March 1920 and during approximately the first year of its existence. The article examines the organizational activities of the Revolutionary Committee aimed at creating a system of public education and enlightenment in Armavir, establishing work with the teaching staff of the city, measures to eliminate illiteracy, including the organization of literacy schools, literacy centers, and elements of the program for teaching the illiterate. The article pays special attention to the activities for organizing preschool education. Already in the first year of its existence in Armavir, the Soviet government, represented by its local authorities, took up socially problematic categories of children and adolescents, including children with disabilities and juvenile delinquents. Children's shelters, children's labor colonies, and playgrounds were organized in Armavir.

Ключевые слова: Армавирский ревком, ликбез, отдел народного образования, школьный работник, просвещение, детские площадки, школы грамотности, программа ликвидации безграмотности.

Keywords: Armavir Revolutionary Committee, literacy program, public education department, school worker, education, playgrounds, literacy schools.

Советская власть в Кубанской области окончательно установилась в марте 1920 г. Так, 16 марта в Армавир, оставленный белыми, вошли соединения 2-го Таманского кавалерийского полка. С этого дня началась долгая

история советской власти в нашем городе, и в том числе история деятельности ее административных структур.

С марта 1920 г. на Кубани действовали революционные комитеты, как органы местного управления новой власти. Ревкомы не были выборными органами, что считалось необходимым в условиях возможного сопротивления классовых врагов. К формированию органов местного самоуправления в форме выборных советов на Кубани перешли в конце 1921 г. [6, с. 17].

Структура ревкомов включала отделы по различным направлениям их административной деятельности. Так, в марте 1920 г. возник культурно-просветительский отдел, который уже 1 апреля был переименован в отдел народного образования [2, л. 32]. В этот же день перед отделом были поставлены первые задачи. Прежде всего предстояло выявить и взять на учет все имущество, которое было брошено покинувшими город противниками советской власти, и которое имело культурное или просветительское значение. Оставшиеся в городе организации творческого или культурно-просветительского характера брались на учет. Их руководители должны были заполнить опросные листы, указав, например такие сведения: место расположения, социальный состав, цель деятельности организации [2, л. 27].

Первым заведующим отделом народного образования армавирского ревкома был Николай Арсентьевич Горбунов [1, л. 50]. В городе был создан учительский союз. Из числа членов этого союза был избран совет. Уже 23 марта 1920 г. прошло его заседание в таком составе: М.Н. Жебунова, М.А. Яровая, С.М. Розенблат, Ю.М. Тарашкевич, П.И. Терских, Н.А. Горбунов, С.М. Казиев, Б.П. Выродов, А.Г. Бедов [1, л. 49 об.]. Таким образом, мы можем предположить, что это состав самого раннего из известных нам органов управления образованием, а надо полагать и шире – учительским сообществом – с момента установления в Армавире советской власти.

Структура отдела народного образования ревкома была подробно описана в приказе от 2 апреля. Отдел включал в себя подотделы: школ 1-й и 2-й ступеней, дошкольного и внешкольного воспитания. В ведение подотдела внешкольного воспитания входило обучение взрослых, а также деятельность культурно-просветительского характера и соответствующие этой задаче учреждения: кинотеатры, музеи, библиотеки, театры [2, л. 45].

Протоколы заседаний учительского союза живо передают атмосферу переходного периода, царившую в ту пору в Армавире. Так, в протоколе от 8 апреля 1920 г. уже появляются сведения об арестованных учителях из офицеров [1, л. 51].

Причем Совет открыто помогал им сбором средств для их пропитания в тюрьме и лечения [1, л. 58].

Учительский союз был профессиональным союзом, а потому очень многие пункты его протоколов посвящены материальной помощи коллегам и их семьям.

Уже в мае 1920 г. между Отделом народного образования и Советом районного учительского союза возникает конфликт. Ревком препятствовал проведению съезда Союза, а также забрал у него печать и штампы [1, л. 59].

В протоколе от 13 мая 1921 г. учительский союз назван уже «Рабпросом» и ни одного человека из состава союза, известного нам на март предыдущего года, в числе членов правления Рабпроса уже не было. Состав рассматриваемых вопросов в течение 1921–1922 гг. мало изменился. Они были сугубо «профсоюзными» [1, л. 60].

У нас есть список школьных работников («шкрабов») Армавира за 1920 г., приведенный по школам 1-й и 2-й ступеней. Всего начальных училищ в городе было 19. В них было занято от 2 до 10 шкрабов в каждом. Список гимназий в источнике не полный. В одной из них насчитывался 51 работник (в какой именно не ясно), в «смешанной гимназии» – 13 шкрабов, в гимназии Чимакадзе – 20, в армянской гимназии Армавира – 16 чел. В городе также действовали: школа бывшего кредитного товарищества (3 чел. школьных работников), армянская Бежинская школа (5 чел.), торговая школа (7 чел.), 1-е Армавирское высшее начальное училище (13 чел.), 2-е Армавирское высшее начальное училище (12 чел.), 4-классное реальное училище (6 чел.), мужская гимназия (29 чел.), женская гимназия бывшего общества попечения о детях (20 чел.). Таким образом, в 1920 г. в Армавире действовало более 30 учебных заведений – школ первой и второй ступеней [3, л. 16–18].

С 1919 и до начала 1940-х гг. в СССР действовала масштабная программа по ликвидации безграмотности. Советский ликбез остается самым масштабным социальным и образовательным проектом не только в истории России, но и в Европе [7, с. 16]. И результаты этой кампании были потрясающими по своей эффективности. С весны 1920 г. Кубань также включилась в этот процесс. Задача ликвидации безграмотности стала одной из наиболее важных для армавирского ревкома и отдела народного образования.

В апреле 1920 г. 71,7 % армавирицев были неграмотными, в том числе были и дети школьного возраста, половина из которых не умела читать и писать [5, с. 49]. Отдел народного образования обязывал овладеть грамотностью всех горожан от 8 до 50 лет на русском или родном языке. Для реализации этой задачи уже в апреле 1920 г. обучающимся предлагалось обратиться в местную организацию компартии или комсомола, профсоюзы, в городскую комиссию по работе среди женщин, библиотеку им. Л.Н. Толстого, кооператив «Книжная лавка», музей, в школы [2, л. 65].

Специальные школы грамотности учреждались при существующих школах и других образовательных учреждениях, а также при фабриках и заводах для лиц от 14 до 50 лет обоего пола. Обучение было совместным. Известно, что школы грамотности в 1920 г. были открыты при 3-й народной больнице (В.Ш.: бывшей им. Довжиковой), при клубе им. Энгельса и даже при армавирской тюрьме [4, л. 22]. Обучение было бесплатным и продолжалось 6 мес., ежедневно не менее 2 часов. Урок длился 50 минут. Задание

на дом не являлось обязательным, и в отличие от посещения занятий, вступительных и выпускных экзаменов не было предусмотрено. Обучение предполагалось на русском или родном языке. Программа включала русский язык (чтение и письмо) и математику. Учащиеся делились на 2 группы: совершенно неграмотные и малограмотные.

Обучение чтению проходило при помощи «разрезной азбуки», а также газет и других пособий. Работу с малограмотными следовало начинать с чтения брошюр на темы, живо интересующие учащихся.

С самого начала занятий по русскому языку должны были вестись литературные чтения и беседы, обсуждение прочитанного.

Из сведений о грамматике обучающиеся должны были иметь представление о гласных и согласных звуках, общих правилах переноса, «сомнительных гласных», простейших случаях отделения предлогов, употребления прописных букв и правописании гласных после шипящих. Синтаксис: по окончании обучения у учеников должно быть представление о главных и второстепенных членах предложения, об употреблении знаков препинания.

В инструкции обращалось внимание на то, что первоначально следовало уделять именно русскому языку больше времени, чем математике. Какие же знания должны были иметь выпускники школ грамотности по точной науке? Нумерация и действия над целыми числами, уметь совершать действия с «простыми и составными именованными числами». Владеть устным счетом, уметь использовать счеты. Иметь представление о простейших дробях; о линиях: прямая, кривая ломанная; о параллельности и перпендикулярности; понятие о прямоугольнике и квадрате, круге и дуге, «квадратных и кубических мерах» и уметь все это применить на практике.

Школы грамотности Армавира находились в ведении внешкольного подотдела Лабинского ОНО. Органом управления школами являлся школьный совет, а его исполнительным органом – заведующий школой, избираемый школьным советом и утверждаемый «отнаробом» (отделом народного образования) [4, л. 18 – 18 об.].

Внешкольный отдел должен был принять все меры для искоренения безграмотности населения. Должна быть организована работа по проведению лекций, открытию клубов и библиотек в различных районах города. Из этого же протокола заседания Лабинского окрОНО мы узнаём, что «кинематографы, театры, цирки, также перешедшие в Отдел народного образования, будут подвержены строгому контролю». Здесь же было решено устраивать кинолектории, а также «организовать помимо музыкальных школ также художественные школы или классы». Помимо этого, внешкольный отдел должен был организовать лекции по специальным вопросам: агрономии, технике, счетоводству и т. п. [4, л. 2, 3].

В 1921 г. отдел народного образования Лабинского отдела был разделен на 4 подотдела: хозяйственно-технический, дошкольный, подотдел единой трудовой школы и внешкольный. В задачи дошкольного подотдела входила

организация ясель, «детских очагов», площадок; подготовка на двухнедельных курсах работников для занятий с детьми на площадках и «очагах». Отмечалось, что наиболее дельные работники должны быть направлены для агитационной работы на места. Детские площадки решено было устраивать не только постоянные, но и летние, в различных местах города. Для организации детских площадок допускалось использование некоторых увеселительных садов, из которых первым стал сад бывшего общественного собрания, что располагался на месте нескольких современных пятиэтажных зданий в районе пересечения современных улиц Комсомольской и Урицкого. Подотдел должен был проделать работу по преобразованию детских приютов в детские трудовые колонии, снабдив их участком земли, где дети могли бы заниматься огородом. Решено было организовать детскую читальню и театр. Дошкольный подотдел вместе с хозяйственным должен был заниматься организацией завтраков для детей, экскурсиями по изучению некоторых производств, а также окружающей природы [4, л. 1, 2].

Особенно сложной считалась работа подотдела единой трудовой школы. Это объяснялось «отсечением отдельных классов и ломкой программ». До конца года (Ш.В.: видимо, речь идет о 1920–1921 уч. г.) «ломку» решено было отложить, тем более что многие помещения школ были заняты под лазареты. Но уже в 1921 г. подотделу предписывалось провести ряд подготовительных мероприятий. Уточнялось, что идея трудовой школы на Кубани уже достаточно популяризирована и учительство в целом «почти подготовлено к ней». Начать переход к новым принципам обучения планировалось с сентября 1921 г. потратив лето на подготовительную работу. Так, необходимо было пересмотреть учебные материалы первой и второй ступени, сделав переход максимально безболезненным. Особо отмечалось, что часы, освобожденные от изучения закона Божия, могут быть использованы для восполнения пробелов в других областях знаний. Таким образом, решение об отделении церкви от государства привело к немедленной отмене этого предмета в школах, даже еще до начала масштабных реформ. Далее речь в протоколе шла об организационных мероприятиях, но, к сожалению, не о содержании этой работы [4, л. 3, 4].

Особое внимание отдел народного образования уделял вопросам дошкольного воспитания. А они требовали начинать эту работу, практически, с нуля. Так, в докладе заведующего дошкольным подотделом Лабинского ОНО (июль 1920 г.) отмечается, что «сведений относительно детских садов в отделе не поступало» [4, л. 19]. При площадке № 3 (вероятно, в Армавире) в порядке эксперимента был организован летний детский сад с постоянной группой, которую предполагалось с сентября перевести в школу 1-й ступени.

Далее в отчете упоминается такая форма дошкольной работы, как «детские очаги». Было отмечено, что работают они интенсивно и население относится к ним благожелательно. В очагах было организовано питание. В отчете сказано, что кроме 120 детей и 16 чел. служащих в очагах питаются несколько

«бесприютных» детей. При этих очагах были ночлежки, как сказано «для бесприютных детей до их водворения в детские дома». В очагах велись наблюдения над детьми, велись дневники. Отмечалось, что для одного из очагов уже подыскано зимнее помещение.

О работе детских площадок в Армавире сказано, что в утренние часы детей мало, что связано с дежурствами детей в лавках и советских столовых. Отмечается увеличение числа детей старшего возраста, которых особенно привлекают репетиции спектаклей. В августе 1920 г. в Армавире действовало 3 детских очага [4, л. 19–22].

Уже в первый же год своего существования в Армавире советская власть в лице своих местных органов занялась и социально проблемными категориями детей и подростков. К сожалению, сведений об этом в источниках довольно мало. Известно, что 16 сентября 1920 г. в Армавире состоялось открытие Детского дома III Интернационала. В этот период готовился к открытию Детский дом для «физически дефективных детей». Так в то время называли детей с ограниченными возможностями здоровья. В процессе организации своей работы находился и второй детский дом в Армавире, который должен был принять детей из переполненных детдомов, вероятно из станиц Лабинского отдела [4, л. 35 об.].

В 1920 г. в бывшем имении Меснянкина была оборудована колония для несовершеннолетних преступников [4, л. 35 об.].

Таким образом, анализ документов показал, что перед молодой советской властью в Армавире стояли актуальные и масштабные задачи в области образования и просвещения населения. Намеченные и проводимые отделом народного образования армавирского ревкома мероприятия в 1920–1921 гг. показывают высокую степень интенсивности его работы. Среди решаемых им задач выделяется работа по ликвидации безграмотности, налаживание работы с учительским составом города (школьными работниками), организация работы школ грамотности, внешкольная воспитательная работа. Фактически с нуля пришлось организовывать работу по дошкольному воспитанию, что выразилось в создании ясель, детских площадок, «детских очагов», организации питания для детей. Не обошла своим вниманием новая власть детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья, а также несовершеннолетних лиц с девиантным поведением. Заметное место в работе органов образования в эти годы занимали организационные вопросы, связанные со структурными реорганизациями отделов и подотделов ревкома, что объяснялось не только масштабностью решаемых задач, но и поиском наиболее оптимальных способов их решений в условиях переходного времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф. Р-256. Оп. 1. Д. 12. – Текст : непосредственный.
2. Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 14. – Текст : непосредственный.

3. Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 25. – Текст : непосредственный.
4. Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 122. – Текст : непосредственный.
5. Иванов, Е. М. Армавир – город мой родной / Е.М. Иванов. – Армавир : Армавирское арендное издательско-полиграфическое предприятие, 1996. – 70 с. – Текст : непосредственный.
6. Кузнецов, А. А. Гражданская война на Кубани: «революционизация» общественной жизни: 1917–1921 гг. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кузнецов Антон Александрович. – Майкоп, 2007. – 31 с. Текст : непосредственный.
7. Трубилин, А.Г. Ликвидация безграмотности – самый масштабный социальный и образовательный проект в истории России/ А.Г. Трубилин, А.Д. Золотухин. – Текст непосредственный// Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2022, № 12-5 (75). – С. 16-21.

REFERENCES

1. Archival department of the Armavir city administration, F. R-256, Op. 1, D. 12. (In Russian).
2. Archival department of the Armavir city administration, F. R-475, Op. 1, D. 14. (In Russian).
3. Archival department of the Armavir city administration, F. R-475, Op. 1, D. 25. (In Russian).
4. Archival department of the Armavir city administration, F. R-475, Op. 1, D. 122. (In Russian).
5. Ivanov E. M. *Armavir – gorod moy rodnoy* [Armavir – my native city]. Armavir, Armavir rental publishing and printing enterprise, 1996. 70 p. (In Russian).
6. Kuznetsov A. A. *Grazhdanskaya vojna na Kubani: "revolyuzionalisatsia" obschestvennoy zhizni: 1917–1921 gg.* [Civil war in Kuban: "revolutionization" of public life: 1917–1921]. Майкоп, 2007. 31 p. (In Russian).
7. Trubilin A. G. Liquidation of illiteracy – the largest social and educational project in the history of Russia. *Mezhdunarodny zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International journal of humanitarian and natural sciences*, 2022, no. 12-5 (75), pp. 16–21. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шнайдер, В. Г. Проблемы народного образования в Армавире в начале 1920-х гг. / В. Г. Шнайдер. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 157–163.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Schneider V. G. Problems of Public Education in Armavir in the Early 1920s / V. G. Schneider // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 157–163. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 130.2

О МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А.А. Корякина

ON INTERCULTURAL POLICY IN CIVIL SOCIETY

A.A. Koriakina

Аннотация. Специфика ситуации в современном обществе порождает необходимость обновления межкультурной политики, которая может служить ответом на вызовы этнического разнообразия. Рассматривается потенциал межкультурной политики для повышения устойчивости в условиях изменений в гражданских обществах. Решение данной проблемы укажет на ключевую роль, которую такая межкультурная политика должна играть в условиях гражданского общества в воспитании и интеграции граждан, проживающих в интернациональной среде. Делается вывод о том, что неформальная межкультурная политика, основанная на межкультурной коммуникации (диалоге), не только укрепляет связи между различными культурами, но и способствует сохранению и развитию этнокультур в условиях глобализационных процессов. Реализация ключевых идей статьи важна для решения многих задач этнокультурного развития.

Abstract. The specificity of the situation in modern society gives rise to the need to update intercultural policy that can serve as a response to the challenges of ethnic diversity. The potential of intercultural policy for increasing sustainability in the context of changes in civil societies is considered. The solution to this problem will indicate the key role that such intercultural policy should play in the context of civil society in the education and integration of citizens living in an international environment. It is concluded that informal intercultural policy based on intercultural communication (dialogue) not only strengthens ties between different cultures, but also contributes to the preservation and development of ethnocultures in the context of globalization processes. The implementation of the key ideas of the article is important for solving many problems of ethnocultural development.

Ключевые слова: межкультурализм, межкультурная политика, межкультурная коммуникация, мигранты, гражданское общество, гражданская культура, диалог.

Keywords: interculturalism, intercultural policy, intercultural communication, migrants, civil society, civic culture, dialogue.

Вопрос понимания и реагирования на новые формы этноразнообразия становится ключевым социально-политическим вызовом, поляризующим современные поликультурные общества повсюду. Возобновившиеся дебаты

о степени признания требований меньшинств представляют собой существенные проблемы для исследований миграции и разнообразия и связанных с ними академических областей. Два выдающихся подхода в этой области были особенно предметом интенсивных академических и философских дебатов на протяжении более четырех десятилетий. Первым из них является поликультурализм – подход, ориентированный на разнообразие. Вторым подходом является межкультурализм – подход к управлению разнообразием, основанный на контактах, который подчеркивает межгрупповое взаимодействие, обмен и диалог, а также признает и учитывает культурные права, равенство и справедливость для различных культурных групп. В этой статье основное внимание уделяется межкультурализму.

Политический контекст

Прежде всего, необходимо контекстуализировать межкультурализм в рамках политического контекста.

Межкультурный подход не является чем-то совершенно новым. Фактически, он предшествует текущим дебатам, при этом само понятие «межкультурного» возникло задолго до того, как эта концепция была сформулирована в начале 2000-х годов в европейской версии [1]. И в то время как европейская версия межкультурализма подчеркивает понятие контакта и обмена между гражданами и группами с гражданским обществом, канадский межкультурализм в первую очередь направлен на создание и интеграцию других культурных сообществ в общую общественную культуру, основанную на французском языке [2]. Однако самое раннее упоминание о современном межкультурализме относится к началу 1980-х годов, когда он появился как возможный инструмент политики разнообразия [3]. Несколько десятилетий спустя межкультурализм начал приобретать большую международную известность в исследованиях интеграции иммигрантов и кругах управления этническим разнообразием. Это возрождение ускорилось с выпуском Белой книги Совета Европы 2008 года. Политический и социально-культурный контекст, в котором Белая книга появилась в Европе, характеризовался ростом антимигрантских настроений, воспринимаемым отсутствием интеграции меньшинств и более существенными угрозами безопасности, вызванными так называемой глобальной войной с террором. Большая часть текущих дебатов сосредоточена в области международных отношений, миграционных исследований, образования и других смежных дисциплин. Хотя исследования межкультурализма расширились за последние два десятилетия, его теоретическая отличительность все еще несколько неясна [4]. Кроме того, не было достигнуто согласия относительно ее концептуальных границ по отношению к другим концепциям и теориям, в частности поликультурализму. Тем не менее, межкультурный подход набрал силу в научной литературе с его фокусом в первую очередь на прикладной реализации политики [3; 5]. Белая книга Совета Европы и различные документы ЮНЕСКО часто цитируются в качестве основы для политических дискуссий.

Теоретический контекст

В общих чертах, межкультурная идея направлена на решение ряда критических вопросов о том, как люди относятся друг к другу и как эти взаимодействия формируются и реализуются в повседневных ситуациях. Другие ключевые вопросы касаются того, как люди и группы людей из разных культур взаимодействуют друг с другом; как они живут вместе, несмотря на различия, связанные с языком, культурой, религией, этнической принадлежностью и другими социально-культурными ориентациями; как они разрешают конфликты, возникающие из-за межкультурного недопонимания; и как их повседневное столкновение с разнообразием формирует их отношения, поведение и опыт. За несколько десятилетий появилось множество областей исследований, пытающихся объяснить и проанализировать межкультурные проблемы. Среди них межкультурное образование, межкультурная коммуникация, межкультурные отношения, межкультурная компетентность, межкультурное понимание, межкультурный конфликт, культурные исследования и космополитизм. Межкультурализм является самой известной концептуализацией, входящей в эту междисциплинарную область и сосредоточенной на особом подходе к управлению разнообразием – феноменом, отражающим сложные социокультурные выражения идентичности [1].

Межкультурная политика

Возникновение межкультурной политической теории должно быть понято в рамках различных ключевых концептуальных дебатов. Во-первых, исследования интеграции мигрантов и динамики управления разнообразием традиционно вставляли клин в дискурсы об идентичности против разнообразия, ассимиляции против поликультурализма. Однако недавние разговоры о негативной реакции на межкультурализм и возобновленные дебаты о миграции требуют нового теоретизирования, которое выходит за рамки фиксированных аналитических категорий и традиционных концептуальных дихотомий. Во-вторых, социальная сплоченность и межкультурный контакт недавно появились как два взаимосвязанных тематических ориентира межкультурного подхода. Воспринимаемый дефицит социальной сплоченности послужил мотивацией для поиска нового подхода к управлению разнообразием, в то время как контакт предлагал потенциал для преодоления разрывов через контуры культурных различий. В-третьих, интерес к межкультурным подходам к управлению разнообразием вырос из глобальных проблем безопасности, когда ощущалось ослабление социальной сплоченности и, как следствие, возрождение ксенофобского национализма, расизма и насильственного экстремизма [1]. Эти проявления межгрупповой напряженности стимулировали академические и политические дебаты, сосредоточенные на формулировании альтернативных политических подходов, которые подчеркивают общие ценности в культурно разнообразных обществах. Эта альтернативная точка зрения выступает за подход к культурным и этническим различиям как к нейтральному демографическому атрибуту и, таким образом, избегает крайних позиций предыдущих подходов, таких как ассимиляция, где различия упрощенно проблематизируются. Традиционно большая часть политических дебатов и связанных с ними теорий вокруг управления разнообразием указывала на растущую

сложность достижения социальной сплоченности в культурно разнообразных обществах. В этом контексте межкультурная структура, подчеркивающая общие ценности и социальные контакты, была предназначена для улучшения межличностного взаимодействия и вовлеченности, потенциально развеивая недоразумения, стереотипы и межгрупповые предрассудки. В процессе вовлечения членов различных групп в уважительный диалог, цель преодоления различий и реализации общего видения становится более достижимой. Кроме того, теоретическим отличием межкультурного подхода было его реляционное понятие социального контакта, подчеркивающее значимость межличностных и межгрупповых отношений в формировании общества. В частности, гипотеза контакта утверждает, что позитивное взаимодействие между членами разных групп имеет потенциал для снижения межгрупповых предрассудков, укрепления позитивных установок и поощрения толерантности в обществе. Такое взаимодействие, подчеркивающее взаимность, обмен и диалог между членами разных культур, лежит в основе межкультурного политического подхода к управлению разнообразием [6].

Остановимся на том, что такое межкультурная политика. К примеру, авторы Бушар и Тейлор определяют ее как «политику или модель, поощряющую гармоничные отношения между культурами на основе интенсивных обменов». Данная модель предполагает «интеграционный процесс, который, не будучи нацелен на устранение различий, стимулирует развитие общей идентичности» или общей культуры [6, с. 286]. Такое же место ей отводит Эмерсон. Согласно ему, межкультурная политика «поддерживает этнические, религиозные и культурные меньшинства», помогая им преодолеть проблемы различного толка мерами общественной и государственной поддержки [7, с. 2–3]. Межкультурную политику можно определить, как идеологию, направленную на установление гармоничных межкультурных отношений в современном обществе.

В научной литературе обозначается, что основополагающую роль в межкультурной политике занимает ее социальный компонент, а именно – социальная межкультурная коммуникация. Исследователи подчеркивают, что такая форма коммуникации является процессом передачи социальной информации в контексте социальной среды, причем это движение происходит в рамках неформальных взаимодействий, что предполагает значительное влияние на формирование межкультурных отношений [8].

Решение проблем межкультурной политики

Очевидно, что политика разнообразия и стратегии межкультурного взаимодействия находятся в сложной среде, которая формируется как общественными, так и очень личными или групповыми проблемами, и, следовательно, идеологические шоры должны быть сняты при решении таких вопросов. Межкультурный подход предполагает больше, чем просто принятие «другого», он подразумевает прием «другого» внутри нас и принятие трансформации в ходе этой встречи.

Политическая деятельность государства, как правило, оторвана от таких идей. Вместо этого политический спектр варьируется в пределах «ассимиляционной» политики. По организации меньшинств на ассимиляционном уровне государство признает сотрудничество с ними по ограниченным вопросам; по общественной информированности на ассимиляционном уровне проводятся кампании по поощрению толерантности к меньшинствам и нетерпимости к тем, кто не ассимилируется.

Функцию проведения межкультурной политики берет на себя в данном случае гражданское общество.

Гражданское общество следует рассматривать как важный социальный институт, который объединяет людей на основе их общих интересов и организует их совместную деятельность. В аспекте реализации взаимодействия между государством и гражданами исследователи указывают на особую роль коммуникационных процессов. Такой подход позволяет углубить понимание гражданского общества как платформы, способствующей диалогу между политической властью и разнообразными общественными ассоциациями. Особое внимание здесь следует уделить тому, что одним из ключевых условий эффективной коммуникации между государством и обществом является развитие гражданской культуры, на которое обращают внимание ученые [9].

Гражданская культура способствует формированию активной гражданской позиции и включает в себя комплекс ценностей, норм и практик, обеспечивающих взаимопонимание и доверие между различными участниками общественных отношений. Это взаимодействие является неотъемлемой частью функционирования гражданского общества, которая в свою очередь влияет на устойчивость социальных структур и динамику взаимодействия власти с гражданами. Таким образом, развитие гражданской культуры можно считать важнейшим фактором, определяющим качество и эффективность коммуникации между государственными институтами и обществом в целом.

Наиболее комплексное исследование гражданской культуры представлено в работах Г.А. Алмонда, С. Верба, которые рассматривают ее как «плюралистическую культуру, основанную на коммуникации и убеждении, культуру консенсуса и многообразия, культуру, допускавшую перемены, но способную смягчить их» [10, с. 217].

На уровне гражданского общества развитие такой межкультурной политики консенсуса идет от простого содействия натурализации до фестивалей этнического разнообразия и межкультурных кампаний, а также до поощрения кросс-культурного лидерства, ассоциаций и признания гибридности. Это так называемая неформальная межкультурная политика, основанная на коммуникации.

Неформальная межкультурная политика в гражданском сообществе представляет собой важный аспект взаимодействия между различными этническими и культурными группами, проживающими в этом уникальном регионе. В условиях многоканальных коммуникаций и глобальных вызовов, неформальная политика становится платформой для обмена идеями и лучшим опытом, позволяя представителям местных сообществ находить общие решения. Эти взаимодействия не требуют формального одобрения со стороны официальных властей,

что создает условия для более открытого и гибкого диалога, способного учитывать специфические интересы и потребности различных этносов. В рамках таких инициатив возникает возможность совместного решения проблем, связанных с устойчивым развитием и культурной идентичностью, что способствует гармонии и взаимопониманию в сообществе.

Неформальная межкультурная политика, таким образом, не только укрепляет связи между различными культурами, но и содействует формированию общей социальной ответственности за будущее региона. Она способствует не только объединению людей, но и развитию социальных инноваций.

Решение данной проблемы может быть достигнуто исключительно через позитивный диалог, который станет основой для улучшения межэтнических отношений между мигрантами и коренными жителями. Кроме того, межкультурный диалог, рассматриваемый как отражение современных глобальных системных влияний, выступает важным аспектом формирования культуры согласия.

В этом контексте необходимо акцентировать внимание на гражданско-политическом содержании диалога, которое способствует созданию климата доверия и взаимопонимания. Гражданская культура личности, таким образом, должна развиваться на основе признания значимости согласия в социальных взаимодействиях. Только в таком случае можно говорить о действительно интегрированном и гармоничном обществе, способном эффективно справляться с вызовами многокультурности [11].

При помощи потенциала такого межкультурной коммуникации (диалога) формируется и осуществляется успешная межкультурная политика.

Таким образом, значимость межкультурной политики в гражданском обществе трудно переоценить. Она представляет собой не только ответ на вызовы современности, но и путь к формированию более гармоничного и сплоченного общества. Обеспечение устойчивого диалога и взаимодействия между культурами должно стать приоритетом для гражданских инициатив, государственных стратегий и международного сотрудничества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zapata-Barrero R. Interculturalism in the Post-Multicultural Debate: A Defence / R. Zapata-Barrero // *Comparative Migration Studies*. – 2017. – No. 5 (14). – Pp. 1–23.
2. Ghosh R. The Liberating Potential of Multiculturalism in Canada. Ideals and realities / R. Ghosh // *Canadian issues*. – 2011. – Pp. 3–8.
3. White Paper on Intercultural Dialogue. Living Together as Equals in Dignity // Council of Europe. – 2008. – URL: <https://www.coe.int/en/web/campaign-free-to-speak-safe-to-learn/-/white-paper-on-intercultural-dialogue-living-together-as-equals-in-dignity-2008->.
4. Phipps A. They are Bombing Now: Intercultural Dialogue in Times of Conflict / A. Phipps // *Language and Intercultural Communication*. – 2014. – No. 14 (1). – Pp. 108–124.
5. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation (UNESCO). Intercultural Dialogue. – URL: <https://web.archive.org/web/20180705091906/https://en.unesco.org/themes/intercultural-dialogue>.
6. Bouchard G., Taylor C. Building the Future: A Time for Reconciliation. Report of the Consultation Commission on Accommodation Practices Related to Cultural Differences / G. Bouchard, C. Taylor. – Québec : Gouvernement du Québec, 2008. – 307 p.

7. Emerson M. *Interculturalism: Europe in Search of Sound Societal Models* / M. Emerson. – Brussels : Centre for European Policy Studies, 2011. – 184 p.
8. Gudykunst W. *Theorizing about Intercultural Communication* / W. Gudykunst. – Thousand Oaks, CA : Sage, 2005. – 488 p.
9. Сунгуров, А. Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества / А. Ю. Сунгуров. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 6. – С. 34–48.
10. Алмонд, Г. А. Гражданская культура (подход к изучению политической культуры) / Г. А. Алмонд, С. Верба. – Текст : непосредственный // Полития. – 2010. – № 3–4. – С. 207–221.
11. Плетнев, Д. И. Гражданская культура как культура согласия общества и государства : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Плетнев Дмитрий Иванович. – Томск, 2005. – 137 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Zapata-Barrero R. Interculturalism in the Post-Multicultural Debate: A Defence. *Comparative Migration Studies*, 2017, no. 5 (14), pp. 1–23.
2. Ghosh R. The Liberating Potential of Multiculturalism in Canada. Ideals and realities. *Canadian issues*, 2011, pp. 3–8.
3. White Paper on Intercultural Dialogue. Living Together as Equals in Dignity. *Council of Europe*, 2008. URL: <https://www.coe.int/en/web/campaign-free-to-speak-safe-to-learn/-/white-paper-on-intercultural-dialogue-living-together-as-equals-in-dignity-2008->.
4. Phipps A. They are Bombing Now: Intercultural Dialogue in Times of Conflict. *Language and Intercultural Communication*, 2014, no. 14 (1), pp. 108–124.
5. *United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation (UNESCO)*. URL: <https://web.archive.unesco.org/web/20180705091906/https://en.unesco.org/themes/intercultural-dialogue>.
6. Bouchard G., Taylor C. *Building the Future: A Time for Reconciliation. Report of the Consultation Commission on Accommodation Practices Related to Cultural Differences*. Québec, Gouvernement du Québec, 2008. 307 p.
7. Emerson M. *Interculturalism: Europe in Search of Sound Societal Models*. Brussels, Centre for European Policy Studies, 2011. 184 p.
8. Gudykunst W. *Theorizing about Intercultural Communication*. Thousand Oaks, CA, Sage, 2005. 488 p.
9. Sungurov A. Yu. Intermediary Organizations in the Structure of Civil Society. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Research*, 1999, no. 6, pp. 34–48. (In Russian).
10. Almond G., Verba S. Civic culture (an approach to the study of political culture). *Politiya = Polity*, 2010, no. 3–4, pp. 207–221. (In Russian).
11. Pletnev D. I. *Grazhdanskaya kul'tura kak kul'tura soglasiya obshchestva i gosudarstva* [Civic culture as a culture of consent between society and the state]. Tomsk, 2005. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Корякина, А. А. О межкультурной политике в гражданском обществе / А. А. Корякина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 164–170.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Koriakina A. A. On Intercultural Policy in Civil Society / A. A. Koriakina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 164–170. (In Russian).

УДК 316.772.4

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

С.В. Папонов

VALUE BASES OF PERSONAL COMMUNICATION IN THE SPHERE OF EVERYDAY SOCIALITY

S.V. Paponov

Аннотация. Автор анализирует коммуникативность как совокупность условий и предпосылок успешной коммуникации работника социальной сферы. Утверждается, что социальная сфера связана с особым профилем коммуникативной компетентности, который в максимальной степени ориентирован на взаимоотношения «человек – человек», что требует соответствующих черт характера личности и образования. Выявлено, что повседневная социальность представляет собой особую форму общения, органично сочетающую в себе общественные, культурные и человеческие компоненты. Выделяются такие основополагающие ценности как гуманизм и толерантность применительно в сфере повседневной социальности. Показаны особенности толерантности в межличностном диалоге российского общества с учетом диалогизмов отечественной культуры.

Abstract. The author analyzes communicativeness as a set of conditions and prerequisites for successful communication of a social worker. It is argued that the social sphere is associated with a special profile of communicative competence, which is maximally focused on human-to-human relationships, which requires appropriate personality traits and education. It is revealed that everyday sociality is a special form of communication that organically combines social, cultural and human components. Such fundamental values as humanism and tolerance are distinguished as applied to the sphere of everyday sociality. The features of tolerance in the interpersonal dialogue of Russian society are shown, taking into account the dialogisms of national culture.

Ключевые слова: коммуникативность, коммуникация, социальность, диалог, этика, гуманизм, толерантность.

Keywords: communicativeness, communication, sociality, dialogue, ethics, humanism, tolerance.

Актуальным является исследование ценностей гуманизма и толерантности у работника социальной сферы как основы для повышения уровня культуры коммуникации. Коммуникативность в отличие от коммуникации является более широким понятием, которое включает в себя не только взаимодействие и общение субъектов в различных сферах, но и условия, основания, предпосылки данного процесса. Работник социальной сферы имеет дело с повседневной социальностью. Повседневная реальность включает в себя, кроме культурного и социального, также и антропологическое измерение. Такое человеческое измерение

предполагает гуманизм и нравственную автономность личности, т. е. в данном случае свободу и ответственность личности. Ценностные основания повседневного общения создают для исследователя эпистемологические сложности. Действительно, принципом научного познания служит принцип «Все об объекте», а принцип обыденного мировосприятия основан на принципе «Все для субъекта». Поскольку ценностями в повседневности выступают телесные и чувственно осязаемые, эмоционально окрашенные феномены (способы питания, удобная и часто вовсе немодная одежда, особые языки и пароли невербальной коммуникации), то общение с Другим затрудняется. Конфликты неизбежны. Толерантность становится важнейшей ценностью в коммуникации для социального работника.

Коммуникативная толерантность представляет собой достаточно высокий уровень переносимости одной личностью неприемлемых психических состояний, свойств, качеств и действий других взаимодействующих личностей [3, с. 339; 11, с. 26]

Нашей целью в данном случае является выявление особенностей коммуникативной толерантности социального работника, который руководствуется гуманистическими ценностями. Социальному работнику приходится работать в сложных условиях повседневной социальности, которые необходимо принимать во внимание.

Вопросы коммуникативной толерантности в социальной сфере исследуются рядом ученых, среди которых П.А. Белошапкина [2, с. 10–13], И.Р. Иванова [12, с. 41–44], Е.Ю. Стриганкова [15, с. 78–82] и другие. В данном случае хотелось бы обратить внимание на «мягкую» форму толерантности – свободу совести в широком смысле как показатель культуры человека [1, с. 2–9].

В тезаурус понятия «толерантность» включаются такие концепты, как терпимость, лояльность, сотрудничество, вежливость, диалог, компромисс и некоторые другие. Реже используется понятие «свобода совести». На наш взгляд, реже потому, что толерантность и свобода совести – это близкие понятия, но они по-разному ориентированы: толерантность ориентирована на социум, свобода совести – на человека, его внутренний мир. Очевидно, что они дополнительны друг к другу. Толерантность в истории коммуникации все больше политизировалась и релятивизировалась, отходя от человеческих ценностей. Свобода совести выступает как абсолютная толерантность в философско-антропологическом измерении. С другой стороны, толерантность – это относительная модальность свободы совести, которая устанавливает границу. Толерантность образует ряд точек соприкосновения со свободой совести в культурном измерении, которое опосредствует их, образуя диалектическое единство негативной и позитивной свободы. Свобода совести может рассматриваться как антропологический вектор «свободы-от», т. е. негативной свободы. В свою очередь, толерантность представляет собой социокультурный вектор «свободы-для», т. е. позитивной свободы социального субъекта [1, с. 2–9]

Покажем, каким образом эти общие положения можно применить на практике социальной работы [13]. На наш взгляд, государственный патернализм диаметрально противоположен автономности личности, т. е. ее самостоятельности. Патернализм – это толерантность, которая наиболее резко дистанцируется от свободы совести, давая простор манипулятивной стратегии в коммуникации. Альтернативные формы, аналогичные патернализму, надо интерпретировать как раз как социальную защиту, но не патернализм. Социальная защита трактуется как гуманная помощь слабым и беззащитным, т. е. пенсионерам, инвалидам, подросткам и детям, а также другим категориям населения [5, с. 57–61]. Если же оказывать помощь людям, которые могут сами жить и работать без такой поддержки, то они привыкнут к этому.

Дадим обоснование высказанному положению. Прежде всего, отметим негативную суть манипулятивной стратегии в коммуникации. Манипуляционный тип коммуникативной стратегии является латентной и активной коммуникацией, направленной на управление поведением людей. Манипулятивная стратегия негуманна, поскольку вытесняет конвенциональную стратегию, содержанием которой выступает делиберативный процесс – диалог, базирующийся на коллективной работе людей [4 с. 7–8]. Делиберативный процесс в конвенциональной стратегии нацелен на принятие решения, а процесс одобрения в манипуляционной стратегии нацелен на обеспечение только поддержки принятому решению.

Манипулятивная стратегия противоречит сущности социальной работы в ее гуманистическом измерении, которое предполагает свободу совести в широком смысле слова – как личностную автономность, противостоящую гетерономии. Концепт «социальная» в дефиниции профессии социального работника подчеркивает соучастие всех социальных сил в улучшении качества жизни человека. Концепт «работа» – ответ на такие стороны благотворительной деятельности соответствующих организаций, которые состоят в отсутствии организованности, ответственности и обязанности. Филантропы рассматривают свою деятельность в виде формы развлечения, а не кропотливого труда. Настоящая социальная «работа» должна дисциплинировать всех тех, кто ею занимается. Такие работники будут трудиться профессионально [14, с. 337–340].

Отметим еще одну трудность в повседневной коммуникации, которая заключается в некоторых элементах агональной культуры, затрудняющих общение. В частности, одним из таких элементов является феномен универсального учительства в российской культуре [9, с. 179–180]. В отличие от школьного учительства, универсальное учительство состоит в том, что все люди в той или иной мере склонны поучать друг друга во всех вопросах, исходя из своей несомненной компетентности только в своей узкой области жизни и профессиональной деятельности. Такой переход из узкой области в более широкую создает ситуацию затрудненного общения, ситуацию мнимого знания, которую отмечал еще Сократ, проповедуя свою майевтику.

Возрождая в духе майевтики принцип толерантности в межличностном общении, следует обратить внимание на диалогическую этику и ритуальные (этикетные) диалоги. Диалогическая этика основана на максимальной толерантности в диалоге, которая исключает не только острые формы спора, например, полемику, но даже и дискуссию. Причиной этого является факт того, что в повседневности человека часто не интересует даже истина, на которую нацелена дискуссия. Человека интересует он сам, ему нужно удовлетворить требование своего самолюбия в признании личности как ценности.

Суть диалогической этики состоит в том, что она основана на широком спектре смыслов и ценностей, что позволяет вести диалог на равных с любым человеком, находить с ним общий язык. В данном случае нашим Великим Учителем может быть Конфуций, который говорил, что надо быть вежливым даже со старым другом. Ритуал и церемониал не устарели, они приобрели новые формы. Даже при общении в социальных сетях принято здороваться. Вариация приветствия зависит от степени знакомства или близости общающихся [6, с. 50–51]. В ответ на простое приветствие «Здравствуйте!», «Добрый день» и так далее, могут последовать довольно агрессивные реплики, например, такие: «Спрашивает у больного о здоровье!», «День добрым не бывает» или «Ничего хорошего!». При этом, опять-таки, по совету Конфуция, нельзя поддаваться на эмоциональные провокации. Благородный человек всегда спокоен (Лунь юй [10, с. 164–167]).

При соответствующих условиях диалогическая этика позволяет отказаться от догматических представлений о добродетелях и пороках, предвзятых оценок и предубеждений и уловить тончайшие личностные смыслы, перейти к самой большой ценности в российской духовной культуре – к беседе по душам. Считается, что разговор по душам – это национальный феномен России, в которой искренность, правдивость, справедливость оцениваются превыше всего [8, с. 255–294]. Диалогическая этика не противоречит этическим и нормативным кодексам, базируется на них, но не сводится к ним.

Разумеется, в настоящее время для работника социальной сферы требуется высшее образование. В реальности ощущается дефицит образованности и компетентности в общении, не хватает специалистов. В вузовской подготовке на принцип толерантности обращается особое внимание. Как справедливо подчеркивает В.Н. Делянченко, «сущность педагогической толерантности будущих социальных работников, которая в совокупности отличается признаками толерантного человека и проявляется в профессиональной деятельности через его толерантное поведение: альтруизм, толерантность к неопределенности, адекватность образа «Я» и самооценки, рефлексия, внутренний локус контроля, коммуникативную толерантность, эмпатию, креативность, психологическую устойчивость» [7, с. 192]. Коммуникативные компетенции в настоящее время включены во все государственные образовательные стандарты вузов.

Таким образом, главной задачей повседневности является удовлетворение потребностей индивидов. Повседневная социальность динамична, несмотря на кажущуюся статичность, поскольку она интерактивна, наполнена коммуникативными практиками, связанными с воспроизводством человека. Коммуникация в сфере социальной работы оказывается тесно связанной с повседневной реальностью. Это трансформирует обычные представления о толерантности в политической сфере в духе гуманизма, обращенного к конкретной личности. Мы оставляем термин толерантность в связи с его социальным значением, но сопрягаем его с концептом «свобода совести» в широком смысле слова, т. е. как добровольное служение людям ради общечеловеческих идеалов гуманизма и альтруизма. Сопряжение толерантности и свободы совести в политическом аспекте оказывается сложным делом, требующим дополнительных усилий государства и гражданского общества, совершенствования системы образования. Пандемия ковида показала различие настоящих и иллюзорных ценностей и гуманистических смыслов, особенно в области социальной работы. Возрастание нетолерантности заставило произвести переоценку толерантности как ценности. Однако кризис толерантности вовсе не означает ее полное отбрасывание. Толерантность обновляет свое содержание и показывает свои возможности как дополнительные в отношении свободы совести в широком культурном и антропологическом измерении. Важный вывод состоит в том, что в коммуникативной стратегии социального работника должна найти свое место диалогическая этика, которая предполагает персоналистическую ответственность за приватность в ходе защиты определенных социальных слоев населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопян, Г. А. К проблеме содержания понятия «культура свободы совести» / Г. А. Акопян, М. А. Губанова, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 5. – С. 2–9.
2. Белошапкина, П. А. Влияние цифровых технологий на коммуникации в сфере социальных и медицинских услуг / П. А. Белошапкина, В. В. Голиков, В. А. Кутовая. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы общества, экономики и социального сектора в условиях трансформационных процессов : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (27 февраля 2024 года) / ФГБОУ ВО КубГМУ Минздрава России. – Краснодар : ФГБОУ ВО КубГМУ, 2024. – С. 10–13.
3. Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других / В. В. Бойко. – М. : Филинь, 1996. – 472 с. – Текст : непосредственный.
4. Бородина, Т. В. Социальный диалог: коммуникативные стратегии личностной репрезентации общественных отношений : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Бородина Татьяна Васильевна. – Ростов н/Д., 2003. – 26 с. – Текст : непосредственный.

5. Гончаров, И. В. Государственный патернализм и права человека в современной России / И. В. Гончаров, А. С. Прудников. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 57–61.
6. Гриценко, Л. М. Ритуальное общение как составляющая чат-коммуникации / Л. М. Гриценко. – Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 2–3. – С. 49–52.
7. Делянченко, В. Н. Образовательно-воспитательное пространство вуза как условие формирования толерантности у студентов – будущих социальных работников / В. Н. Делянченко. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 192–199.
8. Дементьев, В. В. «Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации / В. В. Дементьев. – Текст : непосредственный // *Quaestio Rossica*. – 2019. – Том 7. – № 1. – С. 255–274.
9. Диалогизмы социально-исторического сознания / А. Д. Похилько, М. А. Губанова, В. Е. Лоба, И. А. Абдулаева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 173–183.
10. Древнекитайская философия : в 2 томах. Том 1 / составитель Ян Хин-шун. – М. : Мысль, 1972. – 361 с. – Текст : непосредственный.
11. Зеленова, В. С. Коммуникативная толерантность и уровень ее сформированности у студентов разных профилей / В. С. Зеленова. – Текст : непосредственный // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2022. – № 3. – С. 25–29.
12. Иванова, И. Р. Развитие коммуникативной толерантности специалиста социальной сферы в процессе непрерывного образования / И. Р. Иванова. – Текст : непосредственный // Философско-педагогические проблемы непрерывного образования : сборник научных статей V Международной научно-практической конференции (г. Могилев, 29 апреля 2022 года). – Могилев : Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2022. – С. 41–44.
13. Папонов, С. В. Социальная поддержка населения в контексте концепции патернализма / С. В. Папонов. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарный аспект научного знания: современность и перспективы развития : материалы II Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 26 мая 2023 года). – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2023. – С. 114–117.
14. Соболева, Н. Н. Роль социальной работы в России и статус специалиста по социальной работе в обществе / Н. Н. Соболева. – Текст : непосредственный // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт : сборник трудов Пятдесят пятой международной научно-практической конференции (г. Белгород, 27 февраля 2023 года). – Белгород : ГиК, 2023. – С. 337–340.
15. Стриганкова, Е. Ю. Ценностно-коммуникативный подход к формированию личности современного госслужащего / Е. Ю. Стриганкова. – Текст : непосредственный // *Власть*. – 2011. – № 12. – С. 78–82.

REFERENCES

1. Akopyan G. A., Gubanova M. A., Pokhil'ko A. D. On the problem of the content of the concept "culture of freedom of conscience". *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki = Humanities and social sciences*, 2019, no. 5, pp. 2–9. (In Russian).

2. Beloshapkina P. A., Golikov V. V., Kutovaya V. A. The impact of digital technologies on communications in the field of social and medical services. *Aktual'nyye problemy obshchestva, ekonomiki i sotsial'nogo sektora v usloviyakh transformatsionnykh protsessov = Actual problems of society, economy and social sector in the context of transformation processes*. Krasnodar, FGBOU VO KubGMU, 2024, pp. 10–13. (In Russian).

3. Boyko V. V. *Energiya emotsiy v obshchenii: vzglyad na sebya i drugikh* [Energy of emotions in communication: a look at oneself and others]. M., Filin, 1996. 472 p. (In Russian).

4. Borodina T. V. *Sotsial'nyy dialog: kommunikativnyye strategii lichnostnoy reprezentatsii obshchestvennykh otnosheniy* [Social dialogue: communicative strategies of personal representation of social relations]. Rostov-na-Donu, 2003. 26 p. (In Russian).

5. Goncharov I. V., Prudnikov A. S. State paternalism and human rights in modern Russia. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 3 (43), pp. 57–61. (In Russian).

6. Gritsenko L. M. Ritual communication as a component of chat communication. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya = Almanac of modern science and education*, 2008, no. 2–3, pp. 49–52. (In Russian).

7. Delyanchenko V. N. Educational and upbringing space of the university as a condition for the formation of tolerance in students – future social workers. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnyye nauki = Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*, 2018, no. 1, pp. 192–199. (In Russian).

8. Dement'yev V. V. "Heart-to-heart talk" in the system of values of Russian speech communication. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 255–274. (In Russian).

9. Pokhil'ko A. D., Gubanova M. A., Loba V. Ye., Abdulayeva I. A. Dialogisms of socio-historical consciousness. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 2023, no. 1, pp. 173–183. (In Russian).

10. *Drevnekitayskaya filosofiya* [Ancient Chinese philosophy], vol. 1, compiled by Yan Hin-shun. M., Mysl', 1972. 361 p. (In Russian).

11. Zelenova V. S. Communicative tolerance and the level of its formation in students of different profiles. *Nauchnoye obozreniye. Pedagogicheskiye nauki = Scientific review. Pedagogical sciences*, 2022, no. 3, pp. 25–29. (In Russian).

12. Ivanova I. R. Development of communicative tolerance of a social specialist in the process of continuous education. *Filosofsko-pedagogicheskiye problemy nepreryvnogo obrazovaniya = Philosophical and pedagogical problems of continuous education*. Mogilev, Mogilevskiy gosudarstvennyy universitet imeni A.A. Kuleshova, 2022, pp. 41–44. (In Russian).

13. Paponov S. V. Social support of the population in the context of the concept of paternalism. *Sotsial'no-gumanitarnyy aspekt nauchnogo znaniya: sovremennost' i perspektivy razvitiya = Social and humanitarian aspect of scientific knowledge: modernity and development prospects*. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. I.T. Trubilina, 2023, pp. 114–117. (In Russian).

14. Soboleva N. N. The role of social work in Russia and the status of a social work specialist in society. *Nauka i obrazovaniye: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt = Science and education: domestic and foreign experience*. Belgorod, GiK, 2023, pp. 337–340. (In Russian).

15. Strigankova Ye. Yu. Value-communicative approach to the formation of the personality of a modern civil servant. *Vlast' = Power*, 2011, no. 12, pp. 78–82. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Папонов, С. В. Ценностные основания коммуникативности личности в сфере повседневной социальности / С. В. Папонов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 171–178.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Paponov S. V. Value Bases of Personal Communication in the Sphere of Everyday Sociality / S. V. Paponov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 171–178. (In Russian).

УДК 316.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ УТОПИСТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Н.Н. Равочкин, Ю.П. Сухов

TRANSFORMATION OF UTOPIAN IDEAS IN THE MODERN WORLD: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

N.N. Ravochkin, Yu.P. Suhov

Аннотация. В статье с позиции социальной философии рассматривается содержательная трансформация идей утопистов в условиях современного мира. Изучаются наиболее значимые теоретические работы и анализируются исследовательские подходы, позволяющие дать интегральное понимание интеллектуальной истории. Проанализирована сущность социальных идей утопистов. Обозначены новые принципы социального устройства с учетом преемственности классических ментальных конструктов. Определена роль экологического аспекта для актуальных мировых реалий. Обоснованы такие сущностные признаки современного социума, как универсализм, тотальная рационализация, статичность, регламентация. Показаны изменения, которые содержательно претерпели идеи утопистов. В заключение работы подводятся итоги исследования.

Abstract. The article examines the transformation of utopian ideas in the realities of the modern world from the standpoint of social philosophy. The most significant theoretical works are studied and research approaches are analyzed that allow for an integral understanding of intellectual history. The essence of utopian social ideas is analyzed. New principles of social structure are outlined, taking into account the continuity of classical mental constructs. The role of the ecological aspect for current world realities is determined. Such essential features of modern society as universalism, total rationalization, staticity, and regulation are substantiated. The changes that the utopian ideas have undergone are shown. In conclusion, the work summarizes the results of the study.

Ключевые слова: идея, утопия, интеллект, человек, общество, будущее, коммуникация.

Keywords: idea, utopia, intelligence, man, society, future, communication.

Утопическая идея как таковая представляет научный интерес по двум основаниям. На теоретическом уровне следует говорить о формировании концепта, в котором сохраняются целостные идеалы, возвышенные нормы, которые могут определять вектор развития общества и детерминировать действия целых сообществ и многих поколений. «Изображения фантастических „городов будущего“ на какое-то время заполнили страницы архитектурных журналов. Проблемы, неразрешимые в пределах современной реальности, здесь решались без всяких затруднений... Авторы этих проектов основывали модели желаемого будущего на достаточно произвольном соединении идеальных качеств, образующих противоположности наиболее

очевидным и трудноустранимым недостаткам материальной среды современных городов» [7, с. 104–105]. Можно говорить о том, что актуальные социальные проблемы каждой из эпох находят свое отражение в идеалах и концептах совершенных форм устройства коллективного бытия, что в итоге формирует представления о перспективах развития общественного.

Таким образом, генеральная задача данной статьи может быть определена как изучение идеальных сообществ, что также предполагает поиск и интеллектуальное выделение фундаментальных свойств и оснований совместного бытия.

Одновременно с этим отметим, что практическая сторона утопического концепта может быть связана с возможными технологиями изменения актуальной социальной реальности. Суть в том, что наличие идеально устроенного коллектива предполагает дискуссии по вопросам его достижения, а значит – выработки технологий, позволяющих достигнуть более совершенного уровня развития совместного бытия, а также нивелирования до известной степени действующих трудностей и проблем, так или иначе существующих в общественном бытии. Поэтому практическое изменение, трансформация различных сторон коллективной интеракции, основанное на целеполагании и стремлении к идеалу, может быть полезным в научном и прикладном значении.

Практический уровень использования изучения утопических идей определяется возможностью формирования рекомендаций по ремоделированию всех сторон общественной жизни, которые регламентируются ценностным и нормативным измерением организации данного типа социальных систем. Кроме того, важным практически ориентированным ресурсом следует считать формирование идеологических оснований конкретного общества. В литературе отмечается дискуссия, посвященная тому, какое идеологическое основание следует считать наиболее эффективным. Причем отмечается, что, начиная с капиталистического общества, значимым представляется противостояние государственного и экономического мировоззренческого основания.

В этой связи необходимо отметить, что утопизм как форма миропонимания и отношения к общественной действительности предполагает наличие идеальных, порой не существующих конструктов коллективного бытия. Однако следует, с нашей точки зрения, согласиться с утверждением М.В. Заладина, согласно которому «можно жить, ориентируясь на принципиально новые, реально еще не существующие в обществе ценности и институты, и, несмотря на это, совершенно не быть утопистом» [5, с. 169]. Мысль исследователя полезна для нас в том смысле, что фундаментальное разделение на утопическое как должное и актуальное как сущее позволяет использовать две стороны планируемого в качестве идеального.

Одна сторона вопроса состоит в признании недостижимости идеала совершенного общества с необходимостью эмоционального принятия такой недостижимости. Такая логика позволяет на интеллектуальном и эмоциональном

уровнях сформировать представление и мироотношение, в котором целеполагание будет ориентировано на платоническую традицию преодоления несовершенного в мире, стремление быть выше мирского, до определенной степени мириться с существующим несовершенством как социальным, интеллектуальным, коллективным неустранимым злом.

В качестве эмпирического аргумента М.В. Заладина приводит пример о том, что в трудах К. Маркса, Д. Бэлла, Э. Тоффлера имеются идеалистические конструкции, которые на момент выхода книг не имели фактов именно достижения идеального устройства общества, однако предполагали возможность достижения результатов трансформаций структуры коллективного бытия, которое бы позволяло улучшить, привести в более совершенный вид актуальные формы и состояния социального бытия.

Вместе с тем, в обозначенных книгах известных мыслителей содержится указание на ряд принципов, позволяющих говорить о возможных будущих состояниях общественной системы. К. Маркс утверждает, что развитие общества основано на внутренних противоречиях, и каждое новое состояние является естественно-историческим переходом к следующей стадии. В «Немецкой идеологии» и «Гражданской войне во Франции» Маркс утверждает, что коммунизм – это не идеал, а потенциальное состояние, которое должно быть достигнуто, тогда как следующее общественное состояние – результат предшествующего развития.

Для Д. Бэлла, Э. Тоффлера и ряда других мыслителей, которых в некоторых исследованиях воспринимают в качестве футурологов, очевидным было тот факт, что образ будущего представляет собой состояние общества, обусловленное объективным анализом наиболее вероятных тенденций его развития. Полагается, что именно тенденция трансформации общества является предметом изучения футурологов, которые видят в таких преобразованиях итог развития социальной ткани в исторической, технической, экономической и иной перспективах.

Футурологи часто используют утопический принцип, создавая образы будущего на основе умозрительных идей и субъективных представлений о лучшем будущем, что становится описательным подходом к интерпретации будущих общественных состояний. Так, некоторые зарубежные ученые высказывают положение о том, что «в сфере исследования будущего велика роль нормативного подхода, замаскированного под дескриптивный. Многие прогнозы видных американских мыслителей суть констатация того, что автор хотел бы видеть случившимся, и не обязательно того, что, по его мнению, случится, часто эти прогнозы представляют собой неприкрытую попытку сформулировать какую-то особую политику или программу» [15, с. 246]. В рамках представленной логики исследования ценным представляется тот факт, что на уровне теоретического понимания системы общественных связей и отношений формируется множество идей, содержащих в себе ценностное отношение к будущему, которое воспринимается как наиболее приоритетное, значимое.

Можно говорить о том, что теоретическое понимание утопического мироотношения содержит в себе целостные и ценностные ориентации, которые могут трактоваться в качестве идеалов для развития общественных систем. Если в традиционном понимании утопии представляют собой сугубо субъективный и недостижимый идеал общества, то современные формы и способы отношения к общественной системе предполагают возможность достижения такого состояния связей и отношений между людьми, которое мыслится как результат развития сложившихся стадий социальных форм бытия. Более того, ученые, опирающиеся на процесс технического развития системы общественных отношений (Д. Бэлл, Э. Тоффлер) [8] усматривали возможность достижения идеального состояния коллективного бытия через развития именно технической и технологической стороны совместной социальности [4].

Современные утопии сохраняют преемственность с конструкциями предшествующих эпох, однако приобретают новые черты, среди которых имеет смысл выделить следующие:

- она суть альтернатива альтернативой, протестом против большинства установок постмодернистской культуры, сознания и связанных с ними установок. Полагается, что классическая утопическая мысль обладает свойством целеполагания, рационального развития общества, а также центризмом в своем функциональном развитии. Как результат, сохраняется интенция к борьбе против прагматизации жизни, антиисторицизма, деконструктивизма, отказа от целеполагания, а также ряда других современных тенденций постмодернистского дискурса. Современная утопия определяется в первую очередь способностью ориентации на классическое наследие социальной мысли;

- развивается идея плюралистичности и динамичности современного общества как центральная интенция утопического социализма. Однако такие процессы реализуются на современном, технически, экономически, рационально более совершенном уровне.

Важной особенностью современных утопий является их плюралистичность, что выражается как в формальном, так и содержательном основании их классификации. Перед нами возникает идея полиутопизма, выражающаяся в возможности и действительности формирования множества альтернативных вариантов утопического мироустройства и организации общественных процессов. Так, можно говорить о либеральной, социалистической, консервативной утопиях.

Частным случаем либеральных утопических представлений имеет смысл считать концепцию разделения экономического, политического и этического утопизма Пьера Розанваллона, который в своих работах указывал на обозначенное противоречие и полагал, что экономический либерализм суть ответ на проблемы, не решенные сторонниками теории общественного договора. Ученым полагается принципиальная идея: регламентировать социальную ткань возможно различными способами, среди которых политико-правовой – самый простой, но далеко не единственный [11]. Куда более продвинутый и зачастую

эффективный (в том числе заменяющий политический и правовой механизм) оказывается экономический либерализм, на основании принципов которого становится возможным обеспечение автоматической корректировки социальных устоев на основании принципов функционирования рынка. Последний, кроме того, осуществляет перемещение средств и ресурсов, а также их перераспределение без четкой привязки к воле отдельного человека, равно как и элит в целом. Таким образом, базисом организации так понимаемого либерализма становятся все возможные юридически неформальные нормы и принципы регламентирования.

Идея рынка, таким образом, идеально воплощает автономию индивидов, устанавливая между ними внеличностные связи. Создается архетип неиерархичной системы, в которой решения принимаются вне зависимости от чьей-либо воли.

Однако в рамках идей, предложенных Пьером Розанваллоном, отмечается значимая для нас идея об утопическом мироустройстве. Принципиальной мыслится проблема взаимодействия институтов власти и отдельных индивидов, причем каждая конкретная форма их интеракции исторически, культурно, социально и в иных значениях детерминирована. На этом основании практика утопического мышления предполагает устремленность в систему отношений, в которой частные формы интеракции будут иметь минимальное значение. В соответствии с представленной логикой Пьер Розанваллон высказывает утверждение о том, что рыночные механизмы и правовое государство схожи в своем отказе от конкретных форм интеракции и влияния институтов власти на индивидов. В связи с этим возникает положение о самостоятельности частного субъекта и формировании так называемого морального либерализма с приматом человека как судьей своих решений. Как следствие, можно говорить о том, что современный вариант утопизма в экономико-этическом и правовом смысле может быть связан с принципом самостоятельности и независимости экономического, политического и правового субъекта.

Важно понимать, что классическое понимание утопического социального устройства с течением времени существенно трансформировалось. Причем речь идет о различных сферах, которые определяют само существование идеального государства [10] (социальной системы, включающей в себя все необходимые структуры и элементы коллективного бытия).

При этом на современном этапе развития общества создаются как моноутопии, «направленные на построение универсальной цивилизации, имеющей мультикультурный характер, так и утопии отдельных групп общества, отвечающие интересам этих групп и не затрагивающие вопросы устройства общества в целом» [6, с. 121]. Моноутопия суть такая форма организации социальных процессов, которые позволяют удовлетворить интересы не отдельной группы или целого социального слоя, а всего человечества. При этом в качестве основания такой общественной организации могут быть природные

факторы (так называемая экоутопия), психологическое единение (психоутопия), практические действия (практоутопия), а также ряд иных вариантов и способов организации коллективного бытия.

Необходимо отметить, что идеи, к примеру, экоутопии формировались еще в традиционных формах утопического социализма. На примере анализа концепции Т. Мора современными учеными проводится две генеральные линии, одна из которых связана с картографией, то есть с потребностью и возможностью отражения реальной карты утопического государства, а другая – с необходимостью выбора формы организации экологических систем.

Первая линия определяет рельеф и все возможные естественные условия жизни в конкретном утопическом обществе. Д.А. Рубан [12] в своем анализе утопии Т. Мора указывает на наличие в истории мысли дискуссии о формальных картах данного идеального государства. Расхождение в трактовках картографов состоит в интерпретации свойств рельефа, гидрологических, транспортных, пространственных и иных ресурсов идеального государства в интерпретации английского ученого. Столкновение точек зрения и понимания расположения города – государства может стать основанием для выявления идеального основания для поиска ресурсов в форме полезных ископаемых, транспортных потоков, интенсификации различного рода интеракций и так далее.

При этом следует заметить, что первоначальная тенденция к изображению географических факторов в средневековом формате изобразительного искусства позволила сформировать различные интерпретации географического пространства утопии. На современном этапе развития представленной идеи следует говорить о стремлении ряда мыслителей к решению экологических проблем. Таким образом, с середины XX века формируется целое направление философии – инвайронментализм, предметом изучения представителей которого является совокупность экологических проблем, а также практик борьбы за улучшение качества природных факторов среды обитания.

Другая проблема, так или иначе связанная с картографией утопического романа, связывается действительно с выбором формы организации экологических систем. В данном случае речь идет скорее об антропологическом изменении экосистемы государства. Д.А. Рубан высказывает идею о том, что, начиная с эпохи Возрождения, существовала потребность в антропогенной трансформации среды обитания. Осмысление влияния человека на среду, в которой он живет, можно считать основанием для становления современного идеального (утопического) общества. Последнее трактуется как идеальным образом организованное пространство для отражения человеческого способа существования. Ценным в данном случае имеет смысл считать факт развития урбанистической застройки, а также организации и трансформации городского ландшафта [14]. На этом основании имеет смысл говорить, что современные формы трансформации экоутопии реализуются в двух аспектах – естественном (ресурсном) и социальном (преобразованном).

Одним из значимых принципов построения идеального устройства становится его локализация в координатах пары «пространство – время». Полагается, что для данного типа общества существенными признаками становятся «универсализм, тотальная рационализация, статичность, регламентация и проработка всех деталей идеала, ориентация на всеобщее и игнорирование индивидуального» [6, с. 119]. Представленные признаки формируют заранее готовую форму общественных отношений, которые не могут реально существовать в условиях динамично развивающегося общества.

Развитие психоутопии связывается некоторыми современными исследователями с развитием психологии и усилением антропологического принципа на множество областей коллективного бытия. Так, во второй половине XX века трансформации подвергаются не только политические или социальные сферы коллективного бытия, но в том числе внутренний мир человека. В научных разработках Ч.С. Кирвеля отмечается: «Для современной утопии характерно смещение акцентов с осмысления перспектив достижения материального изобилия, с поисков человеческого блага на анализ перспектив изменения внутреннего мира человека, его психики и самочувствия, включение в картину будущего проблемы индивидуальной самореализации» [9, с. 109].

Идеальным обществом считается то, где возможно реализовать творческий потенциал человека. Технический и технологический прогресс в постиндустриальных странах способствует материальному благосостоянию, но делает его достижение менее значимым. Все это приводит к становлению новой мотивационной системы, разработкой которой занимаются в системе утопического миропорядка. В некоторых зарубежных научных разработках отмечается, что элементами такой системы становится измененная социальная нормативности, определяющая трансформацию положения мужчины и женщины, а также преобразование выполняемых ими функций. Кроме того, значимым оказывается анализ проблем и вопросов «сексуального неравенства людей, массовизации общества, возрастающего потребительского отношения к миру среди населения, широкого распространения депрессий» [6, с. 123]. Все представленные проблемы и трудности мыслятся в качестве актуальных и ценных для современного общества, а значит, в условиях актуальных утопий активно обсуждаются пути и наиболее эффективные методы их решения.

Далее, заметим существование известной критики статичности и игнорирования индивидуального в структуре утопического мировоззрения и структуры идеально выстроенной социальности приводит к солидарности исследователей во мнениях о том, что современное капиталистическое общество далеко от идеала человекоориентированности, что делает возможным отход от традиционного капитализма в различные стороны. Более того, Д.А. Давыдов указывает, что капитализм критикуется чуть ли не повсеместно, в том числе даже в США, в которых изначально «левые» идеи мягко сказать были не в самом большом почете и признании. Обозначается ряд экономических факторов, которые бесспорно указывают на необходимость решения ряда насущных вопросов, касающихся обеспечения достойного уровня жизни.

Вопрос о дальнейшем развитии принципов построения утопического общества развивается в двойственном направлении, оба которые связываются с положением о практической ориентации концепции и установки на то, что технические и иные элементы современного мироустройства должны учитывать как максимально совершенную коллективную, так и персональную интенцию.

В таком ракурсе следует говорить о том, что решение о формировании более совершенного устройства общества основывается на решении в частности – экономической стороны коллективного бытия. Связывается это с нерешенными проблемами, среди которых особый акцент Д.А. Давыдов [2, с. 18–19] делает на несправедливое распределение материальных благ и ресурсов, высокий уровень инфляции при отсутствии реального повышения уровня доходов и так далее.

Экономические трудности сводятся ученым к ряду социальных последствий, среди которых следует выделить обесценивание труда рабочих, снижение индекса труда и так далее. Однако, как показывают теоретические и прикладные исследования, существует совокупность методов и инструментов, которые способны радикально изменить, исправить ситуацию [3]. Это становится возможным на основании автоматизации и роботизации производства, что позволит, как указывают специалисты, сократить рабочую неделю, выплачивать безусловный доход, стремиться к равному распределению технологически обоснованному богатству и так далее [1].

В связи с представленной логикой размышления принципиальным становится противостояние политической и экономической иерархии, основанных на различных формах доминирования (правовых и экономических видах власти соответственно). Обе стороны сами себя дискредитировали, что привело Н. Срничека и А. Уильямса к идее так называемой горизонтально-локалистской системы общественных отношений, при которой все вертикально ориентированные схемы управления ликвидируются, а их политические формы бытия трансформируются на множество социальных «клубов по интересам», которые самостоятельно оказываются способными к принятию и претворению желаемых решений и руководств к действию.

Такие политические явления, как феминизм, движение за права черных и так далее, оказываются локальными мир-системами, которые отражают протест против чего-либо в попытке создать систему, альтернативную капиталистической мир-системе. Как следствие, утопическая характеристика современного общества второй половины XX – начала XXI века связывается с уходом от генеральной линии фундаментального мироотношения в пользу создания отдельных, в том числе малых групп с целью достижения таких результатов, которые мыслятся их представителями как максимально отражающие их интересы.

Однако «по одиночке» такие малые группы не могут противостоять неокapитализму, поскольку они несоразмерны ему по ресурсам. На этом основании справедливым представляется вывод о необходимости формирования так называемой «народной политики», которая апеллирует к местному,

конкретному (к примеру, – к забастовке, той или иной акции, то есть к чему-то, что имело бы природу максимально малого, но влиятельного). Как следствие, возникает необходимость борьбы системы «народной политики» через нивелирование преимуществ неокapиталистической системы. Утопическая интенция такой логики определяется в первую очередь тем, что снимается внутреннее противоречие капитала как доминирующего начала, которое подминает под свои интересы буквально все, что ему принципиально, и частные драмы людей, утрачивающие самого себя в такой борьбе через различные формы отчуждения.

Как итог, утопичность идей Н. Срничека и А. Уильямса состоит в призыве достижения такого положения дел, при котором в социальной среде возникнет возможность свободы от труда и приоритета досуга. Ценным оказывается положение об избавлении от «механического», «массового» работника с возможности перекалывания соответствующих обязанностей на технические средства. Сфера досуга и творческий труд сохраняется, однако речь идет скорее о популистском движении, в котором антитрудовая политика связывается со стремлением за социальную справедливость и освобождение человечества от навязанных стандартов [13]. Учеными высказывается точка зрения, в соответствии с которой допустимым оказывается теневой труд, полная эмансипация всех людей, борьба с расизмом и иными формами дискриминации и так далее. В целом, следует говорить о том, что «народная политика» современной утопии связывается с разрушением гегемона в пользу реализации частных интересов и перспектив отдельного, персонального способа самореализации.

Подводя итоги, можно говорить о том, что идеи утопистов представляют собой совокупность ментальных конструкций, которые следует трактовать как совершенное состояние общества, или объект, к которому необходимо стремиться. В условиях современности такие идеи претерпели ряд изменений, среди которых наиболее значимыми следует считать:

- положение о практической ориентации действий по трансформации актуальных условий коллективного бытия;
- стремление к нивелированию тяжеловесных фундаментальных механизмов (как в политике, так и в экономике), создание таких общественных условий, при которых горизонтальные связи и отношения оказываются определяющими;
- мультикультурализм, стремление к культурному и ценностному плюрализму;
- решение проблем географического, урбанистского и психосоциального характера, избавление от навязанного труда, переход к доминированию творческого быта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдов, Д. А. Безусловный доход и перспективы посткапитализма / Д. А. Давыдов. – Текст : непосредственный // Мир перемен. – 2017. – № 2. – С. 119–132.
2. Давыдов, Д. А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации / Д. А. Давыдов. – М. : Ленанд, 2020. – 218 с. – Текст : непосредственный.

3. Давыдов, Д. А. Посттрудовая (анти-)утопия? Критический взгляд на концепцию посткапитализма Ника Срничека и Алекса Уильямса / Д. А. Давыдов. – Текст : непосредственный // Свободная мысль. – 2020. – № 2. – С. 5–24.
4. Дубров, А. П. Теория информационного общества и информационного обеспечения / А. П. Дубров. – Текст : непосредственный // Вестник СГТУ. – 2013. – № 3 (72). – С. 201–208.
5. Заладин, М. В. Специфика утопии как феномена сознания и культуры / М. В. Заладин. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. – 2009. – № 4 (16). – С. 167–174.
6. Захарова, К. Н. Социальная утопия современного общества / К. Н. Захарова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. – 2012. – № 2 (26). – С. 119–124.
7. Иконников, А. В. Утопия и антиутопия в современной архитектуре / А. В. Иконников. – Текст : непосредственный // О современной буржуазной эстетике : сборник научных статей / составитель В. П. Шестаков. – М. : Искусство, 1986. – С. 104–105.
8. Ищенко, М. В. Информационное общество: подходы к определению сущности категорий / М. В. Ищенко. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия Экономика. – 2007. – № 1. – С. 47–54.
9. Кирвель, Ч. С. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции / Ч. С. Кирвель. – Минск : Университетское, 1989. – 190 с. – Текст : непосредственный.
10. Кузнецова, А. В. Генезис жанров утопии и антиутопии в английской литературе XX века / А. В. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 2 (36). – С. 248–264.
11. Розанваллон, П. Утопический либерализм / П. Розанваллон. – Текст : электронный // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/3/utopicheskij-liberalizm.html> (дата обращения: 11.01.2025).
12. Рубан, Д. А. Экологические аспекты утопии: картографические образы и туристический эксперимент / Д. А. Рубан. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 5 (109). – С. 110–118.
13. Срничек, Н. Манифест акселерационистской политики / Н. Срничек, А. Уильямс. – Текст : непосредственный // Логос. – 2018. – № 2. – С. 7–20.
14. Шатула, Т. Г. Превращенные формы социального идеала в практике социальных проектов / Т. Г. Шатула. – Текст : непосредственный // Идеи и идеалы. – 2010. – № 1. – С. 76–84.
15. Kahn H., Bruce-Briggs B. Things to Come. – NY : The Macmillan Company, 1972. – 262 p.

REFERENCES

1. Davydov D. A. Unconditional income and the prospects of postcapitalism. *Mir peremen = World of Changes*, 2017, no. 2, pp. 119–132. (In Russian).
2. Davydov D. A. *Lichnost' i gosudarstvo v terniyah postkapitalizma: Na puti k novej antagonisticheskoj obshchestvennoj formacii* [Personality and the state in the thorns of postcapitalism: On the way to a new antagonistic social formation]. M., Lenand, 2020. 218 p. (In Russian).
3. Davydov D. A. Post-labor (anti-)utopia? A critical look at the concept of postcapitalism by Nick Srnicek and Alex Williams. *Svobodnaya mysl' = Free Thought*, 2020, no. 2, pp. 5–24. (In Russian).

4. Dubrov A. P. Theory of information society and information support. *Vestnik SGTU = Vestnik SSTU*, 2013, no. 3 (72), pp. 201–208. (In Russian).
5. Zaladin M. V. Specificity of utopia as a phenomenon of consciousness and culture. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: social'nye nauki = Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: social sciences*, 2009, no. 4 (16), pp. 167–174. (In Russian).
6. Zakharova K. N. Social utopia of modern society. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: social'nye nauki = Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: social sciences*, 2012, no. 2 (26), pp. 119–124. (In Russian).
7. Ikonnikov A. V. Utopia and Dystopia in Modern Architecture. *O sovremennoj burzhuaaznoj estetike = On Modern Bourgeois Aesthetics*. M., Iskusstvo, 1986, pp. 104–105. (In Russian).
8. Ishchenko M. V. Information society: approaches to determining the essence of categories. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Ekonomika = Vestnik of Omsk University. Series Economics*, 2007, no. 1, pp. 47–54. (In Russian).
9. Kirvel C. S. *Utopicheskoe soznanie: sushchnost', social'no-politicheskie funkcii* [Utopian consciousness: essence, socio-political functions]. Minsk, Universitetskoe, 1989. 190 p. (In Russian).
10. Kuznetsova A. V. Genesis of the genres of utopia and dystopia in the English literature of the XX century. *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Problems of history, philology, culture*, 2012, no. 2 (36), pp. 248–264. (In Russian).
11. Rosanvallon P. Utopian Liberalism. *Neprikosnovennyj zapas = Emergency reserve*, 2002, no. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/3/utopicheskij-liberalizm.html>. (In Russian).
12. Ruban D. A. Ecological aspects of utopia: cartographic images and tourist experiment. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2022, no. 5 (109), pp. 110–118. (In Russian).
13. Srnicek N., Williams A. Manifesto for an Accelerationist Politics. *Logos = Logos*, 2018, no. 2, pp. 7–20. (In Russian).
14. Shatula T. G. Transformed forms of the social ideal in the practice of social projects. *Idei i idealy = Ideas and ideals*, 2010, no. 1, pp. 76–84. (In Russian).
15. Kahn H., Bruce-Briggs B. *Things to Come*. NY, The Macmillan Company, 1972. 262 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Равочкин, Н. Н. Трансформация идей утопистов в современном мире: социально-философский анализ / Н. Н. Равочкин, Ю. П. Сухов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 179–189.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ravochkin N. N., Suhov Yu. P. Transformation of Utopian Ideas in the Modern World: Socio-Philosophical Analysis / N. N. Ravochkin, Yu. P. Suhov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2025, no. 1, pp. 179–189. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алексеева Галина Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко» (г. Воронеж); e-mail: galinaaga15@gmail.com

Alekseeva Galina Anatolevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Voronezh State Medical University Named After Burdenko (Voronezh); e-mail: galinaaga15@gmail.com

Безруков Андрей Александрович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: bezrukov1957@yandex.ru

Bezrukov Andrey Alexandrovich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: bezrukov1957@yandex.ru

Безрукова Екатерина Сергеевна – аспирант 4-го курса ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: bezrukov1957@yandex.ru

Bezrukova Ekaterina Sergeevna – 4th Year Postgraduate Student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: bezrukov1957@yandex.ru

Герлах Ирина Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: irina_gerlah@mail.ru

Gerlakh Irina Vitalievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory, History of Pedagogy and Educational Practice, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: irina_gerlah@mail.ru

Данильянц Эдуард Игоревич – специалист по учебно-методической работе управления научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: danilyanc01@gmail.com

Danilyants Eduard Igorevich – Specialist in Educational and Methodological Work of the Department of Scientific Research and Innovation Activities, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: danilyanc01@gmail.com

Зайцева Лариса Александровна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры туризма ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (г. Саранск); e-mail: sama_la@mail.ru

Zaytseva Larisa Alexandrovna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Tourism, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk); e-mail: sama_la@mail.ru

Каспарян Константин Викторович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: kasparyan@pgu.ru

Kasparyan Konstantin Victorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: kasparyan@pgu.ru

Клоков Андрей Николаевич – научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ООО «БМК ГРУПП», аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: a.n.klokow@yandex.ru

Klokov Andrey Nicolaevich – Scientific Researcher at the Department of Archaeological Heritage Protection of BMK GROUP LLC, Post-Graduate Student at Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: a.n.klokow@yandex.ru

Ключко Юлия Станиславовна – магистр программы «Развитие личностного потенциала в образовании: персонализация и цифровизация», ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва); e-mail: KulaginaYS467@mgpu.ru

Klyuchko Yulia Stanislavovna – Master's Degree in the Program "Personal Potential Development in Education: Personalization and Digitalization", Moscow City Pedagogical University (Moscow); e-mail: KulaginaYS467@mgpu.ru

Колесников Илья Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: in_kolesnikov@mail.ru

Kolesnikov Ilya Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: in_kolesnikov@mail.ru

Корякина Анжелика Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» (г. Якутск); e-mail: koryakina1@gmail.com

Koriakina Anzhelina Anatolievna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk); e-mail: koryakina1@gmail.com

Коханов Денис Федорович – соискатель, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва); e-mail: den.cohanov@yandex.ru

Kokhanov Denis Fedorovich – Degree Applicant, Moscow City Pedagogical University (Moscow); e-mail: den.cohanov@yandex.ru

Красильникова Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры туризма ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» (г. Саранск); e-mail: knataliw@mail.ru

Krasilnikova Natalia Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Tourism, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk); e-mail: knataliw@mail.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI вв. Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the XX–XXI Centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Мосина Оксана Анатольевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей и социальной педагогики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар); e-mail: kuvshinovaoa@mail.ru

Mosina Oksana Anatolyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Kuban State University (Krasnodar); e-mail: kuvshinovaoa@mail.ru

Орчакова Лариса Геннадьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва); e-mail: OrchakovaLG@mgpu.ru

Orchakova Larisa Gennadievna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University (Moscow); e-mail: OrchakovaLG@mgpu.ru

Павлов Сергей Валерьевич – аспирант 3-го курса очной формы обучения кафедры культурологии, педагогики и искусств АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского» (г. Санкт-Петербург); e-mail: pvlsergey@mail.ru

Pavlov Sergey Valerievich – Postgraduate Student of the 3rd Year of Full-Time Education of the Department of Cultural Studies, Pedagogy and the Arts, Russian Christian Humanitarian Academy Named After F.M. Dostoevsky (Saint-Petersburg); e-mail: pvlsergey@mail.ru

Паленый Андрей Владимирович – преподаватель кафедры общевоенных дисциплин Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова (г. Краснодар); e-mail: dr.paleniy@yandex.ru

Paleniy Andrey Vladimirovich – Teacher of the Department of General Military Disciplines, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots Named After Hero of the Soviet Union A.K. Serov (Krasnodar); e-mail: dr.paleniy@yandex.ru

Папонов Сергей Викторович – аспирант 4-го года заочной формы обучения ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Краснодар); e-mail: raponov@bk.ru

Raponov Sergey Viktorovich – 4-year Postgraduate Student of Correspondence Course, Armavir State Pedagogical University (Krasnodar); e-mail: raponov@bk.ru

Равочкин Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого» (г. Кемерово); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ravochkin Nikita Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University Named After T.F. Gorbachev; Professor of Pedagogical Technologies Department, Kuzbass State Agricultural University Named After V.N. Poletskov (Kemerovo); e-mail: nickravochkin@mail.ru

Рогожина Наталия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры права и истории Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» (г. Пятигорск); e-mail: Natalia05@yandex.ru

Rogozhina Natalia Yurievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Law and History, Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute-Branch of the Volgograd State Medical University (Pyatigorsk); e-mail: Natalia05@yandex.ru

Середина Ирина Вадимовна – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: ud@pgu.ru

Seredina Irina Vadimovna – Post-Graduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: ud@pgu.ru

Сухов Юрий Петрович – соискатель кафедры философии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск); e-mail: ysuhov@sfu-kras.ru

Suhov Yuri Petrovich – Aspirant of Philosophy Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); e-mail: ysuhov@sfu-kras.ru

Тамашина Ярославна Николаевна – аспирант кафедры начального, основного и среднего общего образования ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского»; учитель истории и обществознания ГБОУ школа № 464 Пушкинского района Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург); e-mail: geraslavna@yandex.ru

Tamashina Yaroslavna Nikolaevna – Postgraduate Student of the Department of Primary, Basic and Secondary General Education, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education Named After K.D. Ushinsky; Teacher of History and Social Studies, Secondary School No. 464, Pushkin district of St. Petersburg (Saint Petersburg); e-mail: geraslavna@yandex.ru

Твелова Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: tvelova.i@inbox.ru

Tvelova Irina Aleksandrovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Junior Research Fellow at the Research and Innovation Department, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: tvelova.i@inbox.ru

Хлудова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nauchupr@mail.ru

Khludova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Junior Researcher at the Department of Research and Innovation, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: nauchupr@mail.ru

Цечоев Ахмед Якубович – соискатель кафедры «Отечественная история» ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет» (г. Магас); e-mail: TAYakubovich@yandex.ru

Tsechoev Ahmed Yakubovich – Candidate of the Department of National History, Ingush State University (Magas); e-mail: TAYakubovich@yandex.ru

Шнайдер Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Армавирский механико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (г. Армавир); e-mail: schneiderwg@mail.ru

Schneider Vladimir Gennadievich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities, Armavir Institute of Mechanics and Technology (Branch) of the Kuban State Technological University (Armavir); e-mail: schneiderwg@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302). **С 22.10.2021 года журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 рабочих дней** после окончательной даты приема материалов.

Срок приема статей – до 15 мая 2025 года.

Дата выхода журнала – июнь 2025 года.

Основные рубрики журнала:

Научные специальности*	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени*
5.6.1. Отечественная история	Исторические науки
5.7.7. Социальная и политическая философия	Философские науки
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования	Педагогические науки
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);
- отчет о проверке на антиплагиат;
- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей:

Публикация 1 страницы текста (при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **700 рублей.**

Правила оформления статьи

Объем до 16 страниц (шрифт Times New Roman Суг, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

- 1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК.
- 2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.
- 3) Заглавие статьи на русском языке.
- 4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.
- 5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.
- 6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A. G., Korotovskikh V. A., Kolesnikov A. A., Timonov A. V., Kardymon D. V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L. S., Mamikonians L. G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>.

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 5.7.7.

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт,
г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue

of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p. (In Russian).
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru, тел.: 8-900-123-45-67,

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru, tel.: 8-900-123-45-67,

сообщаю, что представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и / или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____» (название статьи) отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1 2025

Журнал входит в перечень ВАК

Редакционно-издательский отдел
Начальник отдела: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: И.Д. Фролов
Дата выхода в свет: 29.03.2025. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 23,72. Уч.-изд. л. 13,29. Тираж 300 экз.
Заказ № 10/25. *Цена свободная.*

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Издатель: ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес издателя:
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Адрес редакции: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, ауд. 4